Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 6 — 15 МАРТА

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 82468. Москва. Тираж 83.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

О работе в массах.

Современная обстановка снова и снова выдвигает перед нами вопросы массовой работы.

Новые трудности, соответствующие новизне и своеобразию переживаемой полосы развития, требуют для своего преодоления напряжения всех наших сил как материальных, так и морально-волевых, требуют дальнейшего развертывания и использования в целях социализма всей пробужденной активности трудящихся масс, в особенности рабочего класса.

Мы находимся в полосе все более и более развертывающейся работы по организации социалистического производства. Основные, принципиальные вопросы нашего курса, поставленные переходом от одного этапа к другому, от восстановления к реконструкции, партией уже решены, решены по-ленински, в духе прямых указаний покойного вождя, несмотря на попытки увести партию в сторону от ленинизма. Мы вплотную занялись практической деловой работой по проведению в жизнь принятых партией «принципов», несмотря на то, что не было недостатка в попытках вернуть партию вновь к обсуждению уже решенных ею общих проблем, тащить партию назад, *от* конкретного, практического строительства. Самые рядовые члены партии оказались настолько зрелыми, что не поддались на оппозиционную провокацию и единодушно ответили отказом вести дискуссии по указанным, ясным для партии вопросам, тесно связанным с переходом к практическому проведению лозунгов индустриализации, за что от оппозиционных мудрецов получили геростратовски-знаменитую кличку «реакционности» («рабочий класс оказался реакционным») или еще более фразисто—как это сделано в самое последнее время—обвинение в возобладании «центробежных тенденций», в цеховщине, в забвении исторических интересов пролетариата.

В настоящее время партия имеет возможность, соблюдая полную ясность в принципиальных вопросах, заняться вплотную такими крупнейшими практическими задачами, как режим экономии, снижение цен, борьба с бюрократизмом.

Но это-то и выдвигает перед нами с особой силой вопросы *содержания и характера* нашей массовой работы.

Мы имеем сложную, тонкую, разветвленную систему массовых организаций, внедрившихся и внедряющихся своими ячейками

в самую гущу рабочего класса. Мы имеем установившиеся или устанавливающиеся способы их правильного действия, известные формы разделения труда внутри каждой из них, известные элементарные приемы работы, доступные всякому среднему рабочему и т. д. Ни одна партия в мире не имеет такой широкой системы массовых организаций трудящихся, как наша. Но в работе этих организаций уже наступил такой момент, пришло такое время, когда центр тяжести явно перемещается и должен будет переместиться на само *содержание и характер* массовой работы.

Это последнее должно находиться в определенном соответствии с культурно-политическим уровнем масс, среди которых ведется работа.

Суть дела состоит в том, что революция пробудила в трудящихся массах самые разнообразные, самые разносторонние потребности и запросы. Вся наша строительная работа имеет одним из важнейших своих результатов расширение этих потребностей, их дальнейшую дифференциацию и усложнение. И хотя мы еще не можем сказать, что избавились уже целиком от того исторического наследия, которое выражалось в проклятом отсутствии потребностей и представляло в былые дни камень преткновения в работе партии в массах,—все же мы не имеем никаких оснований жаловаться на темп, которым изживается это наследие. В такой обстановке обвинение нашего рабочего класса в цеховщине, в «центробежных тенденциях» звучит особенно дико и бессмысленно. Люди разучились понимать что-либо в настроениях рабочего класса.

Фактически политическая активность пролетариата поднимается. Потребности растут. Запросы расширяются, они делаются все более и более разнообразными. Культурная революция, о которой писал Ленин, началась. Ее нужно возглавить. Ее нужно направлять в русло победоносного строительства социализма. Вот задача!

Орудием должны служить те массовые организации, о которых говорилось выше (партия, профсоюзы, советы, кооперация, женорганизации, организации молодежи, различные культурно-просветительные, добровольные общества и учреждения).

Основной тон, в котором всенепременно и обязательно должна быть выдержана вся массовая работа, это—*отзывчивость и чуткость к потребностям и запросам трудящихся*. Вот условие, с точки зрения которого должна быть оценниваема всякая организация, ведущая работу в массах. Вот условие, без которого ее работа без дальнейших разговоров должна быть признана неудовлетворительной.

Отзывчивость и чуткость — таково решающее требование, пред'являемое к нам трудящимися с особой настойчивостью и в особенности в настоящий и весь предстоящий период нашего

развития. Область политических и культурных запросов трудящихся сейчас в особенности не мирится с штампованно-шаблонизированным подходом, со скукой, серостью, одноцветностью, не говоря уж о методах прямого давления, принуждения. Требуется величайшая внимательность к индивидуальным особенностям различных групп и слоев рабочего класса и трудящихся вообще, величайшая тактичность и гибкость в руководстве, чтобы пробудившуюся и пробуждающуюся активность развивать, а не тормозить,—расширять поле ее применения, а не сужать.

Это, конечно, требует от нашего актива нового, дополнительного напряжения сил, дальнейшей работы над своей культурно-политической квалификацией, дальнейшего выдвижения из недр самих трудящихся новых слоев актива, способных руководить массой, сливаясь с ней воедино, способных оформлять в духе партийных директив общественное мнение трудящихся, находясь в постоянном общении с ними, способных направлять энергию в русло практической борьбы с недостатками нашего аппарата, с бюрократизмом, бездушным отношением к общественному делу. Беда наша состоит в том, что очень часто мы не умеем всего этого делать и впадаем в ошибки,—либо неумение возглавлять дух здоровой критики, либо искусственное подлаживание даже под предрассудки тех или иных отсталых слоев рабочего класса. И те и другие, встречающиеся часто, случаи свидетельствуют об отсутствии гибкости, об известной закостенелости в методах работы. Но плохо будет тому, кто не изживет этих недостатков: он не завоюет авторитета, он потеряет доверие масс к своему руководству, растеряет силу своего влияния и интимные нити, связывавшие его с массами.

Уметь возглавлять здоровую критику, сочетая это с защитой партийных решений перед массами, путем предварительного и обязательного оформления мнения членов партии—такова одна из важнейших задач, преследуемых массовой работой. Серьезная, захватывающая низы борьба с извращениями партийных директив по режиму экономии, борьба с бюрократизмом, борьба с невыполнением партийных решений не даст результатов без широкого привлечения здоровой критики рабочих масс, которую нужно взять под свое руководство, довести до осязательных практических результатов, дабы активность не сменилась апатией, прилив не сменился отливом.

Не только возглавлять здоровую критику, но и уметь ее вызывать! Система постоянной отчетности перед массами, строгой подконтрольности выборных органов, доклады ревизующих и контролирующих органов, систематическая информация о ходе выполнения тех или иных решений партийных и советских органов, решений тех или иных коллективов и групп трудящихся, сопровождаемая открытым выявлением перед массами отношения

ячейки и комитета партии к поставленным вопросам—вот путь, который приведет к пробуждению дальнейшей активности.

Мы пользуемся этими путями слишком еще недостаточно. «Маленький» пример: в партийное сознание твердо вошло понимание всего огромного значения выборов, скажем, рабочих депутатов в советы; но на многих ли предприятиях избранные депутаты держат рабочую массу в курсе задач и работы, проделываемой ими и советом в целом? На многих ли предприятиях депутаты отчитывались перед избнрателями *до* предвыборной кампании? Известно далее, что конституция СССР предусматривает *право избирателей на отзыв своего депутата*. Известно, что это право является величайшим плюсом в организации системы советского государства. Но дозволительно спросить: найдется ли сотня (или даже десяток) предприятий, которые бы использовали это право, скажем, в течение всего 1926 года? Так и получается, что величайшее достнжение нашего политического строя остается без применения. Такое важное средство пробуждения активности избирателей и их интереса к работе советов, и затем активности самих депутатов не использовывается. На это обстоятельство обратил внимание членов партии июльский 1926 года пленум ЦК, и его решение должно быть выполнено, должен быть создан известный перелом,—может быть, на первых порах путем организации показательных примеров отзыва депутата, не оправдавшего доверия избирателей.

Не будем приводить других примеров нашего неумения вызывать актнвиость и здоровую критику у рабочих масс. Всякий найдет их более чем достаточно, если присмотрится к своей и своих товарищей работе. Больше того, можно найти массу примеров того, как неумелая работа приводит к *притуплению интереса* рабочих к тем или иным сторонам общественной работы, когда решения рабочнх собраний в жизнь не проводятся, остаются на бумаге, рабочая масса не информируется о ходе заинтересовавшего дела, когда ей не представляется обоснованного отчета о выполненин принятых постановлений. Недавио опубликованное постановление ЦК *о массовой работе на предприятиях* совершенно справедливо заостряет на этом вннмание коммунистов. Так нужно, так должно.

Вопросы массовой работы ставят, между прочим еще один важнейший вопрос. Мы не учитываем *разнообразия* в запросах масс. Мы часто по инерции продолжаем свою работу в духе чистой или голой политики, оставляя без внимания, без руководства *другие* стороны в запросах рабочих. Интерес к разнообразнейшим ответвлениям культуры, науки, техники не находит у нас достаточного отзвука и сочувственного отклнка. Это можно проследить, например, по содержанию многих и многих из наших газет. Между тем начавшаяся культурная революция находит свое выражение, в частности, в том невероятно-повышенном интересе, который возбуждают вопросы культуры, литературы, искусства, науки, техники, физической культуры, изучения прошлого, изучения естественных ресурсов нашего строительства и т. д., и т. д. Правильно поставленная работа должна учитывать это разнообразие требований и нащупать правильное соотношение между материалом политическим и материалом культурно-бытовым, связывая их в едином потоке несущегося культурно-политического под'ема. Нам нечего смущаться такой разносторонностью запросов. Иной, может быть, найдет в этом «подтверждение» теории возобладания «центробежных тенденций» в нашем пролетариате. Слепец! Мы же можем только приветствовать такое сочетание культурно-политических запросов в рабочем классе,—приветствовать, способствовать и руководить...

Мы говорим о городе. Само собой разумеется, деревня также не представляет исключения. И здесь стоят вопросы массовой работы, связанные в основном с проведением в жизнь лозунга оживления советов...

Работа нашего актива сильно усложняется, дифференцируется. На ряду с дальнейшим воспитанием старых кадров рабочего класса, накопивших гигантский революционный опыт, стоит воспитание масс, лишь недавно пробудившихся к сознательной общественной жизни, еще зараженных массой мелкобуржуазных предрассудков, привносимых от условий мелкого производства. Различны ступени развития внутри каждой из этих групп. Разнообразны требования, пред'являемые этими слоями и группочками в свою очередь. Без тесных—можно сказать даже интимных—связей с самими этими массами воспитательная работа не может быть успешной. Без сплочения актива, постоянно выдвигаемого из низов, эта работа не может быть проведена. Без чуткости, внимательности, отзывчивости нечего и браться за работу. С ними же, с этими качествами массовой работы,—неслыханное расширение партийного влияния, расширение базы, на которую партия опирается в строительстве социализма, в выполнении великих исторических задач пролетариата.

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(Ревизионистская апологетика капитализма).

I.

Социал-демократия еще считает себя марксистским течением в рабочем движении; мало того: ее идеологи считают социал-демократию *монопольной* представительницей марксизма [1]).

По существу дела, социал-демократия, классической представительницей которой является германская социал-демократия, отреклась от марксизма, в ряде его важнейших положений, уже давно, значительно раньше мировой войны [2]).

Однако, до последнего времени официальные представители социал-демократии прикрывали свое отступление от марксизма утверждением, что они остаются на почве марксизма; «авгуры» не переставали время от времени отмежевываться от «старого» ревизионизма, идейным отцом которого является Эд. Бернштейн.

Новое в идейных позициях социал-демократии заключается в том, что за *последние годы* теоретики социал-демократии, «подправляя» Маркса, все более решительно *признают самый факт ревизии и становятся открыто, в своей критике марксизма, на почву «старого» ревизионизма.*

В этом, уже и *формальном* признании ревизионизма выражается итог идейной эволюции социал-демократии, совершающей свой переход к ревизионизму, *по сути дела*, уже довольно давно.

Количество перешло в качество: оппортунистические идейные наслоения выглядят теперь как более или менее законченная *ревизионистская* система взглядов.

Ревизионизм Бернштейна получил в среде социал-демократии не только амнистию, но и всеобщее признание.

Вот что пишет, например, Пауль Кампфмейер в журнале «Sozialistische Monatshefte» [3]).

> «Ревизионизм, враждебный «радикальному» квиетизму и стремящийся к творческой социалистической работе, старался установить взаимную связь между практической работой рабочего класса и теорией социализма. Он совершенно иначе расценивал самостоятельные выступления рабочего класса в области государственного и коммунального социализма, в области кооперативной и профсоюзной, не так, как это делала общепринятая (landläufige) теория. *Результаты показали, что он находился в более тесном идейном родстве с подлинными марксистскими идеями, чем «марксистское» ортодоксальное учение»*.

[1]) Коммунизм наших дней социал-демократы рассматривают как разновидность... мелкобуржуазного революционаризма!

[2]) Эта сторона дела получила теперь уже и *историческое* освещение: см. главу третью книги Н. Лукина-Антонова—«Очерки по новейшей истории Германии», Госиздат, 1926 г.

[3]) Paul Kampfmeyer: «Was ist Sozialismus» in «Soz. Monatshefte» № 1, 1927.

Можно предвидеть возражение, что «Sozialistische Monatshefte» не являются официальным органом партии и концентрируют наиболее правые элементы социал-демократии. Но, *во-первых*, в высшей степени характерно, что центральный комитет партии социал-демократов поручил редактирование комментариев к партийной программе, принятой в Гейдельберге в 1925 году, именно этому певцу ревизионизма и идейному руководителю «Sozialistische Monatshefte»—Кампфмейеру [1]).

Во-вторых, славословие ревизионизму нашло место и на страницах журнала «Gesellschaft», редактируемого Р. Гильфердингом, идейные позиции которого, по общему признанию социал-демократов, наиболее верно выражают идейное лицо партии.

Один из социал-демократических профессоров, Эрик Нельтинг [2]), подвизающийся на страницах органа Гильфердинга, изображает ревизиониста Бернштейна характернейшей и определяющей фигурой социал-демократического движения до последнего времени.

Разбивая историю социализма на три эпохи, (эпоха «научно-теоретическая», эпоха «организационно-пропагандистская» и эпоха «власти»), Нельтинг утверждает, что в настоящее время социал-демократия вступила в третью полосу («власти»).

Этот переход к эпохе власти был подготовлен второй эпохой, которая сделала социал-демократию крупнейшей политической силой.

Охарактеризовав эту эпоху социал-демократического движения, профессор заключает:

> *«Известная фраза Бернштейна, являющаяся в одинаковой степени и верной, и ошибочной, о том, что цель—ничто, а движение—все,—могла бы рассматриваться как лейтмотив этой фазы движения»*.

Так некогда идеолог ревизионизма возводится на пьедестал, как воплощение социализма на его второй («организационно-пропагандистской») стадии развития [3]).

[1]) См. «Das Heidelberger Programm. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie». Verlag Dietz; 1925. Это издание вышло с пометкой:

> «Предлагаемый труд был издан согласно постановлению ЦК социал-демократической партии, выбравшего авторов для отдельных частей книги и поручившего общее редактирование товарищу Кампфмейеру».

[2]) См. «Die Gesellschaft», 1925. № 1, ст. «Das Dreistadiengesetz des Sozialismus».

[3]) Цитируемая нами статья интересна и с другой стороны. Социал-демократический профессор изображает Маркса исключительно как ученого и марксистское движение эпохи Маркса—как *исключительно теоретическое* движение (символом этой эпохи Э. Нельтинг считает Gelehrtenstube; *движения масс* профессор не видит; Маркса—создателя и руководителя I Интернационала—Нельтинг не знает.

Для второго этапа символом является «Rednertribüne», для третьего—«Regierungssessel» (так-то!). Социализма, как движения масс, для Нельтинга вообще не существует: социализм достигнут, когда «das Dreistadiengesetz des Sozialismus» «посадит» социал-демократов на правительственные кресла (кстати, характернейшими представителями этой третьей стадии социализма

Но Бернштейна возвеличивают не только социал-демократические профессора. Его «амнистирует» и перед ним капитулирует «сам» К. Каутский, доказывавший когда-то, что Эд. Бернштейн—не социалист и что ревизионизм—продукт буржуазного влияния.

Теперь К. Каутский поет другое: он склонен думать, что «правы были оба» и что, во всяком случае, Бернштейн многому поучил социал-демократию вообще и его, Каутского, в частности.

«*Кто из нас тогда был прав или, вернее говоря, в какой мере тот или иной был прав,—я не могу решить, так как это значило бы быть судьей в собственном деле... Я, по крайней мере, многому научился тогда у Бернштейна, хотя и иным путем, чем раньше. Я обратил внимание на слабые места в нашей доктрине, места, к которым я до того времени недостаточно внимательно относился и которые я теперь должен был лучше и изучить и правильнее понять...*» [1]).

Каутский оправдывает теперь даже центральную формулу ревизионизма: «движение—все; конечная цель—ничто».

«Эта фраза, с которой он начал то критическое движение, которое мы называем «ревизионизмом», сильнейшим образом повредила Бернштейну в наших рядах и зародила сомнения в том, является ли он вообще социалистом. Но позднейшее поведение Бернштейна показало, что он этой столь неудачно составленной фразой хотел сказать не больше того, что и Маркс своими известными словами, что один шаг подлинного движения стоит больше дюжины программ, или своей фразой, что рабочий класс не должен осуществлять никаких идеалов, а только вызвать к жизни элементы нового общественного строя».

Итак, Бернштейн—как Маркс. Его ревизионизм—это чистейший марксизм. А если К. Каутский и писал когда-то против ревизиониста Бернштейна—так, ведь, это же «грехи молодости»! Кто принимает их всерьез?

Ревизионизм обеляется всеми наперебой. Даже в «социалистических» учебниках ревизионизм изображается как стопроцентный марксизм, еще «более марксистский», чем марксизм Маркса.

профессор считает: Эберта, Макдональда и др. социал-реформистов, соучаствовавших во власти с буржуазией).

Курьезией всего то, что пишет Нельтинг о соотношении развития коммунизма и социал-демократизма:

«Со смертью Ленина завершилась первая идеологическая фаза коммунизма, при чем и здесь, по поразительной аналогии, Троцкий пережил учителя; как *наш* (!? *А. С.*) Энгельс—Маркса. С теперешними своими вождями коммунизм вступает в миссионерскую (т. е. организационно-пропагандистскую. *А. С.*) стадию своего развития, между тем как мы уже находимся в третьей стадии, заключающейся в осуществлении социализма».

Все эти, ровно ничем не обоснованные, смехотворные глупости профессор считает изложением «Des Dreistadiengesetzes des Sozialismus». Посудите теперь на какой «стадии» находится теоретический уровень современных «ученых» социал-демократов!

[1]) См. «Die Gesellschaft» 1925. № 1. ст. К. Каутского—«Eduard Bernstein zu seinem fünf-und siebziegsten Geburtstag».

Характеризуя ревизионизм, автор учебника социал-демократической «политграмоты» для «социалистической» молодежи [1]), пишет:

«В крупном вопросе (о котором здесь не приходится более подробно говорить): *социальная политика или социальный революционаризм?*—он сознательно стал на точку зрения социальной политики, и отсюда ясно его отношение к злободневным вопросам настоящего времени и в особенности к вопросу: демократия или диктатура? *В этой форме ревизионизм является в конечном счете не чем иным, как марксизмом, очищенным от всех революционистских и утопических шлаков*».

Большей ясности желать невозможно: учение Маркса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата—шлак; ревизионизм Бернштейна—чистейший марксизм!

Такому «марксизму» обучают социал-демократы современную рабочую молодежь!

* * *

Но *формальное* признание ревизионизма имеет место среди социал-демократии неспроста. Шаг за шагом отходила социал-демократия от марксизма; шаг за шагом она приближалась в своих оценках, положениях и выводах к ревизионизму; год за годом она все решительнее защищала социал-реформизм против революционного марксизма; год за годом «философия» ее политики приобретала все более явный ревизионистский облик.

В таких условиях признание ревизионизма стало необходимостью; стала необходимостью коренная и открытая переоценка прежних ценностей, стала необходимостью борьба с идеологическими пережитками полуреволюционного прошлого.

Социал-демократия сочла за благо выбросить за борт ненужный и связывающий балласт в виде рудиментарных идейных остатков прошлого: она явно выступила *против марксизма, за ревизионизм.*

Но ревизионизм—это определенная система взглядов. «Усвоила» ли эту систему взглядов современная социал-демократия? Несомненно, усвоила и *признала своей.*

Ревизионистский оппортунизм выразился, прежде всего, *в отказе от марксовой оценки тенденций и перспектив развития капитализма и в замене марксовой теории социалистической революции теорией социал-реформизма.*

Посмотрим раньше, в какой степени современная социал-демократия стала ревизионистской в оценке тенденций и перспектив капиталистического развития.

Одним из основных элементов теории общественного развития Маркса является его положение о накоплении противоречий между производительными силами и производственными отношениями капитализма. Проявление этих противоречий Маркс усматривал в кризисах, а неизбежным средством разрешения этих противоречий считал пролетарскую революцию.

Ревизионисты, как известно, «ревизовали» марксизм в этом пункте: они утверждали, что противоречия смягчаются уже в

---

[1]) См. «Die Theorie des modernen Sozialismus». Für die jugend dargestellt, von Rudolf Abraham, Berlin, 1923, herausgegeben vom Hauptvorstand des Verbandes der soz. Arbeiterjugend Deutschlands, стр. 133.

рамках капитализма и что, в частности, капитализм все более успешно борется с кризисами.

Послушаем, что говорит по этому поводу официальный редактор комментариев к теперешней социал-демократической программе, Пауль Кампфмейер [1]):

«Маркс недооценил лишь эластичность и гибкость капиталистических форм собственности, которые вмещают в себе сейчас, может быть, в десять раз большее товарное богатство, чем он в свое время предполагал.

Может быть, именно это противоречие между производительными силами и условиями производства и собственности, которое Маркс так подчеркивал и которое, по его мнению, открывало путь к социализму, и является слабым (конечно, не решающим) пунктом в его теории развития социализма. Колоссальное развитие производительных сил ни в одной культурной стране не привело к разрушению капиталистических экономических форм. Таким образом, не оправдались надежды на те бессознательные процессы обобществления и разрушения!»...

То, что Кампфмейер говорит о тенденциях *современного капитализма вообще*, Гильфердинг отмечает в отношении империализма военного и послевоенного «периода» [2]).

«В экономическом отношении война и послевоенный период сопряжены с чрезвычайным усилением концентрационных тенденций капитала... Одновременно с этим крепнет порядок и сознательное руководство экономической жизнью... Уменьшается изменчивость условий капиталистического производства, и смягчаются кризисы или, по меньшей мере, их действие на рабочих»...

Итак, противоречия между производительными силами и производственными отношениями уменьшаются, кризисы смягчаются—словом, «тишь да гладь, да божья благодать».

Но эти «теорийки» прежде всего не выдерживают критики с точки зрения *фактов*. Мировое хозяйство пережило в военный и послевоенный период небывало-тяжелый кризис, а современные ревизионисты разливаются соловьем относительно плавности и непрерывности «мирного» развития капитализма.

Оказывается, *не было* никаких потрясений, *не было* разрыва связей мирового капитализма, *не было* жестких кризисных конвульсий в хозяйственном организме капиталистических стран.

Оказывается, *не верно*, что над шестой частью земного шара господствует диктатура пролетариата, под руководством которой трудящиеся СССР строят *новое* общество, с *новыми* закономерностями, *принципиально иными*, чем при капитализме, отношениями, *принципиально другими* тенденциями и перспективами развития. Оказывается, *не было и нет* сильнейших антиимпериалистических колониальных движений.

Если поверить этому «об'ективному» лакею буржуазии, то за военный и послевоенный период капитализм достиг небывалых успехов и проделал новый, бесперебойный, громадный цикл прогрессивного развития.

[1]) См. «Sozialistische Monatshefte», 1927, № 1, ст. «Was ist Sozialismus».
[2]) «Die Gesellschaft» 1924, № 1 «Problem der Zeit».

Сне утверждается, несмотря на то, что современная продукция капитализма лишь чуть-чуть отошла от довоенных норм.

Почти пятнадцать лет капитализм в противоречивых движениях и потрясениях топчется на одном месте, а социал-демократический апологет капитализма убеждает рабочих, что капитализм бежит вперед, что он прогрессивен, что противоречия внутри его смягчаются, что достижения подводят его вплотную к идиллическому состоянию ультраимпериализма [1]).

Продажный теоретический ланцет усердно соскабливает с капитализма «кровь и грязь» и подчищает его в интересах контрреволюции. Замечательная картина!

Итак, экономическое развитие, развитие производительных сил,—утверждают сегодняшние ревизионисты так же, как утверждали и «старые» ревизионисты *против Маркса*,—не стесняется капитализмом. Последний оставляет возможность для небывалого экономического прогресса, для непрерывного развития производительных сил общества.

Составитель учебника социал-демократической политграмоты прямо заявляет, что прогноз Маркса в этом отношении не оправдался [2]).

«Мы, однако, уже отметили, что несмотря на наличие огромной доли правды в прогнозе Маркса, *отдельные его составные части в последующем развитии далеко не оправдались во всех отношениях*. Это касается главным образом теории крушения, или катастрофы, того великого «краха», которого ожидал Маркс в результате постоянного учащения и обострения экономических кризисов. *В этой форме громадная катастрофа не наступила и не наступит*, так как не осуществились ее предпосылки—учащение и обострение экономических кризисов».

Все отмеченные выше ревизионистские суждения о смягчении противоречий внутри капитализма и о блестящих перспективах развития производительных сил в рамках капитализма—имеют целью обосновать *ненужность*, *излишность* пролетарской революции *с точки зрения перспектив экономического развития*.

Соответственно этому, современный ревизионизм утверждает, далее, что смягчение противоречий происходит и в области *социальной*. На пути этих утверждений современные ревизионисты, следуя примеру «старых» ревизионистов, отрекаются от марксовой теории и «обнищания» масс».

Карл Каутский, подавший в этой области пальчик ревизионистам уже давно, в своей программной работе «Die proletarische Revolution und ihr Programm» высказался в том духе, что теория «обнищания» верна только для первых ступеней «примитивного» рабочего движения [3]). По мере же укрепления рабочего движения, закон «обнищания» перестает действовать.

В уже цитированном нами учебнике мы встречаем следующее заявление [4]):

[1]) Об отношении социал-демократии к империалистической политике мы будем писать в особой статье.
[2]) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, стр. 128.
[3]) См. Karl Kautsky — «Die proletarische Revolution und ihr Programm», Verlag Dietz, 1922, стр. 51.
[4]) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, стр. 128—129

«И учение о растущем обнищании пролетариата не вполне оправдалось... Правда, с момента начала мировой войны, развитие снова идет по пути, предсказанному в этой теории обнищания: цены на все предметы первой необходимости постоянно подымаются в то время, как зарплата не подымается в соответствующем размере, в результате чего положение рабочих действительно ухудшается. Однако, общее экономическое развитие с 1914 г. протекает так неравномерно, в нем настолько отсутствует какая-либо закономерность, что нельзя считать обнищание рабочих, явившееся результатом войны, тем именно обнищанием, которое было предсказано Марксом».

Итак, теория обнищания тоже «устарела». Новые ревизионисты находятся в полном единодушии со старыми.

В полном единодушии со старым ревизионизмом они говорят о неприменимости законов капиталистического развития к области *сельского хозяйства*. Если Каутский еще полуоспаривал ревизионизм Давида, Бернштейна и др. в этой области в книге «Die proletarische Revolution und ihr Programm», то ко времени своего последнего партийного с'езда социал-демократия и здесь полностью капитулировала перед ревизионизмом. Социал-демократы сделали из своих теоретических положений соответствующий программный вывод. Кампфмейер с ревизионистским садизмом торжествует по поводу того, что марксова теория обнищания была отвергнута на Гейдельбергском с'езде социал-демократии в 1925 году.

«Социал-демократическая партия оценивает нынешние производительные силы работы совсем иначе, чем в 1891 году в Эрфурте...

И в Гейдельберге социал-демократическая партия внесла улучшение в прежнее учение об экономическом развитии капиталистического общества... Гибнущий средний слой крестьянства не фигурирует уже в гейдельбергской программе. *В новую программу не включен и пункт эрфуртской программы, согласно которому капиталистическая монополизация увеличивает нужду, порабощение, унижение и эксплоатацию пролетариата*».

Итак, от критики марксовой теории обнищания до теории гармонии классовых интересов прямой путь.

Оказывается, смягчаются и *экономические* и *социальные* противоречия. Эксплоатация уменьшается. Господствует, стало быть, тенденция систематического улучшения материального положения рабочих. Уменьшается норма эксплоатации, что, в свою очередь, действует в направлении уменьшения нормы прибыли капиталиста.

Мелкое крестьянское производство более живуче, чем капиталистическое.

Не придется ли—при последовательности—завершить эту милую теорийку теорией «обнищания капиталистов»?

Само собой разумеется, что классовая борьба при подобных теоретических посылках должна, в сознании социал-демократов, смягчаться. Но сказать сие *прямо* они не хотят. Тем не менее, в прикрытой форме, однако, все же достаточно ясно, они это высказывают. Характерны в этом отношении комментарии Карла Каутского к общей части гейдельбергской социал-демократической программы. Отмечая, что классовая борьба пролетариата и буржуазии протекает в условиях формальной политической демократии, Каутский утверждает [1]):

«*Чем дольше существует демократия в какой-либо стране*, чем неограниченней она, *тем больше теряют свой первоначальный дикий характер пролетарские классовые бои*. Таким образом, все более смягчаются *формы пролетарской классовой борьбы, несмотря на то, что классовые противоречия, с другой стороны, все больше обостряются*.

Не только пролетарии становятся в своей борьбе спокойнее благодаря росту своего самосознания, но благодаря накоплению опыта у них все более усиливается чувство своего превосходства, и они становятся более прозорливыми и рассудительными. В виду роста их силы их враги, капиталисты, со своими друзьями в правительстве и в печати, вынуждены с большим уважением и с большей корректностью относиться к пролетариям. *Таким образом и капиталисты приучаются применять более мягкие методы в классовой борьбе*».

Классовые противоречия «*вообще*»—обостряются, а *поэтому* смягчайте *формы классовой борьбы!* При этом дана перспектива: по мере того, как рабочие будут смягчать методы своей классовой борьбы, буржуазия *тоже* будет их смягчать.

Отсюда прямой вывод: чем «мягче», тем «лучше». Не пойти ли просто спать, господин Каутский?

Итак, современные «марксисты», усмотревшие в бернштейнианстве «более марксистский» марксизм, чем марксизм Маркса, дают следующую оценку тенденций капиталистического развития.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями смягчаются; процессы обнищания эксплоатируемых масс уже в прошлом; формы классовой борьбы смягчаются.

Не правда ли, «совсем» как в «Коммунистическом Манифесте»?

В такой «оценке» тенденций современного капитализма проявляется, несомненно, определенная политическая цель.

Рабочий класс вступил в эпоху, когда он должен нанести решающий удар загнивающему капитализму. Успешное выполнение этой исторической миссии предполагает правильную оценку классового противника, знание его сильных и слабых сторон, умение ударить по наиболее уязвимым местам капиталистической системы.

А социал-демократы стараются укрыть от пролетариата эти уязвимые места и предотвратить победу пролетариата.

В этом смысл ревизионистской апологетики капитализма.

II.

Скатившись к ревизионизму в *оценке тенденций капиталистического развития*, социал-демократы, естественно, вместе со «старыми» ревизионистами, отвергают марксову теорию пролетарской революции, хотя и не без лицемерия.

---

[1]) См. «Das Heidelberger Programm», Verlag Dietz, 1925, стр. 17.

Они, видите ли «развивают» марксизм, «продолжают» его в новой обстановке.

Гильфердинг не стесняется написать [1]):

> «Если Энгельс называл дело своей жизни и жизни Маркса развитием социализма от утопии к науке, то сейчас дело идет о применении социальной науки для социальной организации. Это был бы переход от научного социализма к конструктивному».

Итак, «марксизм» Гильфердинга—Каутского—Кампфмейера—это то же самое, что поповские «конструктивные» пошлости Макдональда.

Вместо революционного пролетарского социализма Маркса—псаломщически-пацифистское славословие капитализму; вместо пролетарской революции—медленное «органическое» приспособление к капитализму.

Сие называется—«продолжать» Маркса!

Нельзя трогать капитализма, нельзя «расстраивать» революцией «хозяйство»; нельзя пользоваться «слабостями» капитализма в революционных целях.

В борьбе против марксистско-ленинской теории революции идеологи социал-демократии приходят к таким положениям, из которых вытекает *невозможность пролетарской революции вообще и невозможность уничтожения капитализма вообще.*

К. Каутский, например, пишет в оправдание поддержки, оказанной социал-демократами германскому капитализму в период послевоенного кризиса [2]):

> «В свое время «радикалы» меня очень упрекали в том, что я уже в начале революции считал ближайшей важной экономической задачей скорейшее восстановление производства. Это, мол, означало, по их мнению, восстановление капитализма, а для строительства социализма необходимо полное расстройство производственного аппарата. По этому замечательному рецепту поступают теперь еще коммунисты везде, за исключением России, где большевики, уже спустя один год заметили, что расстройство производства ведет не к социализму, а к катастрофе».

Итак, капитализм должен остаться неприкосновенным. Революция, согласно Каутскому, состоит не в перевороте в производственных отношениях, который неизбежно сопровождается временным падением производительных сил [3]), а в содействии непрерывному росту капиталистического производства, бесперебойному функционированию капитализма. Хороша «революция». Каутский, так много болтающий о диалектике, не понимает революционно-диалектической постановки вопроса о различном отношении пролетариата к производству *до* и *после* установления новой системы производственных отношений, *до* и *после* диктатуры пролетариата.

Пролетариат не заинтересован в восстановлении сил дезорганизованного капитализма—он *заинтересован*, наоборот, в

---

1) «Die Gesellschaft», 1924, № 1, «Problem der Zeit» von Rudolf Hilferding.

2) «Die Gesellschaft» 1924, № 1 «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky.

3) Эта сторона дела прекрасно освещена в «Экономике переходного периода» тов. Н. Бухарина.

использовании слабости капитализма для совершения переворота и установления своей диктатуры.

Пролетариат отдает все свои силы на укрепление производства тогда, когда в производственных отношениях, в результате революции, произошел решающий переворот, когда производственные отношения движутся уже на социалистических рельсах.

Поэтому глупо и нелепо говорить, как это говорит Каутский, что большевики изменили себе, перейдя от политики *дезорганизации капиталистического способа производства* к политике *укрепления социалистических производственных* [1]) отношений.

Укрепление и прогрессивное развитие социалистической системы производственных отношений обязательно предполагает предварительный переворот в производственных отношениях.

Этого не могут и не хотят понять оппортунисты.

Посмотрите, что, например, пишет другой опошлитель марксизма Бенедикт Каутский [2]):

> «Капиталистический механизм устоял благодаря своей стихийной силе, и все эксперименты показали лишь нецелесообразность варварских русских приемов, ибо нарушение механизма, не устраняя систему, безусловно создает препятствия на пути экономического развития. В этом развитии пролетариат, однако, вдвойне заинтересован в настоящее время, *так как только расцветающая экономическая жизнь может ему обеспечить лучшие условия жизни и борьбы и в будущем, так как каждый шаг в дальнейшем развитии капитализма является дальнейшим шагом на пути к социализму*».

В эпоху *«загнивания»* капитализма, в эпоху исторического *кризиса* капиталистической системы, Каутские выступают перед пролетариатом с лозунгом: *«укрепляйте капитализм!»*.

Но что же получается у проповедников «конструктивного социализма»?

Когда кон'юнктурные колебания несколько *поднимают* «загнивающий» капитализм,—они кричат: *не* притрагивайтесь к капитализму, ибо он развивает производительные силы, ибо он прогрессивен.

Когда кризис капитализма обостряется, они убеждают, что делать революцию нельзя, что надо поправить «хозяйство», «Weil jede Weiterentwicklung des Kapitalismus einen Schritt zum Sozialismus darstellt».

---

1) Социал-демократ Fritz Ebert младший в своей брошюре «Der deutsche Arbeiter in der Wirtschbft» (Berlin, 1925) с большой похвалой отзывается о борьбе российского пролетариата за под'ем социалистической государственной промышленности, о тех материальных жертвах, которые довелось принести пролетариату на пути восстановления промышленности.

Он останавливается на циркуляре ЦК ВКП(б) и отзывается с похвалой об экономической политике большевиков, о тех мероприятиях, которые они намечают и которые должны «привести к снижению себестоимости продуктов».

> «Понижение себестоимости путем повышения производительности и отстающего повышения зарплаты—вот, значит, экономическая программа большевиков».

И... рекомендует германскому пролетариату придерживаться той же политики в отношении *капиталистического* производства. Всего лишь маленькая «классовая поправочка»!

2) См. его статью «Einige Bemerkungen über den Mechanismus der kapitalistischen Produktionsweise» в сборнике «Der Lebendige Marxismus», Jena, 1924.

«Загнивающему» капитализму надо помогать *всегда*: и *тогда*, когда он *трещит по швам*, и *тогда*, когда он временно *выкарабкивается* из критического положения.

В итоге социал-демократы оказываются на позициях признания *«вечности»* капитализма и невозможности социализма и пролетарской революции.

Пролетариат должен *бесконечно* помогать капитализму укреплять его позиции, *бесконечно* содействовать развитию производительных сил на основе капиталистических производственных отношений, *бесконечно* служить об'ектом эксплоатации со стороны капитала.

Он никогда не должен посягать на низвержение капитализма, ибо революционное выступление поведет к дезорганизации хозяйственной системы капитализма, а эта дезорганизация «отдалит» социализм. *Чем сильнее капитализм—тем ближе социализм*. Поэтому: *чем сильнее пролетариат способствует укреплению капитализма, тем успешнее он подготовляет торжество социализма*.

Такова «социалистическая» логика идеологов оппортунизма *в эпоху «загнивающего» капитализма*.

Завершающим звеном этой логической цепи выступает следующее утверждение Карла Каутского: [1].

> «Правда, осуществлению социализма должно предшествовать банкротство капитализма, но моральное банкротство перед лицом масс, а не экономическое банкротство, выражающееся в прекращении производства».

Укрепляйте капитализм *экономически*, помогайте ему двигаться вперед по линии расширенного воспроизводства эксплоататорских отношений, и *осуждайте* при этом поддерживаемый вами капитализм *морально* («Справедливость» требует: чем больше поддерживаете, тем больше осуждайте!).

Таково гнуснейшее поповское обращение каутскианства к пролетариату, таковы социал-демократические перспективы для рабочего класса.

Поставленные перед проблемой социалистической революции, социал-демократы высказываются за сохранение капитализма и отказ от революционного низвержения буржуазного строя.

«Философию» «социалистической» контрреволюции, между прочим, выразил и Гильфердинг.

> «Ясно, что установление хозяйственной демократии является необыкновенно сложной проблемой, разрешение которой возможно лишь в длительном историческом процессе, в котором все больше должен усиливаться демократический контроль над растущей организацией экономической жизни со стороны концентрированного капитала. Ибо, если и возможен переход политической власти от одного класса к другому в относительно короткий промежуток времени, т.-е. революционным путем, то, с другой стороны, процесс образования экономических форм требует длительного органического развития, т.-е. эволюционного пути».

[1]) «Die Gesellschaft», 1924, № 1. «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky.

Сравните эту, с позволения сказать, «теорию» с тем, что писал о социальной революции вообще и пролетарской в частности Карл Маркс, и тогда станет очевидным, что Гильфердинг не имеет с марксизмом ничего общего.

> «На известной ступени своего развития,—читаем мы у Маркса [1]),—*материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями* [2]) или, употребляя юридическое выражение, с *имущественными отношениями*, внутри которых они *до сих пор* действовали. Из форм развития производительных сил *эти отношения становятся их оковами*. Тогда наступает эпоха социальной революции. *С изменением экономического основания* более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним. При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между *материальным переворотом в экономических* условиях *производства, который можно определить с естественно-научной точностью*, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых они борются».

Таким образом, Маркс говорит о социальной революции как о «перевороте в экономических условиях производства», т.-е. в «производственных отношениях», при этом он подчеркивает, что этот переворот «можно определить с естественно-научной точностью», что содержанием социальной революции пролетариата является *революционное преодоление* старых *капиталистических* производственных отношений и установление новых *социалистических* отношений.

Маркс говорит далее, о том, что в переводе на юридический язык, этот революционный переворот в производственных отношениях означает переворот в *«имущественных* отношениях» («экспроприация экспроприаторов»).

Маркс видит в революционном перевороте производственных отношений основной и определяющий признак социалистической революции.

Диктатура пролетариата есть орудие этого переворота и орудие *обусловленного* этим переворотом социалистического строительства.

Гильфердинг же «допускает» политическую революцию пролетариата, но лишает ее классового пролетарского содержания и вкладывает в нее буржуазное содержание.

Пролетариату «разрешается» бороться за политическую власть (правда, «бороться» на основе буржуазного парламентаризма—где же тут революция?), но не разрешается «беспокоить» капиталистическую систему отношений—так выглядывает «новая» формула столько же наивного, сколько подлого проявления этого Übergang vom wissenschaftlichen zum konstruktiven Sozialismus».

Предпосылкой этой теории, несомненно, является ревизионистское отрицание марксова положения о нарастании противоречий между производительными силами и производственными отношениями, о чем так откровенно говорит П. Кампфмейер.

[1]) К. Маркс—«К критике политической экономии». Предисловие.
[2]) Курсив всюду наш. *А. С.*

Но ревизионистской—и по существу и формально—является не только эта предпосылка но и *сама теория* «революции».

«Конструктивно-социалистическая» концепция—*старая ревизионистская* концепция.

Не социальная революция, а социальная реформа—таков был лозунг старого ревизионизма и таков лейтмотив современной «конструктивно-социалистической» теории. Ревизионизм Бернштейна получил и в *этой области* полное признание.

Именно об этой победе ревизионизма писал «воспитатель» молодого «социалистического» поколения [1]):

> «В крупном вопросе (о котором здесь не приходится более подробно говорить): *социальная политика или социальный революционаризм?*— он сознательно стал на точку зрения социальной политики, и отсюда ясно его отношение к злободневным вопросам настоящего времени и в особенности к вопросу: демократия или диктатура? *В этой форме ревизионизм является в конечном счете не чем иным, как марксизмом, очищенным от всех революционаристских и утопических шлаков*».

Марксизм «очищен от революционаристских шлаков» и в вопросе об основных тенденциях капиталистического развития и в вопросе о пролетарской революции.

Так «очищен», что мы имеем полное право наклеить на лбу Каутского, Гильфердинга и пр.: *ревизионисты, бернштейнианцы.*

Полная капитуляция перед «старым» ревизионизмом—и по существу и формально—вот характернейшее «достижение» современного социал-демократизма.

---

1) «Die Theorie des modernen Sozialismus» von Rudolf Abraham, Berlin 1923, стр. 133.

Арт. Кактынь.

Вопросы нового промышленного строительства.

Общих принципиальных вопросов индустриализации страны сейчас, в марте 1927 г., через год с лишним после XIV с'езда и через полгода после XV конференции ВКП(б), ставить не приходится, ибо *линия на индустриализацию взята твердо, всерьез и надолго.* Не исключена, конечно, возможность, что под тем или иным флагом принципиальные противники индустриализации, представители всякого рода аграрных уклонов попытаются «ревизнуть» эту основную линию партии. Возможные просчеты и неувязки в новом строительстве, протягивание его через те или другие узкие места нашей экономики могут послужить поводом для того, чтобы в той или иной мере попытаться поднять вновь основной принципиальный вопрос.

Сейчас мы все же можем на время отвлечься от принципиальных вопросов индустриализации и сосредоточить свое внимание на наиболее существенных *практических* вопросах, связанных с выполнением первой очереди генерального плана индустриализации, первой серии новых фабрик и заводов, шахт и рудников, строящихся в течение ближайшего пятилетия, начало которого совпадает с прошлым и текущим строительными сезонами. Приведем несколько характерных цифр, дающих представление о тех величинах, с какими мы имеем дело в эти годы:

Размеры капитальных вложений в сельское хозяйство и промышленность.

По «Контрольным цифрам Госплана» прирост основных фондов в сельском хозяйстве и промышленности в течение последних лет рисуется в следующем виде:

Величина прироста основного капитала, в милл. червон. рублей.

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство	592,7	643,7	702,8	811,3
Промышленность (без жил. строительства)	—19,2	76,0	512,2	518,3
Электростроительство . .	38,2	39,7	65,6	79,0

В процентах от основного капитала к началу года.

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство . . .	2,8	3,0	3,1	3,5
Промышленность (без жил. строительства)	—0,3	1,3	9,1	8,4
Электростроительство . .	29,0	23,3	31,3	28,7

В результате основной капитал сельского хозяйства должен в течение четырех лет возрасти с 20.712 милл. в начале 1923—24 г. до 23.462 милл. к концу 1926—27 г.; по промышленности соответственно—с 5.568 милл. до 6.655 милл.; по электростроительству—с 131,7 милл. до 354,2 милл. Результат этот достигается путем новых вложений, погашающих текущий износ. Вложения эти исчисляются в следующем размере (в млн. ч. руб.):

	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Сельское хозяйство . . .	645,5	743,0	849,9	966,4
Промышлениость (без жил. строительстаа)	245,3	339,5	779,3	809,8
Электростроительстао . .	42,0	43,3	69,1	90,0

Из приведенных цифр мы видим, что промышленность вместе с электростроительством по размерам новых вложений не достигает еще размеров вложений в сельское хозяйство. Хотя и по бюджету вложения в промышленность значительио превышают вложения в сел. хоз., однако, вкладываемые в последнее накопления самого крестьянства в общей своей сумме значительно превышают то накопление, какое производит наша промышленность.

Таковы в основных чертах данные контрольных цифр. В результате обсуждения промфинплана на 1926—27 год, общая сумма вложений, как в промышленность, так и в электростроительство была повышена и выразнлась, в конечном счете, в сумме *947,8 милл.* по промышленности, счнтая в том числе 89,9 милл. на жилищное строительство на существующих фабриках и заводах, и в *153,6 милл. руб.* по электростроительству, или в общей сумме—в *1.100 милл. черв. рублей.* План этот, с выделением 55,1 милл. рублей во вторую очередь и 30 милл. в резерв, был окончательно утвержден СНК и закреплен в той части, в какой он отражается в бюджете, последней сессией ЦИК.

Размеры нового промстроительства.

Как мы видим нз приведенных цифр, план капитальных вложений в промышленность, даже в последнем увеличенном его выражении, не намного (всего на 50 прим. милл., если не считать жилстроительства) превышает размеры прошлогодних капитальных вложений и только еще настигает по абсолютной своей величине размеры капитальных вложений в сельское хозяйство, хотя, правда, он обеспечивает значительно более быстрый прирост основных капиталов в промышлениости, чем прирост их в сельском хозяйстве. Однако, уже н эти размеры капитальных вложений в промышленность в их осуществлении сопряжены с величайшими трудностями и представляют собой ответственнейшую по выполнению задачу. Трудности реализации этого плана вытекают не столько из его велнчины, сколько из его внутреннего содержания. Дело в том, что, по сравнению с прошлым годом, и тем более—с позапрошлым, в составе вложений в промышленность заметно вырастает цифра вложений иа *новое строительство.* Для того, чтобы лучше себе это представить, приведем разбивку капитальных работ текущего и прошлого годов по основным категориям работ (см. табл. на 23 стр.).

Еще более наглядно вырисовываются перед нами трудности нового строительства, если учесть в целом и по отдельным отраслям промышленности, какую долю вложеиия прошлого и

Строеиие капитальиых работ	Фактич. выполнеиие в 1925/26 г.	В %% к итогу	По плаиу иа 1926/27 г.	В %% к итогу
1. Капитальиый ремоит	133,7	17,1	122,5	13,3
2. Переоборудоваиие и расширение	458,9	58,7	517,7	56,4
3. Жилстроительство иа существующих ф-ках	85,0	10,9	89,9	9,8
4. Новые заводы, ф-ки, шахты, и пр. сооружеиия:				
а) строительство и оборудоваиие	93,6	12,1	179,8	19,6
б) жилстроительство	9,5	1,2	7,9	0,9
Итого по иовым заводам . .	103,1	13,3	187,7	20,5
Всего . . .	780,8	100,0	917,8[1]	100,0

этого года составляют от полной себестоимости заводов, фабрик, шахт и т. д., строительство которых начинается в эти два года. (См. таблицу иа стр. 24).

Мы видим, что затраты 1925—26 г. на новое строительство, в 104,4 милл. и 1926—27 г. в 185,7 милл. составляют в общей сложности меньше половины суммариой стоимости новых заводов, фабрик и шахт, закладываемых в эти годы, определяющейся округленно в *650,0 милл. рублей*; при этом в 1925—26 г. окончено было иовых заводов всего на 25,0 милл. и в текущем году предполагается закончить на 110,2 милл., что не достигает даже 1/4 всей стоимости новых фабрик и заводов. Несколько большую цифру заканчиваемых заводов должеи иам дать 1927—28 г., но тем не менее больше половины нового строительства будет закончено лишь в последующие после 1927—28 годы, т.-е. весь период стр-ва протянется значительно дольше трех лет [2]).

Финансовые ресурсы промстроительства.

С каждым годом доля средств, вкладываемых в новые заводы и фабрики, в том числе, доля средств, дающих почин к новым строительствам, будет возрастать. Мы будем постепенно все больше и больше вкладывать свои капиталы в будущие средства производства, самое создание которых требует значительного времени. Это длительиое увязывание средств в новом капитальиом строительстве и является основной причииой того *напряжения финансовых ресурсов*, какое получается в промышленности и во

[1]) Сверх того, по плаиу предусмотреи резерв в сумме 30 милл. руб., который, коиечио, ие может быть распределеи по отдельиым видам работ.

[2]) Уже после написания иастоящей статьи был опубликоваи приказ ВСНХ, несколько увеличивающий сумму нового строительства в этом году за счет капитального ремонта и переоборудования. По приказу ВСНХ сумма нового строительства возрастает до 189 млн. руб., дааая начало, вместе с прошлогодними вложениями, строительству новых заводоа и фабрик стоимостью а 694 млн. руб. Мы ие могли уже испрааить соответствеиным образом таблиц, тем более, что разбивка дополнительных вложений по отраслям не вполие уточнена, но, по всей видимости, это мало отразится иа распределеиии строительства по отраслям.

Строительство новых фабрик, заводов, шахт и т. п., включая жилстроительство при них (в миллионах руб.) [1]).

Отрасли	Полная себестоим. всех строящихся заводов, шахт и т. д.	Израсходовано в 1925—26 г.	Предполагается израсходовать на 1926—27 г.	В том числе предполагается в 1926—27 г.: Продолж. работы, уже начат. в пред. годы	Начать новые работы	Полная стоимость заводов, оконченных или оканчивающихся в 1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г.	В последующие годы
Металлическая	108,6	7,5	18,0	16,6	1,4	1,2	—	5,2	102,2
Электротехн. . .	12,9	2,0	6,2	4,7	1,5	—	1,6	11,3	—
Каменноугольная	223,6 }	29,7	58,4	4,4	54,0	{ 7,0	27,9	49,3	139,4
Нефтяная . . .	69,5 }					{ 1,1	9,5	11,9	47,0
Прочая горная .	0,6	0,7	2,9	—	2,9	—	0,2	0,4	—
Химическая (без стекла)	17,7	13,5	12,9	5,6	7,3	1,9	13,1	2,7	—
Стекло-фарфоров.	22,0 }					{ 6,0	—	16,0	—
Огнеуп.-кирпичн.	14,9 }	5,1	19,7	8,2	11,5	{ —	—	14,9	—
Строит. кирпичн.	8,8 }					{ 0,6	6,2	2,0	—
Лесная	19,3	7,1	10,3	6,0	4,3	1,7	9,8	7,8	—
Бумажная	50,9	9,6	20,9	20,9	—	—	8,3	29,7	17,9
Текстильная . . .	77,4	19,5	27,0	16,7	10,3	2,7	27,5	28,3	18,9
Крахмало-паточн.	6,3 }					{	0,3	—	6,0
Маслобойная . .	4,5 }					{ 0,1	3,1	1,3	—
Консервная . . .	1,9 }	2,4	8,3	2,0	6,3	{	1,9		—
Табачная и махорочная	2,9 }					{	0,2	2,7	—
Рыбная	4,7 }	—	—	—	—	{ —	4,7		—
Кожевенная . . .	8,6	3,9	3,1	3,1	—	2,7	1,0	4,9	—
Разная	—	2,1	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	655,1	103,1	187,7	88,2	99,5	25,0	110,3	188.4	331,4

всем хозяйстве в последние годы. Оно будет, очевидно, довольно длительным, ибо только по мере завершения ряда новых фабрик и заводов, вкладываемые в них капиталы придут вновь в движение и начнут давать промышленности прибыль. Промышленности приходится мобилизовать на свои капитальные вложения до половины всей вкладываемой суммы из своих внутренних ресурсов: из накапливаемых ею - прибылей, из амортизационных капиталов и других источников. Это напряжение финансовых средств промышленности приводит к известному напряжению как наших бюджетных ресурсов, так и ресурсов Госбанка, Промбанка и всей нашей кредитной системы, ибо только при их помощи возможно обеспечить в финансовом отношении предпринятое новое промышленное строительство. Не следует при этом упускать из вида, что вследствие смягчения товарного голода оборот промышленных товаров несколько замедляется и соответственно этому потребности в оборотных средствах, независимо от средств, потребных для нового строительства, возрастают; оканчиваемые новые фабрики и заводы, в свою очередь, нуждаются сверх основного капитала еще и в оборотном капитале, который нужно им своевременно выделить.

[1]) Следует отметить, что в общую сумму вложений, предназначенных на новое строительство в этом году, т.-е. в сумму 187,7 млн. руб. входят 11,8 млн. руб. на проектирование фабрик, заводов и пр. предприятий, строительство которых в этом году еще не начнется.

Финансовые ресурсы становятся, таким образом, одним из самых узких мест, через которые нужно провести новое промышленное строительство. На ряд лет мы будем вкладывать десятки и сотни миллионов в новые постройки и сооружения, во всякого рода орудия и средства производства, не получая в ближайший срок эффекта от вкладываемых капиталов. При всей нашей бедности, при ограниченности наших денежных и материальных ресурсов, при крайней сжатости бюджета, нам приходится производить столь широкое новое промышленное строительство, ибо только посредством его мы можем выйти на широкий путь дальнейшего хозяйственного развития в качестве экономически и политически самостоятельной страны. Ясно, что практически это достижимо лишь в порядке *величайшей экономии* в расходовании средств, вкладываемых нами в промышленность, чтобы от каждого вкладываемого рубля получать максимальный эффект. С другой стороны, применяя эту экономию к расходам в самой промышленности и других отраслях хозяйства, в особенности к расходам административным, мы должны будем сберегать необходимые для индустриализации средства, путем *внутреннего промышленного накопления*, или путем перевода через *бюджет* в промышленность накоплений, производимых в других отраслях народного хозяйства.

Цены на промизделия, себестоимость и промышленное накопление.

С вопросом финансирования нового промышленного строительства связана проблема *промышленных цен*. Нам приходится в целях обеспечения широкого сбыта промышленной продукции, в интересах широкого развития внутреннего рынка, в целях повышения материального уровня жизни широких масс рабочих и крестьян и создания тем самым прочной *экономической базы* для индустриализации, вести линию на *снижение розничных промышленных цен*, что, в свою очередь, достижимо лишь при снижении также и оптовых и отпускных промышленных цен. Если снижение розничных цен, как таковое, может итти за счет сокращения прибылей торгового аппарата, что по существу не только возможно, но и прямо-таки необходимо, чтобы устранить непроизводительное расходование накапливаемых в народном хозяйстве средств, то снижение оптовых и отпускных цен, особенно последних, уже непосредственно бьет по накоплению самой промышленности, передавая в порядке снижения цен известную часть этого накопления потребителю (или, в худшем случае, товаропроводящей сети, когда производимое снижение отпускных цен не доводится до потребителя, что между прочим часто имеет у нас место). Между тем, как мы уже видели, новое промышленное строительство не менее чем на половину базируется на собственном промышленном накоплении и лишь в другой своей части на внешних источниках: на бюджете и банковском кредите. Сокращая путем снижения цен промышленное накопление, мы тем самым отнимаем у промышленности известную часть накоплений, предназначаемых на новое строительство. Получается внутреннее противоречие, выходом из которого может быть только *снижение себестои-*

мости промышленной продукции, притом снижение *не меньшее* чем производимое нами снижение отпускных цен. Снижая себестоимость, мы тем самым будем наращивать промышленное накопление *снизу*, оставляя большую разницу между себестоимостью и отпускной ценой, увеличивая тем самым прибыли промышленности. Вообще нам приходится в области цен применять такую политику, чтобы *в минимальной степени затрагивать промышленное накопление*, снижая в то же время промышленные цены. Достижимо это как путем усиленного снижения себестоимости, так и путем максимального нажима на товаропроводящую сеть, в смысле сокращения торговой накидки.

Себестоимость промизделий.

В движении себестоимости за последний год наблюдалась в общем повышательная тенденция. В течение 1925—26 года мы имели некоторое удешевление стоимости производства лишь в электротехнической, анило-красочной, текстильной и сахарной промышленности, во всех же остальных отраслях наблюдалось вздорожание, по некоторым отраслям весьма даже значительное; в среднем, в течение года вздорожание получилось в размере около 2-х проц. (если не считать повышения некоторых акцизов), что и влекло за собой рост оптовых цен и тем самым косвенно стимулировало повышение розничных цен. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рост себестоимости происходил после того, как в предыдущие годы мы имели неизменное снижение ее, по мере роста нагрузки промышленных предприятий. Об'ясняется это явление тем, что, с одной стороны, в последний год мы включили в производство последнюю очередь консервированных предприятий, технически наиболее слабых; с другой стороны—вздорожанием сырья (хотя и далеко не по всем видам его, по некоторым мы имеем даже снижение цен) и топлива; с третьей стороны—вздорожанием рабочей силы, что вызвано не столько ростом реальной и номинальной зарплаты, сколько включением в промышленность в течение истекшего года до полумиллиона необученных, неквалифицированных рабочих, пришедших из деревни и сокращением в середине года промышленного производства, что привело в неиспользованию ранее набранной рабочей силы; сверх всего этого—некоторыми внутренними организационными дефектами.

Предварительный промфинплан, составленный ВСНХ, наметил для этого года стабилизацию себестоимости на уровне 1925—1926 года, или в лучшем случае, незначительное ее снижение. Совнарком и СТО, по обсуждении промфинплана, провели решение о снижении себестоимости в среднем на 5%, а по отдельным отраслям и в больших размерах, исходя из необходимости снижения отпускных цен, что уже соответствующими решениями СТО проведено в жизнь. Нужно сказать, что даже пятипроцентное снижение себестоимости в среднем во всей промышленности, если оно в этом году будет достигнуто, едва сможет компенсировать производимое нами снижение отпускных цен и сохранит, таким образом, промышленное накопление на прежнем уровне. Для того же, чтобы его повысить, необходимо еще большее снижение себестоимости, к чему промышленность всячески должна стремиться. Поскольку набор новой рабочей силы в этом

году значительно меньше, ранее набранные рабочие уже в известной мере втянуты в производство и обучены и квалификация их в дальнейшем должна повышаться, поскольку полная нагрузка предприятий, с переводом некоторых из них даже на три смены, должна дать максимальный процент использования средств производства, постольку и возможно и необходимо достигнуть большего снижения себестоимости. Не следует забывать, что, кроме отмеченных основных статей себестоимости, мы имеем еще так называемую статью «прочих расходов», составляющую по ряду отраслей легкой промышленности весьма значительную долю, куда входят всякого рода отчисления и начисления на зарплату, всякие побочные организационно-административные расходы и т. д., и т. д. На эту статью придется сугубо налечь, ибо она представляет несомненный источник для внутренней экономии. В то же время должна быть энергично продолжена *кампания за повышение производительности труда, за лучшую организацию труда, за повышение интенсивности и т. д.*

Особенно существенным для дальнейшего снижения себестоимости представляется включение в производство выстраиваемых новых промышленных предприятий, оборудованных согласно последним техническим требованиям, с установкой на максимальную продуктивность, на максимальное использование рабочей силы, на минимальный брак, угары и т. п. В этом *одно из коренных, решающих условий успешной индустриализации страны*: она оправдается на деле, будет принята всей страной и особенно ее крестьянской частью лишь при условии *удешевления в ее результате промышленной продукции.* Между тем есть случаи, когда на только-что оконченном постройкой предприятии себестоимость или равна себестоимости на старом подобном предприятии, или даже выше. Следует *решительно* заявить перед всеми работниками промышленности, что подобное явление *абсолютно недопустимо.* Еще задолго до выбора места для постройки нового завода или фабрики, до приступа к техническому проектированию его, должен быть произведен ориентировочный расчет себестоимости в различных вариантах, в зависимости от применения той или иной технической системы производства, того или иного способа подачи сырья, топлива и т. д., и т. п. И лишь после того, как создастся прочная уверенность в том, что выбраны для нового строительства варианты наиболее выгодные, в том, что себестоимость в результате неизбежно должна будет снизиться, следует решаться на самое строительство. В противном случае мы рискуем подвергнуть дело индустриализации и всего социалистического строительства величайшей опасности.

Себестоимость, цена и качество продукции.

С себестоимостью, в свою очередь, тесно связан вопрос о качестве промышленной продукции. Нас должна интересовать не просто себестоимость единицы продукции, как таковая, а себестоимость *определенной потребительной единицы.* Можно, конечно, добиться значительного снижения себестоимости при ухудшенном качестве, что отнюдь еще не означает снижения себестоимости и цены на соответствующую потребительную единицу. С другой стороны, низкое качество продукции приводит

к большему браку, что становится в ряде отраслей производства, особенно в металлической, химической и некоторых других, источником дополнительных накладных расходов на полезную часть продукции. В расчетах и калькуляциях промышленного строительства и себестоимости будущей продукции следует на это обратить сугубое внимание. *Для нашей социалистической промышленности основной целью является отнюдь не меновая стоимость, а потребительная.* Не гоняясь за 100-процентной добротностью старого крепостного производства, мы вместе с тем должны давать вполне доброкачественный продукт для массового потребления, продукт, вместе с тем максимально соответствующий нуждам потребителей. Все наши расчеты и калькуляции должны быть тесно с этим увязаны.

Импорт и промстроительство.

Значительным ресурсом для нового промышленного строительста может являться еще и заграничный *импорт*, основанный на экспорте наших товаров и иностранном кредите. Внешний товарооборот является вторым наиболее узким местом, наряду с внутренними финансовыми источниками, для промышленного строительства. Особенно остро промышленности приходилось это чувствовать в прошлом году, когда план нового строительства и переоборудования предприятий пришлось в середине года пересматривать, главным образом, вследствие неизбежного сокращения импорта. Внешний товарооборот достигает в этом году лишь 30—35% от довоенного; экспорт наш развивается с величайшими препятствиями и трудностями. Несмотря на то, что в импортном плане максимум возможного отдан на ввоз промышленного оборудования, приходится все же значительные валютные резервы отдавать на ввоз сырья и некоторых полупродуктов для нашей промышленности, а также и на другие нужды; чисто потребительский импорт в нашем экспортно-импортном плане почти совершенно отсутствует. *Максимальное развертывание экспорта*, в частности, промышленного экспорта (главным образом, в восточные страны), и *расширение* на этой почве *нашей кредитоспособности за границей*, становится *другим важнейшим условием успешного промышленного строительства.* На эту область мы должны попрежнему налегать со всей силой, стремясь максимально расширить этот важнейший источник индустриализации.

Сырьевая база индустриализации.

Третьим основным условием развития нового строительства становится *сырье.* Чем дальше, тем острее чувствуется промышленностью потребность в сырье. Но вместе с тем это *одна из основных линий увязки промышленности с сельским хозяйством.* Сбыт промышленной продукции, изыскание достаточно емких внутренних рынков в деревне—это одна линия связи; сырьевые ресурсы—другая линия; рабочая сила—третья линия. О первой линии мы уже говорили выше; в отношении третьей линии вопрос стоит лишь в плоскости квалификации той чернорабочей силы, которую поставляет нам в избытке деревня; *сырьевая же проблема* из всех этих трех линий связи все более и более *выступает на первое место.* Ряд ошибок, допущенных в отношении регулирования цен на сырье, при недостаточной поддержке соответствующих отраслей сельскохозяйственного производства, привели к тому, что в истекшем хозяйственном году по ряду сырьевых отраслей *сократились посевные площади* (по конопле, подсолнуху и табаку). А благодаря слабой урожайности, что, в свою очередь, связано с недостаточной обработкой почвы, с недостаточным ее удобрением, с недостаточным вложением сил и средств в эти отрасли земледелия, мы имеем еще и снижение валового сбора по сахарной свекле и картофелю. Благодаря этому, задержалось восстановление некоторых отраслей сырьевого хозяйства, все еще отстающих от довоенного уровня. Удельный вес технических культур в общей посевной площади понизился с 7,07% в 1925 г. до 6,28%—в 1926 г., при чем снижение удельного веса отозвалось, в первую очередь, на масличных, на картофеле, табаке, конопле, льне, тогда как по хлопку и махорке мы имеем рост удельного веса.

Сокращение посевных площадей и урожайности сырьевых культур, при растущем из года в год импорте сельскохозяйственного сырья для нужд промышленности, настойчиво требует *подведения под новое промышленное строительство прочной сырьевой базы.* Это особенно важно в отношении сельскохозяйственного сырья, что имеет решающее значение для легкой индустрии. Если уже сейчас часть производственной мощности некоторых отраслей легкой промышленности остается не использованной вследствие недостатка сырья, не говоря о достаточной емкости рынка для продукции этих отраслей, то *дальнейшее промышленное строительство всецело упирается в вопрос сырья.* Только при условии столь же энергичного развертывания соответствующих отраслей сельского хозяйства, т.-е. при *максимальной интенсификации нашего отсталого сельского хозяйства*, сможем мы обеспечить индустриализацию с этой стороны. В соответствии с этим необходимо принять целый ряд организационных и финансовых мероприятий к тому, чтобы *развить товарные формы сельского хозяйства, перевести крестьянство на интенсивные трудоемкие культуры, помогая ему техническим оборудованием, удобрением, машинами, кредитом и т. д.* На это необходимо предусмотреть соответствующие средства в бюджете, направляя одновременно в эту сторону максимум собственных крестьянских накоплений, организуемых через сельскохозяйственные кредитные общества и товарищества, через кооперацию, через сберкассы и т. д. Снабжение деревни двигателями, рабочим скотом, сельскохозяйственными машинами должно быть точно так же максимально приспособлено к этим задачам. Политика сырьевых цен, в свою очередь, должна всячески стимулировать развитие сырьевых культур: эквиваленты между сырьем и промтоварами, с одной стороны, и сырьем и зерновыми продуктами, с другой стороны, должны быть таковыми, чтобы крестьянство *экономически* побуждалось к развитию сырьевых культур. При этом следует итти не только по линии количественного расширения сырьевых посевов, прироста стада и т. д., следует сугубо обратить внимание и на *качественную* сторону, добиваясь максимально высокой урожайности, большего прироста стада, а также и высокого качества получаемого сырья, как путем введения соответствующих селекций семян, развития племенного ско-

товодства, так и путем улучшения первичной обработки сырья. Новое промышленное строительство в части переработки сельскохозяйственного сырья должно максимально итти навстречу развитию сырьевых отраслей сельского хозяйства.

Топливо-энергетическая база индустриализации.

В начале этого года перед промышленностью наметилось еще одно «узкое место», которое угрожало сжать размеры производства еще в этом году, но которое, благодаря принятым мерам, удалось пока с очереди снять—это *топливо и электрическая энергия.* Топливо-энергетическая база промышленности, несмотря на исключительный рост за последние годы добычи угля и нефти, несмотря на то, что по количеству вырабатываемой электрической энергии мы превзошли довоенный уровень, а по мощности установок превзошли его больше чем вдвое, доведя эту мощность с 780.000 киловатт в 1913 году, до 1.730.000 киловатт (рост на 122%), с трудом поспевает за ростом промышленного производства и дальнейшим ростом самой промышленности; между тем *индустриализация без топливо-энергетической базы так же немыслима, как и без базы сырьевой.* Все наши двигатели, паровые и электрические, по общей мощности далеко еще недостаточны для обслуживания растущих энергетических потребностей страны, ибо на ряду с ростом промышленности растет транспорт, растут коммунальные потребности и т. д., и т. п. Уже к концу прошлого года остро чувствовался недостаток электрической энергии как в Москве, так и в Ленинграде. Ряд производств страдал от изношенности старых двигателей, часто получались перебои в производстве из-за аварий устаревших двигателей. Все это заставляет на энергетическую базу обратить сугубое внимание.

Темп электрификации должен быть максимально увеличен, вместе с тем должно быть поднято на максимально-высокую ступень паровое хозяйство нашей промышленности. Переоборудование существующих предприятий в значительной мере сводится к переоборудованию силовых установок; новое строительство, в свою очередь, должно базироваться на мощных источниках энергии; оно должно иметь к тому же достаточно мощные *генераторы* этой энергии. Отсюда понятно, почему в плане нового строительства на текущий год *первое место занимает топливная промышленность,* как по величине расходов на нее в этом году, так и по размерам конечной стоимости строящихся в этих отраслях предприятий. На каменноугольную и нефтяную промышленность расходуется около одной трети всех сумм, ассигнованных на новое строительство; к этим отраслям относится около половины полной стоимости строящихся предприятий, постройка которых начинается в 1925—26 и 1926—27 гг. Если сюда отнести еще 160,6 милл. рублей, расходуемых в этом году на электростроительство (включая сюда и 7 милл. на Днепрострой, включенных в общепромышленный план), то затраты на подведение под настоящую и будущую нашу промышленность энергетической базы окажутся в общей своей сумме весьма и весьма значительными. Тем не менее необходимо еще и еще раз проверить расчеты будущих потребностей в топливе и электрической энергии, а также учесть необходимость постепенного *перехода в дальнейшем от парового хозяйства к электрическому.* В этом отношении, между прочим, большую роль играет также выбор места для будущих промышленных предприятий: *приближение их к источникам сырья и топлива,* о чем мы говорим с давних пор, становится сейчас особенно *необходимым* и в то же время *возможным* и осуществимым при национализации промышленности и плановом ведении нового строительства.

Техническая база промышленности.

Несмотря на исключительную остроту и значение отмеченных только-что сырьевых и топливо-энергетических лимитов для дальнейшего развития нашей крупной промышленности и для проведения индустриализации, нельзя все же забывать, что *в центре нашего внимания все же остается самая техника производства.* На ряду с сырьевой и энергетической базой *под промышленность должна быть подведена еще и солидная техническая база.* В этом—основное содержание проводимого нами капитального переоборудования существующих предприятий и намечаемого нового промышленного строительства. И XVI С'езд, и XV Конференция нашей партии сугубо подчеркнули необходимость обеспечить *снабжение развивающейся промышленности собственными средствами и орудиями производства, у нас же производимыми.* Только тогда достигнем мы *действительной самостоятельности* в своем экономическом и социальном развитии. Пока оборудование производства в главной своей части ввозится из-за границы, а мы от себя поставляем лишь сырье и рабочую силу, сосредоточивая их преимущественно в легкой индустрии, производящей средства потребления, до тех пор мы в известной мере являемся лишь придатком, лишь продолжением какой-то *основной* индустрии, находящейся по ту сторону границы, направляющей в той или иной мере наше собственное развитие. Благодаря тому же мы столь болезненно чувствуем нашу нынешнюю зависимость от заграничного производственного импорта.

Отсюда наше стремление—*как можно быстрее развить собственное производство средств производства,* как бы трудно это ни было. Отсюда, между прочим, те процентные отношения между капитальными затратами на производство средств производства и производство средств потребления, какие мы имеем в плане промстроительства истекшего и текущего года: из 780,8 милл. черв. рублей, фактически затраченных на капитальное строительство в 1925—26 году, на производство средств производства направлено 536,0 милл. или 68,6%; из 917,8 милл. р. (не считая нераспределенных 30 милл. резерва), ассигнованных на капитальное строительство в 1926—27 году, на производство средств производства ассигнуется 675,2 милл. рублей, что составляет от общей суммы 72,5% и дает рост по сравнению с предыдущим годом на 26%, тогда как по производству средств потребления мы имеем даже сокращение абсолютной величины затрат на 1%. Как видно из этих цифр, *линия на развитие собственного производства средств производства взята нами весьма решительно.*

Если мы взглянем на металлическую и электротехническую отрасли промышленности, дающие нам необходимые машины,

двигатели и оборудование, то на них в общей сумме предположено затратить в этом году 253,8 милл. рублей; против 201,1 милл. в прошлом году, при чем главные вложения производятся в черную металлургию, общее машиностроение и цветную металлургию. Если взять отдельно *машиностроение*, то в 1925—26 г. начато новых работ на 89 милл. рублей, распределяющихся следующим образом: на паровозостроение—28,0 милл., вагоностроение—4,5 милл., дизелестроение—11,0 милл., станкостроение—1,5 милл., на заготовительные и прочие цеха—около 39 милл., на турбостроение—около 5 милл. В 1926—27 году в соответствующие отрасли машиностроения должно быть вложено 39,6 милл. руб., против 33,5 милл., вложенных в прошлом году. По *электротехнической* промышленности на новые заводы в 1925—26 г. затрачено—2 милл., в этом году предполагается затратить—6,2 милл., что вместе с прошлогодним дает начало новым предприятиям в сумме 12,8 милл. руб. Если учесть, что уже в 1925—26 г. мы превзошли в смысле размеров производства довоенный уровень по ряду отраслей машиностроения, например, по паровозостроению, по запасным частям, новым вагонам, железнодорожным и трамвайным, по дизелестроению, турбостроению, производству текстильных машин и др., и вместе с тем наладили такие производства, которых раньше у нас не было вовсе или они были только в зародыше (турбостроение, динамостроение, постройка некоторых текстильных машин и станков), то станет ясно, что мы здесь *идем сравнительно быстрым темпом к производству собственными силами необходимых нам двигателей, машин, станков и проч. оборудования.*

Нельзя, конечно, отрицать, что в этих чрезвычайно сложных и тонких отраслях производства мы во многом еще технически чрезвычайно отстали от прочих индустриальных стран, что нам тут приходится во многом пользоваться технической помощью из-за границы, что наше изобретательство, наш технический опыт еще недостаточны для того, чтобы обойтись без иностранной помощи. Но тем не менее мы, как в смысле усвоения западной техники, так и в смысле развития собственных конструкций и изобретений, имеем уже ряд успехов и стоим на пути, который, несомненно,, приведет нас после ряда упорных усилий к ожидаемым победам. В этой области, однако, необходимы *величайшая выдержка, настойчивость и терпение*; необходимы также и многочисленные материальные жертвы; только после этого мы сможем добиться верных результатов.

Производство строительных материалов.

На ряду с производством станков, двигателей и оборудования, важнейшее значение для нашего нового строительства имеет *производство строительных материалов*. Сюда относятся отчасти металлическая, в значительной мере химическая, силикатная, кирпичная, стекло-фарфоровая и лесообрабатывающая отрасли промышленности. Отрасли эти отличаются большим избытком сырья, даваемого самой природой. Необходимо на этом сырье построить ряд предприятий по добыче и обработке соответствующих сырых материалов и превращению их в материалы, пригодные для строительства. На эти отрасли план промстрои-

тельства также обращает довольно существенное внимание: из 650 милл., затрачиваемых на новые заводы и фабрики к группам стекло-фарфоровых, огнеупорно-кирпичных, строительно-кирпичных и лесообр. производств (не считая металлической) относится 65 милл. или 10%. Однако, следует опасаться, что этого может оказаться недостаточно. Мы не должны забывать, что, помимо крупного промышленного строительства, страна отстраивается и по всем другим отраслям: по транспорту, торговле, коммунальному хозяйству, местной промышленности и т. д. Спрос на строительные материалы, приобревший исключительную остроту в начале прошлого лета, несколько ослабел к весне этого года, но все же является по ряду материалов весьма напряженным и будет таковым оставаться, повидимому, и впредь. В виду того, что соответствующие предприятия по выработке строительных материалов, сплошь да рядом представляют собой тип весьма несложных производств, на оборудование которых не приходится затрачивать особенно много времени и средств, необходимо всячески развернуть в этом отношении *местную инициативу*, добиваясь таким образом еще более широкого развертывания соответствующих отраслей производства и тем большего обеспечения строительными материалами нового строительства.

Производство средств потребления.

Несмотря, однако, на всю важность для нас развития сектора средств производства в новом строительстве, нельзя все же забывать и о секторе *средств потребления*. Недостаток таких средств потребления, как ситец, кожевенные товары, некоторые металлические изделия широкого потребления, ряд продуктов питания, производимых в пищевой промышленности и т. д., заставляет обратить внимание и на эти отрасли. Не следует в то же время забывать, что в этих отраслях мы имеем еще не вполне загруженную наличную мощность предприятий и что минимальным фактором здесь является пока не техника, а сырье. Тем не менее рано или поздно мы здесь встретимся с недостатком технических средств и оборудования, тем более, что уже и теперь нам приходится сплошь да рядом прибегать к трехсменной работе на текстильных и др. предприятиях. *Между капитальными затратами на производство средств производства и производство средств потребления нужно экономически найти такое соотношение, при котором обеспечивался бы в полной мере рост собственного производства средств производства и вместе с тем обеспечивалось бы осуществление индустриализации собственными силами и в то же время минимальные потребности страны в средствах потребления удовлетворялись бы из собственных источников, без того, чтобы ввозить средства потребления извне*, затрачивая на них ту валюту, которая могла бы быть с большей для нас пользой затрачена на ввоз машин, двигателей, станков и т. д. Некоторое *смягчение товарного голода* в этом году дает нам необходимую передышку, дает нам возможность подтянуть необходимые сырьевые ресурсы и переоборудовать существующие предприятия легкой индустрии настолько, чтобы в дальнейшем в большей мере удовлетворять нужды страны в средствах потребления. Однако, не следует забывать, что по

мере дальнейшего культурного и экономического роста страны, по мере под'ема благосостояния широких трудовых масс и по мере действительного осуществления нами снижения цен на потребительские товары, *спрос на предметы широкого потребления будет, несомненно, сильно возрастать, и известный перевес спроса на эти товары над их предложением и впредь будет иметь место.* В известной мере это даже необходимо, как *фактор, содействующий и стимулирующий самую индустриализацию.* Однако, фактор этот становится в высшей степени отрицательным, подрывающим сельскохозяйственную базу промышленности, вызывающим ненормальные, болезненные явления в области цен и в отношениях между городом и деревней, если умеренный перевес спроса над предложением превращается в острый недостаток, в *товарный голод*, подобный голоду осени 1925 года. Этого мы допускать не можем.

Рабочая сила.

Нам мало приходилось говорить о *рабочей силе*, как факторе производства, а между тем это *важнейший фактор* всякого производственного процесса, вместе с тем и нового промышленного строительства. Однако, в *количественном* отношении, рабочая сила не является и вряд ли будет в ближайшее время являться минимальным фактором для нового строительства. Как мы уже указывали, деревня продолжает выбрасывать излишки освобождающейся, вследствие широкого перехода к товарному хозяйству, рабочей силы, из которой образуются значительные кадры безработных в городах. Сейчас эти безработные потоком устремляются в новые центры строительства—на Днепрострой, Семиреченскую дорогу, новые заводы и т. д., угрожая даже чрезмерным избытком рабочей силы в этих местах.

Однако, вместе с тем мы ощущаем уже теперь и чем дальше, тем больше будем ощущать *недостаток квалифицированной рабочей силы*, как для текущего производства, так и, в особенности, для нового строительства. Квалифицированные строительные рабочие—техники, десятники, инженеры, крупные строители-конструкторы—нам необходимы в высшей степени. Между тем мы слишком мало прилагаем сил за последние годы к тому, чтобы вместо вымирающих кадров старых квалифицированных сил образовывать новые кадры. Наши фабзавучи, наши профобры, всякого рода технические школы, втузы, хотя и выпускали некоторые кадры новой квалифицированной рабочей силы, но все же в далеко недостаточном количестве и относительно низкого еще качества. Каждый обученный нами новый техник, специалист, инженер должен еще пройти известную *практическую школу*, которую он, при нашей системе обучения, особенно во втузах, получить не мог. Эту школу нам придется ему давать уже на самой работе: это может нам дорого стоить в смысле исправления тех ошибок, которые наш подрастающий молодняк специалистов будет неизбежно допускать. Тут весьма сильно сказывается тот *перерыв в воспроизводстве новой квалифицированной рабочей силы*, какой мы имели в годы войны и разрухи, в течение, примерно, десятилетия. Старое довоенное поколение вымирает, новое поколение только еще кончает свое обучение,

начатое лишь в первые годы нэпа. Вот почему нам в этом отношении придется путем ряда организационных усилий добиваться максимального и наиболее *рационального использования энергии и инициативы*, сохранившихся у немногочисленных крупных специалистов и наличных кадров квалифицированной рабочей силы, особенно в области строительной. С другой стороны, необходимо *максимально ускорить процесс дальнейшего образования новых кадров специалистов и квалифицированных рабочих.* С третьей стороны, необходимо прибегать к *помощи заграничных техников и ученых*, перенимая у них вместе с тем их новейшие технические достижения, навыки, опыт и т. д. Консультация Купера в отношении Днепростроя является примером привлечения иностранной технической мысли и содействия на помощь крупнейшему нашему строительству. Ошибки и просчеты, допущенные при сооружении Волховской гидростанции, заставляют нас сугубо обратить внимание на эту сторону.

Транспорт и промстроительство.

Особо приходится выделить еще один из важнейших минимальных факторов, могущих сорвать дальнейшую индустриализацию, если не будут своевременно приняты меры к его полному восстановлению и дальнейшему развитию. Мы имеем в виду в данном случае *транспорт*, особенно железнодорожный. Как в отношении вытягивания сырья из мельчайших капилляров сельского хозяйства и подвоза его к перерабатывающим и распределительным пунктам, так и в отношении перевозки его на далекие расстояния к обрабатывающим промышленным предприятиям, а также и в отношении развозки и распыления для сбыта производимых промышленностью готовых товаров, в отношении обеспечения нового строительства всеми необходимыми строительными материалами, весьма тяжелыми на под'ем, и, наконец, снабжения рабочих средствами питания—*роль транспорта при наших колоссальных масштабах все более и более возрастает.* Только теперь, после революции, сельское хозяйство в широкой степени переходит на товарное производство и все теснее смыкается с городской промышленностью; в то же время и город, расширяя свою производственную базу, все более и более нуждается во внутреннем рынке, как для своего снабжения, так и для сбыта своей продукции. Перевозка всех этих товарных масс от города к деревне и обратно потребует в дальнейшем *широчайшего развития транспортной сети*, особенно железнодорожной, дальнейшего усиления провозоспособности нашего речного и морского транспорта, и *сцепления основных транспортных магистралей с целой сетью мельчайших под'ездных путей и особенно с местным транспортом.* Все это потребует, в свою очередь, значительных затрат, как денежных, так и материальных, в частности, потребует значительных затрат на оборудование путей, тяги, средств перевозки и т. д. Транспорт становится все более и более угрожающим *минимальным фактором*, узким местом *для дальнейшего развития не только промышленности, но и всего народного хозяйства.* В смысле своего восстановления он только еще в основном его заканчивает, при чем вплоть до последнего года, как это явствует из контрольных цифр Госплана, износ его

основного капитала превышает новые вложения. На новое железнодорожное строительство в этом году по бюджету ассигновано всего 30 милл. руб., чего далеко недостаточно. На техническое оборудование существующих путей, на восстановление мостов, верхнего строения, шпал и т. д. ассигновано точно так же слишком недостаточно. В ассигнованиях на капитальное строительство *соотношение между промышленностью и транспортом сильно изменено в пользу промышленности*, с резким нарушением довоенных отношений. Считая это в общем и целом неизбежным и закономерным, при взятом курсе на индустриализацию, следует в то же время иметь в виду, что, на ряду с сырьевой, топливо-энергетической и технической базой, *под индустриализацию должна быть подведена еще и транспортная база*, играющая не меньшую роль в деле развития промышленности. Поэтому в дальнейших бюджетах придется относительно *увеличивать ассигнования на транспорт*. Вместе с тем в строительстве новых предприятий и в работе существующих, необходимо в большей мере предусмотреть нужды транспорта, главным образом, в металле, также и в топливе, строительных материалах и др. необходимых ему предметах. В частности, придется обращать все большее и большее внимание на судостроение, сильно отстающее от довоенного уровня.

Организационные проблемы индустриализации.

Мы рассмотрели в основных чертах те материальные факторы, от которых сильнейшим образом зависят ближайшие *практические* результаты индустриализации.

Но промышленное строительство представляет собой вместе с тем *сложнейший организационный процесс*. Нам приходится собирать здесь на большие расстояния колоссальные материальные средства и связывать их в процессе строительства с большими количествами рабочей силы. Взять, например, хотя бы, Днепрострой или Семиреченскую жел. дорогу или ряд крупнейших заводов, начатых строением,—каждое из этих строительств становится целым муравейником, на несколько лет собирающим вокруг себя массу людей, привлекающим к себе целый поток всякого рода грузов и т. д., и т. п. Таких муравейников на пространстве СССР образуется все больше и больше.

Всеми этими строительными процессами приходится *управлять из одного центра*, строжайшим образом увязывая их в отношении использования технических строительных средств, строительного оборудования и т. п., в отношении правильного распределения соответствующей рабочей силы, в отношении обслуживания их транспортными средствами и т. д. Этот сложнейший процесс, при недостатке у нас денежных и материальных средств, также и чрезвычайной слабости строительной техники и при значительном недостатке квалифицированной рабочей силы, *требует весьма жесткой централизации. Только при этом можно обеспечить максимальную рациональность нового строительства, максимальную экономию в расходовании материальных средств и рабочей силы.* Строительство должно не только своевременно оканчиваться, но и производиться с наименьшей затратой сил и средств. Иными словами, экономия должна охватить как материальные средства, так и труд и время. При нашей бедности и недостатке у нас оборотных и основных капиталов мы не можем допустить слишком длительного вложения средств в отдельные строительства и слишком большого затягивания этих строительств во времени: напротив, нам нужно, чтобы эти средства по возможности *скорее* освобождались и вступали в действие. С другой стороны, необходима также и максимальная *концентрация* средств на возможно меньшем числе крупных строительств: мы не можем распылять наши средства слишком широко на громадное число отдельных мелких единиц, теряя учет, теряя возможность располагать этими средствами, в достаточной мере снабжать производимые строительства материалами и тем самым добиваться скорейшего их окончания. Вот почему *нам приходится чрезвычайно жестко относиться к местной строительной инициативе*, приводящей, несмотря на ряд положительных сторон, в смысле использования местных средств и местной инициативы, к сплошь и рядом чрезмерному *распылению недостаточных наших капиталов и недостаточных материальных средств и рабочей силы*. Элементы нового строительства должны быть *охвачены единым строительным планом*, располагающим все эти элементы как во времени, так и в пространстве. Но не только планируемым должно быть новое строительство, но и *руководимым* из единого центра, в порядке текущего *регулирования*. Все это достижимо только при условии полного единства и величайших организационных усилий.

К сожалению, до сих пор как раз в организационно-плановом отношении новое строительство пребывает еще в состоянии неуверенности и относительного безначалия. Хотя основным центром, руководящим строительством, является Союзный ВСНХ, все же на местах, сплошь и рядом, совершенно самочинно возникает целый ряд новых строительств. Места ставят нас перед фактами начала строительств, перед произведенными частичными затратами, к которым требуют дополнительного ассигнования из общесоюзных источников. Это вносит величайшие перебои и путаницу как в расчет строительства во времени, в смысле длительности вложения в него капиталов, так и в снабжение его материалами, так и во внутреннюю его структуру, в смысле увязки одних предприятий с другими, например, предприятий по производству средств производства и предприятий по добыче необходимых для них топлива и сырья или предприятий по обработке данного вида сырья и т. д., и т. п. В виду всего этого настоятельной организационной задачей встает перед нами *необходимость создания крепкого, мощного строительного центра*, облеченного соответствующими полномочиями, обладающего основными источниками средств как денежных, так и материальных, располагающего соответствующими массами рабочих. Такой центр для промышленного строительства естественно мыслится в составе ВСНХ. Его нам необходимо создать в ближайшее же время.

Вместе с тем СТО и Госплан должны усилить и развить свои *планово-регулирующие функции в отношении нового строительства во всем народном хозяйстве*, стремясь максимально увязать новое промышленное строительство с развитием всех тех элементов, от которых оно зависит, сочетая его с развитием интенсивных культур и скотоводства в сельском хозяйстве, с транспортным строительством, с электрификацией, с развитием

внешней торговли и т. д. Вместе с тем по всей линии, сверху донизу должна быть проведена *жесточайшая плановая дисциплина в отношении нового строительства* [1]).

Только при соблюдении всех этих условий будет выполнено то основное требование, которое мы выставили в самом начале, *чтобы новое строительство обошлось максимально дешево, чтобы стоимость возводимых нами фабрик и заводов, шахт, рудников и т. д. была минимальной*, чтобы она потом в порядке амортизации не перекладывалась слишком обременительным процентом на будущую себестоимость, *чтобы эта последняя была ниже не только нынешней, но и довоенной себестоимости промышленной продукции*. Эта важнейшая задача текущего строительного периода, без разрешения которой невозможно избежать тех недочетов, которые имели место в прошлогоднем капитальном строительстве, которые признает сам ВСНХ, которые нашли свое отражение в его отчетах, которые кратко характеризует тов. Крааль в своей статье в № 4 «Большевика», в начале 36 стр.

Не следует забывать того основного положения, что *наше новое промышленное строительство по существу своему является сооружением новой технической и энергетической базы для всего народного хозяйства страны*, что оно вместе с тем является самой *фундаментальной и грандиозной* по своим размерам *работой*, какая когда-либо выполнялась в таком *масштабе* и в такой относительно *краткий* срок. Мы взяли небывалые в истории *темпы* промышленного развития, совершенно нам, конечно, необходимые, но в то же время чрезвычайно трудные в смысле их осуществления. То, что мы в ближайшие 5—10 лет производим и сооружаем, то останется на многие десятилетия, пока вновь придется его совершенствовать и переводить на еще более высокий технический и энергетический уровень. Ясно поэтому, насколько внимательно, насколько *предусмотрительно, расчетливо и экономно должны мы относиться к планированию и регулированию нового строительства*. Малейшую деталь необходимо здесь предусмотреть. Каждое новое строительство должно быть десятки раз проверено и с экономической и с технической и со всяких прочих точек зрения, прежде чем к нему приступить. Каждое такое строительство со временем станет новым экономическим и социальным центром, вокруг него будут создаваться всякие сложные производственные отношения, оно будет играть крупнейшую экономическую и техническую роль в дальнейшем развитии народного хозяйства.

Мало того, *в ближайшем же будущем от того реального экономического эффекта, какой дадут возводимые нами новые заводы и фабрики, будет зависеть успешность всего дальнейшего социалистического строительства*, ибо по этим эффектам широкие массы крестьянства как нашего Союза, так и восточных стран, и широчайшие массы рабочих СССР и капиталистических стран *будут судить о возможности и осуществимости социализма вообще и в такой отсталой стране, как наша, в частности*. Вот почему планирование и регулирование нового строительства *возлагает на нас ответственность перед историей*. Каждое наше решение в этой области становится величайшим политическим и хозяйственным актом.

[1]) В последние дни вынесено решение о создании при СТО особой комиссии по строительству.

Вот почему нам столь необходима строжайшая плановая дисциплина в этой области, вот почему нам необходимы величайшая осмотрительность и расчетливость, вот почему нам в то же время необходимо широчайшее привлечение к этому делу нашей науки, нашей техники и широких слоев рабочих и крестьян, кровно заинтересованных в деле этого строительства. Нам необходимо суметь в этом деле *гибко сочетать величайшую централизацию в плановом регулировании строительства с максимальной децентрализацией управления самым процессом строительства, с привлечением общественной инициативы, экономической и технической мысли к этим величайшим процессам нашей современности*. Это должно быть нами понято и полностью осуществлено.

И. Минц.

В белой эмиграции.

(По поводу книги «Белое дело»).

Чем выше подымается социалистическое хозяйство Советского Союза, чем резче в силу этого его революционизирующее значение среди рабочих всего мира—тем напряженнее и острее становится для буржуазии проблема противодействия этому влиянию, тем чаще возвращаются капиталистические державы к вопросу о вооруженном вмешательстве в этот рост.

Последний год принес в этом отношении много ценных подтверждений: агитация «твердолобых» консерваторов в Англии под лозунгом «вон красных», появление книги генерала Гофмана, специалиста по «русскому вопросу» по должности начальника штаба Восточного фронта, книги с нарочито подчеркнутым названием: «Во всех уголках мира—Москва!», становящаяся все более агрессивной политика наших соседей—характеризуют новое антисоветское оживление.

В особенности интересны процессы, происходящие за последнее время в русской эмиграции, интересны потому, что процессы эти теперь уже отлились в организационную форму, легко нащупываемую среди бесконечных эмигрантских течений и оттенков.

Что многотысячная масса эмигрантов будет использована, как козырь в «игре» с советами—это было понятно. Не даром одновременно с угольной забастовкой в Англии поползли слухи в эмигрантской среде об «иностранных суммах», полученных на дело белой борьбы, а орган Струве—«Возрождение»—туманно намекал на достоверность этих слухов.

Но нас интересует не связь эмиграции с иностранными державами—после документов «бывшего посла» Саблина, недавно опубликованных в печати, здесь мало скажешь интересного, а движение, происходящее внутри самой эмиграции.

Угроза интервенции оживила всю эмиграцию, но повлияла по-разному на отдельные группы. Как и при всяком кризисе, раньше других заколебалась *мелкобуржуазная* часть эмиграции. Интервенция означала для нее повторение старых методов борьбы под прежним руководством тех же социальных групп «поместного землевладения», как определяли эти группы в белогвардейской прессе. Но опыт гражданской войны показал, что старые методы и старое руководство ведет к восстановлению всех прежних противоречий: к попытке перерешить аграрный вопрос в интересах помещиков, к возвращению старого состава и старых злоупотреблений военно-чиновничьей бюрократии, к великодержавным традициям в решении национального вопроса—короче, ведет ко всему тому, что вызвало крах белого движения, так как оттолкнуло от белогвардейцев не только широкие массы крестьянства, но и часть мелкобуржуазных групп.

К тому же хозяйничание интервентов в России, прямой грабеж и распродажа отдельных частей оккупированной страны, превращение занятых областей в колонии,—все эти факты показали, что англо-французский империализм, рисовавшийся мелкобуржуазным политикам «другом угнетенных и защитником демократии», на деле оказался таким же душителем независимости, как и германский.

«Мелкая буржуазия по своему экономическому положению настроена более патриотично по сравнению с другими классами», и это обстоятельство, напр., в 1918 году, оттолкнуло мелкую буржуазию от большевиков, так как «к числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, — полосу Брестского мира» (Ленин). Внутри Советского Союза часть политических идеологов мелкой буржуазии, убежденной об'ективными фактами интервенции, уже давно колебнулась в сторону от интервентов.

Новая угроза заставляет и закордонных идеологов мелкой буржуазии, несмотря на их ненависть к большевизму, поворачивать от безусловной враждебности к большевизму к нейтральности. Не случайно один из докладчиков этой группы—Кускова, закончила свой доклад призывом почтить вставанием память недавно умершего ген. Брусилова, ушедшего к большевикам защищать страну от польского нашествия.

Если к этому прибавить влияние, правда, редко проникавших в белогвардейскую печать, извращенных, но тем не менее чрезвычайно убедительных сведений о росте советского хозяйства, о непрерывных успехах экономического строительства, то нетрудно будет себе представить настроение мелкобуржуазной эмиграции. «...Укажите мне скорее и точнее пути, по которым я могла бы итти, а не стоять... внутрирусские силы, устав стоять, переходят к сотрудничеству (с советской властью)» [1],—так характеризовала настроение части эмиграции Кускова в одном из своих ранних докладов. Остается вернуться назад на «нашу родину, большевизированную Россию» [2] и нам, только «с гордо поднятой головой»,—добавляла Кускова.

С тех пор это настроение вылилось в большое течение, так называемое «возвращенство», со своей программой и своей тактикой.

Как и «сменовеховцы», они признали «положительное творчество нового быта» [3]: аграрную реформу и укрепление земли за крестьянами, отмену сословий, новые взаимоотношения между населяющими Россию национальностями и т. п.

А раз признав эти положения, приходится делать и соответствующие выводы.

Своей задачей «возвращенцы» ставят устранение претензий старых собственников, поддержку рабочего законодательства, защиту свободы производства торговли и конкуренции, «открытую и недвусмысленную поддержку действий... самой советской вла-

[1]) «Дни», 30 марта 1926 г.
[2]) «Дни», 15 августа 1926 г.
[3]) Цитирую по книжке П. Н. Милюкова: «Эмиграция на перепутье»: См. также «Дни» от 1 октября 26 г.

сти, которые клонятся к под'ему экономического, политического и культурного положения страны» и, наконец, «отбитие всяких хищнических вожделений по отношению к России... признается ли данной группой советская власть или нет».

Об'ективный ход вещей не поддержал суб'ективной логики рассуждений мелкобуржуазных групп эмиграции: пришлось отказаться от надежд на гибель советской системы и перейти к признанию советов и ряда их достижений. Картину полной капитуляции дополняет требование «возвращенцев» «решительного отмежевания... резкой и совершенно четкой черты между идеологией белого движения и логикой революции». Эта часть эмиграции прекрасно понимает, что мечтать о возвращении в Советскую Россию можно, только порвав свои связи с прошлым, почему и считает одной из основных обязанностей «глубокую работу по преодолению психологической связанности с этой (белой) борьбой в прошлом».

От старых иллюзий осталась только надежда, что советский строй может служить основой для дальнейшей *мирной* борьбы за полное осуществление демократии: «вместо борьбы за выдохшийся лозунг—Учредительное Собрание,—писал Пешехонов, —демократия войдет в Россию путем демократизации советской общественности». Но исход этой борьбы будет уже зависеть от конкретного соотношения сил. Необходимо отметить одно: от вооруженной борьбы против советов одна часть эмиграции отказалась, тем самым проведя некоторый водораздел между собой и остальной эмиграцией. Остальные так и поняли об'ективный смысл «возвращенства»: предатели и ренегаты—вот те термины, которыми наделяют они «возвращенцев».

Несколько иначе относилась к слухам об интервенции та часть эмиграции, которую возглавлял лидер буржуазной контрреволюции—Милюков. Неудача гражданской войны показала и им, что прежнее руководство борьбой под гегемонией помещика приведет к прежним плачевным результатам. Буржуазная контрреволюция еще в 21 году попыталась отделить себя от лагеря реставраторов, организовав так называемое республиканско-демократическое об'единение, желавшее самим своим названием подчеркнуть, что борьба с Советским Союзом не должна кончиться реставрацией всего старого порядка. «Неудача фронтовой борьбы есть,—писал Милюков[1]),—в весьма значительной степени неудача того социального слоя, который взял в свои руки руководство борьбой и, сознательно или бессознательно, придал ей определенную политическую окраску. Привычки и методы старого правящего класса должны быть заменены теперь методами новой демократической России».

Отход «возвращенцев» в результате оживления интервенционных планов заставил милюковцев точнее определить свою позицию. Почти одновременно с выступлением Кусковой, в Париже и появился манифест Милюкова, в основном сводящийся к следующим пунктам[2]):

[1]) Извлечение из доклада Милюкова, принятого Парижской группой партии народной свободы 27 декабря 1921 г. П. Н. Милюков — Эмиграция на перепутье, стр. 134.

[2]) «Последние Новости» от 21 марта 26 г. См. также: Милюков—Эмиграция на перепутье, Париж, 1926 г. Изд. Рев.-Дем. Об'ед., стр. 102.

«а) Признание положительного значения за общим смыслом происходящих внутри России процессов, ведущих к освобождению России от советской власти силами самого населения,

б) внимательное изучение этих процессов...,

в) согласование тактики эмиграции с тактикой населения, борющегося с советской властью...,

г) признание того, что борьба с советской властью не должна переходить в борьбу против национальных интересов России...».

Новая тактика, таким образом, целиком строится на процессах, происходящих внутри Советского Союза, на ожидании внутреннего взрыва антисоветских элементов, именно, *взрыва*, а не только мирного развития борьбы, как мечтают об этом примиренцы-возвращенцы.

Вынужденный характер этой тактики виден из того, что для оттенения разницы во взглядах с возвращенцами Милюков в 1-м параграфе своего постановления подчеркнул возможность *приятия интервенции*: «Сохранение пафоса неприятия советской власти,—гласит параграф,—и борьбы с ней, а, следовательно, и революционное к ней отношение и отрицание всякого рода примиренчества». Когда у Милюкова потребовали об'яснения, что, собственно, следует понимать под «революционным отношением» к советской власти, он ответил: «Если бы пришлось еще раз вернуться к началу борьбы, к 1918 г., *то мы поступили бы так же, как и тогда...*» [1]), ибо формулу «ни Ленин, ни Колчак... я никогда не разделял в разгар гражданской войны, когда был хоть какой-нибудь шанс успеха в вооруженной борьбе».

Буржуазная контрреволюция устами своего лидера Милюкова при первых же намеках на интервенцию заявила, что она попрежнему готова признать и интервенцию, и руководство Колчака в новой борьбе с советской властью, т.-е. разоблачила себя, подчеркнув свою готовность пойти вместе с реставраторами-монархистами, под гегемонией помещика.

Меньше других были застигнуты врасплох оживлением интервенционной подготовки—монархисты. Внеся в гражданскую войну организованность, выработанную десятилетиями управления страной, монархисты и в эмиграции оказались более организованными. Они сумели сохранить и часть своей живой силы, сохранить притом в готовом к бою виде (организация «галлиполийцев»), и, захватив в свои руки источники материальной помощи, сохранили за собой преобладание и в среде эмигрантов. По их собственному мнению, подтвержденному кстати Милюковым, около 85% эмиграции являются сторонниками реставрационно-монархического течения.

В истекшем году реставрация попыталась закрепить свое преобладание и организационно, собрав представителей эмиграции на «Зарубежный с'езд» в апреле месяце. На с'езде, где присутствовало более 400 делегатов, предполагалось провозгласить Николая Николаевича «вождем», но из опасений большой шумихи ограничились, по предложению Струве, «приветствием». Но, если не удалось «провозгласить» формально, то фактически, своей работой, показали свою солидарность с «вождем». Правда, и здесь «провозглашение носило не открытый характер: по двум кардинальнейшим вопросам приняли двусмысленные резолюции.

[1]) Курсив мой—*И. М.*

По вопросу национальному; признав все образовавшиеся на окраинах национальные государства, умолчали о том, какова будет форма правления в России—республика или монархия. Выбор «вождя» как будто говорил определенно о будущих судьбах России, но сказать открыто—постеснялись. «Тот, кому мы повинуемся,—пояснил этот маневр Марков II [1]),—запретил нам развертывать здесь наше знамя... Мы сознательно его свернули»...

Еще хитрее поступили с земельным вопросом. Принятая резолюция имела следующий вид: «...(с'езд) всецело разделяет высказанное по этому вопросу мнение великого князя Николая Николаевича о том, что земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята и что взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции—невозможно».

Гражданская война даже в эти упрямые головы вдолбила мысль, что с землей надо распрощаться. Струве и облек эту мысль в сочную формулу: «абсолютным монархом в России мог бы быть только откровенно и агрессивно мужицкий царь».

Но у князя, с которым солидаризовался с'езд, было, кроме того, сказано,—это ядовито отметил давно даже Милюков,—что «власть озаботится вознаграждением тех, кто лишился своего достояния, перешедшего в руки крестьянства». Как раз об этом умолчал с'езд, ограничившись резолюцией, которую можно будет толковать в зависимости от конкретных условий.

Программой реставраторов осталось попрежнему: самодержавие и помещичья собственность. Единственная поправка, на которую согласились,—оставить землю крестьянину, но получить за нее выкуп, по крайней мере... по 30 коп. за рубль, как острили в эмиграции.

Старая программа влекла за собой и старую тактику: диктатуру и вооруженное вмешательство—интервенцию.

С таким настроением, подбодрив себя сознанием, что большинство в эмиграции попрежнему с ними, раз'ехались делегаты по своим временным «отечествам» подчищать оружие и готовиться к бою в ожидании призыва «вождя». Попутно с подготовкой организационной занялись подготовкой и идейной: решили подвести итоги былой борьбе в ряде исторических работ. Первой такой работой оказалась вышедшая в самом конце 1926 года книга: *Белое Дело*. Летопись белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем (тем самым! *И. М.*), герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и светл. князем А. П. Ливеном, под редакцией А. А. фон-Лампе, т. I, Берлин, стр. 205, 27 хронол. таблиц [2]).

Материал в книге разбит по фронтам, по которым шла и идет война с большевиками северный (Миллер), южный (Корнилов, Алексеев, Деникин), восточный (Колчак), западный (Юденич) и внутренний, при чем каждому фронту посвящена какаянибудь статья, например, северному—ст. Марушевского, командовавшего войсками на севере, южному—ст. Врангеля и т. д., внутреннему—ст. Шульгина: контрабандисты.

Два обстоятельства подымают интерес к книге. Повторяя общеизвестный материал, авторы сообщают иногда такие детали, которые совершенно в новом свете рисуют факты. Во-вторых, бросается в глаза циничная откровенность, с которой авторы говорят о союзниках и их роли в гражданской войне. Буквально нет ни одной статьи, где так или иначе не подчеркивали бы, что союзники не выполняли своих обязательств: собираясь в бой, сваливают вину за старые неудачи на интервентов.

Одним из самых интересных документов является письмо генерала Алексеева в ставку к ген. Дидерихсу от 8 ноября старого стиля. В письме излагается подробная кампания будущей борьбы с советской властью на юго-востоке, при чем ген. Дидерихсу предлагается «прежде всего направить все, что можно под благовидным предлогом с фронта, так, например... все чешско-словацкие полки, которые охотно свяжут свою судьбу с деятелями спасения России...» (стр. 81).

Чехо-словаков, оказывается, хотели использовать чуть ли не на второй день после Октябрьского переворота, а официальная версия приурочивала восстание к маю 18 года, когда, якобы, выяснилось, что большевики мешают эвакуации чехо-словаков на родину.

Интересно отметить, что попытка поднять чехов сразу после Октября оказалась не изолированной. А. П. Степанов, командовавший I Чешско-Словацким стрелковым Яна Гуса полком, человек, очевидно, вполне авторитетный, если командовал лучшим полком, сообщает: «...Я предложил заместителю проф. Массарика для России, пану Богдану Павлу, выступить немедленно против немцев и большевиков непосредственно от Тамбова... на Москву...» (стр. 83).

Далее, ген. Алексеев выбалтывает еще одно чрезвычайно ценное сведение: «...Главное Артиллерийское Управление *в начале октября* своим попечением направило 10 тысяч винтовок из Петрограда и 12.800 винтовок из Москвы...» *в Новочеркасск*.

Почти за месяц до Октябрьского переворота собирались силы на Дону! Гражданская война в России началась не с октября и не большевиками, как твердили и твердят официальные белые летописи, она была начата задолго до переворота и притом начата генералами—вот то признание, о котором давно твердили большевики, но которое сделано сейчас самими виновниками. А сколько, между тем, томов было исписано, чтобы скрыть эту истину!

Не менее любопытны из материалов сборника сведения о знаменитом меморандуме союзников Колчаку. Союзники обещали признать Колчака, при условии созыва им Учредительного Собрания и демократизации управления. Колчак согласился, как известно, и на то, и на другое. Это обстоятельство сыграло огромную роль в деле мобилизации общественного мнения, например, в Англии против большевиков.

Сейчас М. А. Иностранцев, бывш. генерал-квартирмейстер при Колчаке, сообщает подробности ответа Колчака. На вопрос о меморандуме союзников: «Ах, это вы об исповеди!—сказал, саркастически улыбаясь, Колчак...—Ну, я им ответил,—продолжал он и засмеялся.—Во-первых, я им ответил, что Учредительное Собрание, или, вернее, Земский Собор, я собирать намерен и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков, и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых,

[1]) «Дни» 6 апр. 26 г.

[2]) Кстати, к сведению Главреперткома. На обложке книги стоит: склад издания Grad Kitesch («Град Китеж»). *И. М.*

я ответил им, что избранное при Керенском Учредительное Собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то н—повешу!... Наконец, при выборе в настоящее Учредительное Собрание, пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы и людей работоспособных и знающих, а не говорунов. Вот какой я демократ!» (стр. 108).

Пусть ген. Иностранцев передал слова Колчака недостаточно верно, но важно, что *так* думали в то время, чтобы представить себе, как цинично надували публику.

Именно надували, ибо с самого начала выступления и не думали останавливаться не только на самом Учред. Собрании, но даже на лозунге: «За Учредит. Собрание». За другим лозунгом никто не пошел бы. Уже упоминавшийся Степанов рассказывает, что еще в мае 18 года к моменту чехо-словацкого восстания предполагали выступить под монархическим лозунгом, но... чехи отказались. «Долго думать не приходилось—оправдывается Степанов—так как единственной реальной силой фактически были чехо-словаки... исходя из этих соображений... диктовалась необходимость провозглашения лозунгом для борьбы с большевиками «За Учредительное Собрание»... (81).

Но зато уже совсем пикантно выглядит то употребление, которое дали меньшевистским и эсеровским карасям, попавшимся на эту удочку: «...Представителей левых партий,—пишет командир I чехо-словацкого полка, — как отлично знакомых с подпольной работой и организацией и имевших к тому же положительно везде либо ячейки, либо связь, в виде отдельного представителя, я старался использовать для абсолютного очищения местностей и городов от большевицкого элемента...» (стр. 87).

Несколько особняком стоит статья Шульгина. В то время как остальные статьи восстанавливают факты белой борьбы. Шульгин пытается дать ее «философию». Шульгин принадлежит к разряду тех монархистов, которые привыкли не только бороться, но и обдумывать борьбу, тщательно оценивая ее успехи и неудачи. Изголодавшись на эмигрантских «утках», которыми кормят белогвардейцев, Шульгин решил попытаться проникнуть в СССР, чтобы на месте изучить процессы, происходящие в Советской России. Загримировавшись под еврея (Шульгин и еврей! Такой сюжет показался бы невероятным: далеко, видно, художественной фантазии до диалектической действительности), он перебрался после долгих попыток через границу и очутился на Советской Украине. Первое, что бросилось «старому хозяину» в глаза—в России «все есть» (стр. 177), в России «жизнь в ее основах восстановлена!»

Это так огорошило бедного Шульгина, что он совсем потерял голову и стал искать в каком-нибудь факте ослабление первого впечатления. С каким нескрываемым удовольствием он нашел, что в Киеве обед стоит 40 коп., а «при царях» стоил 20—25 коп. «Итак, если вы хотите—обрадовался Шульгин—«голодранци со всего світа», перетерпев годы каннибальских мучений, получили в награду жизнь вдвое хуже, чем прежняя» (стр. 180).

Но моральное утешение для Шульгина, найденное им в киевской харчевне, не ответ на вопрос, ради которого был предпринят опасный путь в СССР.

«До нас доходят сведения,—жалуется Шульгин,—что будто бы весь народ ненавидит свою власть. Если бы это имело место в Англии, Франции, Германии, Италии и даже в маленьких государствах Европы, такая власть не усидела бы и трех дней. В России же всеми ненавидимая власть преблагополучно сидит годы...»—вот вопрос, из-за которого князь П. Д. Долгоруков в качестве псаломщика пытался проникнуть в Советский Союз и ради которого нарушил свой покой Шульгин, не побрезговавший для этой цели и личиной еврея.

Не так давно тактический ответ был ясен: чем хуже, тем лучше. Чем больше несчастий валится на голову советской власти, тем больше надежд на провал всей системы. Голод принес смерть миллионам людей, но он одновременно ухудшил положение советского правительства: голод спасет Россию от большевиков—таков ход рассуждений эмиграции. Но Шульгин своими собственными глазами убедился, что теперь «в России все есть», правда, дороже, чем в «своей» России, но есть. Прежняя формула устарела, она не отвечает надеждам эмиграции, и Шульгин ищет спасения в новой формуле: чем лучше, тем хуже.... для Советской власти!?

«Очень просто,—поясняет Шульгин.—Теория будто бы революцию делают голодные—неправильна, ее можно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть... Такова была Февральская революция в Петербурге в 1917 г. Но, если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут: они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами, и, протягивая руки, молить о хлебе...».

До сих пор как раз народ был занят поисками хлеба и не думал о восстании, но теперь—нэп, страна отдохнула, выздоравливает и теперь «с возрождением страны возвращаются все возможности» (стр. 172).

Вдумчивый монархист, каким, несомненно, является Шульгин, чувствует, что почва из-под ног уходит. Как добросовестный наблюдатель, Шульгин понимает, что нужно подчиниться об'ективным результатам борьбы и признать себя побежденным, но классовая принадлежность оказывается сильнее научной добросовестности: Шульгин ищет выхода не в примирении с ходом действительности, а в различных словесных построениях и ухищрениях.

«В борьбе оружием мы проиграли,—нанизывает Шульгин одну мысль за другой.—В борьбе идей мы не проиграли. Во всяком случае, мы свою идею вынесли из боя, сохранили, и я думаю, что она постепенно завоевывает мир. По крайней мере, фашизм, который сейчас является противником коммунизма в мировом масштабе, несомненно, в некоторой своей части есть наша эманация» (стр. 170).

Идея, белая идея, белый дух могут спасти Россию. Что же такое эта белая идея, за которую цепляются потерпевшие кораблекрушение?

«...По глубокому смыслу своему *белая идея*, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея *религиозная*...» (стр. 10).

Это раз. Во-вторых, эта идея мыслит себе будущую Россию «единой, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет...».

В-третьих, наконец, белая идея мыслит, что

«не худшему, а лучшему должен быть открыт путь вверх... Мы верим, что править Россиею и вести ее должны ее лучшие сыны. Будет ли это русский государь? Доживем ли мы до этого счастья... Будет ли это?—Будет, но не ранее, чем русский народ возродит в себе свое древнее *умение иметь царя*... А до тех пор мы примем волю и законы от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть...» (стр. 14).

Итак, белая идея, белый лозунг, который, «предвидя возможное возобновление борьбы», выбрасывает в связи с оживлением интервенционной деятельности руководящая сила эмиграции *«за веру, царя и отечество!...»*. Во имя этого лозунга посылал Николай Последний генерала Иванова усмирять Питер в февральские дни, во имя этой идеи дрались Деникин, Врангель, Колчак, во имя этой идеи собираются снова драться старые сторонники Николая Последнего.

«Если бы история вернулась вспять, мы совершили бы опять то же самое» (стр. 13).—Так подвели итог белой борьбе генералы, которым давно подвела итог революция.

Но повторение старого принесет и старый результат—победу революции, ибо одни и те же причины, повторенные в прежней комбинации, дают то же следствие.

Так, на 10-м году Октябрьской революции созналась в своем неизбежном поражении русская контрреволюция.

М. Галкович.

Новое в тихоокеанской проблеме.

Место, которое занимает в мировой политике и экономике Тихий океан с расположенными на его побережьях государствами, в 20-х годах XX века сделалось очень значительным. Малейшие нюансы в комплексе вопросов, составляющих тихоокеанскую проблему, видоизменяют международную обстановку. Особенное внимание начал привлекать Тихий океан после войны. Виновниками этого внимания являлись два государства, неимоверно выросшие за последние десятилетия и особенно за годы войны. Речь идет о Соединенных Штатах Северной Америки и Японии. Первое из этих государств к концу мировой войны занимало территорию в 9.369 тыс. кв. кил., его население равнялось 105 млн. чел. Поставленное в особенно выгодные условия, население этой страны превратило Америку в самую богатую страну мира. С. Ш. обладают половиной мирового запаса золота [1]). Национ. богатство С. Ш. в 1922 году равнялось 320 миллиардам долларов, приняв во внимание ежегодный рост в 30—40 миллиардов, можно будет утверждать, что к 1926 г. оно равнялось более 400 миллиардов [2]). Если распределить богатство страны на каждую душу населения, то С. Ш. занимают своими 3 тыс. долларов самое высокое место в мире. За время войны С. Ш. превратились из должника в кредитора, и сумма следуемых им долгов исчисляется почти в 10 миллиардов [3]). Такова современная Америка. Расположенная между двумя океанами, она своими корнями все еще лежит на Атлантическом океане. Экспорт в потустороннюю Европу играет по сие время большую роль. Так в 1926 г. весь экспорт С. Ш. составлял 4.808.465 тыс. долл., а импорт 4.430.890 тыс. долл. На долю Европы падало: экспорт 2.309.705 тыс. долларов, а импорт 1.285.869 тыс. долларов. Однако, если в абсолютных цифрах роль Атлантического океана преобладает, то относительно эта роль снижается, уступая, в темпе роста торговых оборотов, Тихому океану [4]). Прорытие Панамского канала сблизило запад и восток Америки. Постепенно восток увеличивает долю своего обращения на Тихом океане. Промышленный американский восток все больше и больше обращается лицом к западу, т.-е. к странам, лежащим по ту сторону Тихого океана.

---

[1]) Мировой золотой запас в 1913 г. распределялся следующим образом (в миллионах марок): Европа—24.280, Америка—7.937; в 1926 году он распределялся: Европа—14.090, Америка—18.853. Сведения взяты из «Gamburger Premden Blatt», 14/I 1926 г.

[2]) «Washington Post», 12 сентября 1926 г.

[3]) Из речи Гувера видно, что одних займов для других государств в 1926 г. было заключено в Америке на 1.302 миллиона долларов.

[4]) Америка импортировала из Азии товаров в 1926 году на сумму в 1.400.601 т. долл., а экспортировала туда 564.543 т. долларов.

Империалистическая Америка еще в конце XIX столетия начала свое наступление на Дальний Восток. Испано-американская война конца прошлого столетия, захват Филиппин, жестокое подавление на этих островах следовавших одно за другим восстаний, захват в 1915 году Гавайских островов, создание и на Филиппинах и на Гавайях ряда военно-морских баз, как и усиленное оборудование своих морских баз на тихоокеанском берегу,—все это—отдельные ступеньки в американском стремлении экономически проглотить богатые сырьем и емкие, по громадному населению, рынки дальневосточных, а затем и ближневосточных стран. Сюда входит раньше всего Китай с территорией в 11 млн. кв. кил. и населением свыше 400 мил. человек. Без внимания не остаются и английские территории: Австралия и Новая Зеландия и голландские колонии (Ява и др.), которые, по мнению американцев, давно плачут по богатом и властном хозяине. Американцы в последнее время любят говорить о своих успехах даже в Индии, не говоря уже о Турции и Персии. *Однако, главное внимание привлекает именно Китай, который экономически исследован американцами, в котором они имеют ряд щупальцев, наружно просветительного или богоугодного характера, как, например, больницы и школы, а внутренне насквозь пропитанных узко экономическими интересами разных Фордов, Рокфеллеров и Морганов, из чьих средств субсидируются эти заведения.* Такова Америка, самое могущественное в мире капиталистическое государство. Ее лицо теперь на 1/3 повернуто к Тихому океану. В этом океане она держит 1/3 своего флота, якобы, «для защиты своих берегов».

По другой стороне Тихого океана находится Япония, государство, занимающее незначительную по величине и сравнительно небогатую по количеству полезных ископаемых территорию в 385.521 кв. кил. Зато на этой территории живет население в 58 миллионов человек с ежегодным естественным приростом от 600 и выше тысяч человек. Вместе с колониями территория Японии равна 684.090 кв. кил., а население в 1923 г.—свыше 80 милл. человек. Целый ряд условий дал возможность Японии выйти из косности восточного государства и еще в прошлом столетии проделать, в сравнительно короткий срок, путь капиталистического развития. Возросшая сила этого небольшого государства им была показана в 1894—95 гг. во время японо-китайской войны и через десятилетие во время войны с северным колоссом—царской Россией. Оставшись и в первой и во второй войне победительницей, Япония присоединила к своей территории лесные массивы Кореи, Формозу, южную половину Сахалина, богатые железом и углем копи Южной Манчжурии, а во время войны 1915—18 гг. Япония добавила богатства Шандуни и подчинила себе на время в политическом отношении весь Северный и частично Средний Китай. Пользуясь слабостью России, Япония овладела в 1919 г. колоссальными богатствами русского Дальнего Востока. За это время Япония выросла не только территориально, она выросла и в экономическом отношении. Ее бюджет к Вашингтонской конференции (1922 г.) равнялся: доход 1.584 млн. иен, расход 1.584 млн. иен[1]), а в 1914 г. он был равен: доход 721.975 т. иен, расход

[1]) Buchan. «The Nations of to-day». Japan, p. 273.

573.684 т. иен. Торговый флот вырос почти до 4 миллионов тонн[1]). Такова была Япония к Вашингтонской конференции,—необычайно окрепшая политически и экономически держава. Уменьшение связи Англии с Китаем из-за войны дало возможность Японии постепенно занять первое место в торговле и промышленных вложениях Китая[2]).

Будучи перенаселена, капиталистическая Япония стремилась разрешить эмиграционный вопрос исключительно военным путем: расширением своей территории или на островах Тихого океана или за счет ближайших соседей—Китая и России. Бедная ископаемыми, столь необходимыми современному государству, Япония думала их раздобыть тем же путем территориального грабежа. Годы войны и первые послевоенные годы и явились доказательством японских стремлений. Неудивительно поэтому, что Америка, столь сильно заинтересованная в делах Тихого океана, в частности Дальнего Востока, горячо выступила против Японии. Превосходство первой было настолько велико, что Вашингтонская конференция 1921—22 года кончилась поражением Японии. Однако, это поражение носило скорей формальный характер. Правда, Япония ушла из русского Д. В. Это не было оговорено Вашингтонским соглашением, а явилось результатом увеличения мощи Советской России. Что касается Китая, то Япония и не думала терять свою гегемонию в нем. То, что не могли сделать американцы деньгами и всем своим могуществом, сделало землетрясение 1923 г. Цифры, указывающие материальные потери Японии от землетрясения разноречивы. Однако, даже ярые оптимисты определяли убыток от 3 до 5 миллиардов иен[3]). Наблюдая за землетрясением, финансовые тузы Америки решили показать удивленному миру, какую помощь они в состоянии оказать пострадавшей стране. Американские газеты, на одной странице с затаенной радостью подсчитывавшие количество оставшихся в живых японцев, на другой открывали подписные листы в пользу пострадавших. Так в капиталистическом обществе радость по поводу чужих бедствий прикрывается маской дружественности и симпатией к обездоленным. Если американцы и просчитались в своих расчетах относительно японских бедствий, то все же землетрясение отразилось на экономическом и политическом положении Японии. После землетрясения на время обессиленная Япония вынуждена была раньше всего взяться за восстановление частично разрушенного хозяйства. Токио—столица страны и большой центр—значительно пострадал. В еще более значительной степени пострадал промышленный город Японии Осака и один из важнейших портов страны Кобе. Собственных средств в стране было или мало или требовался сравнительно большой срок, чтоб получить имевшиеся небольшие сбережения у населения[4]). Волей-неволей пришлось обратиться к ино-

[1]) 3-е место в мире.

[2]) В 1926 г. японская инвестиция в Китае оценивалась от 3 до 4 миллиардов иен; английская инвестиция—до 300 миллионов фунтов стерл; американская—всего в 25 миллионов фунт. стерл.

[3]) См. приложение, посвященное землетрясению, в «Japan Year Book» за 192[illegible]—25 г.

[4]) Отчеты сберегательных касс показывали за военные годы неизменный рост вкладов.

странам и, конечно, именно к странам, которые были в состоянии немедленно дать деньги. Этими странами были Англия и Соед. Штаты Сев. Америки. Англия своим банковским аппаратом, самым лучшим в мире, так или иначе была нужна, но главнейшая часть выпущенного в начале 1924 года займа была покрыта на денежном рынке Соединенных Штатов. Первый заем был выпущен на 150 миллионов иен. Вложив свои деньги в японские государственные бумаги, американские деловые круги заставили свою печать сбавить воинственный тон. Мелким уколам отдельных статей С. Ш. предпочли некоторые действия, которые должны были констатировать соответствующее понижение японского могущества. Так был принят закон об эмиграции 1924 года, в силу которого японцы, не будучи отдельно выделены, попадали в общий котел цветных народностей, доступ которым на территорию С. Ш. запрещен. Это был больше моральный удар для японского престижа, так как еще «джентльменским соглашением» 1908 г. эмиграция японцев в Америку фактически была прекращена. Правда, японское правительство протестовало против закона. Общественное мнение Японии было возмущено, милитаристская печать опубликовывала большие статьи с угрозами Америке, а генералы в отставке и не в отставке требовали немедленной мобилизации войск и флота и уже вели исчисления издержек предстоящей войны. В то же время токийская торговая палата, как и торговая палата Осаки, с одной стороны, вынесла резолюцию протеста против закона 1924 г., а с другой стороны, рекомендовала правительству и населению политику терпения и даже... дружелюбия к американскому народу. *Причины столь невоинственной резолюции скрывались в экономике, а она такова, что зависимость Японии от С. Ш. раньше, до землетрясения, носила односторонний характер, а после землетрясения—двусторонний.* Раньше зависимость была только по торговой линии и, необходимо сказать, зависимость большая. Американо-японская торговля в течение всего XIX столетия и первых двух десятилетий XX века росла и достигла значительных размеров. Однако, эта торговля показывала неизменный пассив для Штатов и неизменный актив для Японии. Для последней по сей день торговля с Америкой играет колоссальную роль: экспорт в Америку составляет 40% всего ее экспорта. В то же время экспорт С. Ш. в Японию столь незначителен, что потеря японского рынка для С. Ш. составляла бы незначительный урон [1]). Таким образом, до и после землетрясения торговая зависимость Японии от Америки очень значительна. После землетрясения, помимо торговой зависимости, благодаря распространению японского займа на нью-йоркской бирже, появилась и чисто финансовая зависимость.

Япония прилагает все силы к тому, чтоб индустриализоваться и, превратившись в высоко промышленную страну, иметь обеспеченный рынок сбыта в аграрной Азии [2]). Отсюда возникновение еще во время войны разных паназиатских идей, уживающихся по сей день и в августе 1926 г. на конференции

---

[1]) Однако, для некоторых групп, как, напр., нефтяной, метал., урон был бы значительный.

[2]) На более быструю индустриализацию Японию также толкает неразрешенный эмиграционный вопрос. Его разрешение возможно двумя путями: либо

в Нагасаки демонстрировавшихся открыто [1]). Япония в этом деле завоевания азиатского и тихоокеанского рынка развивает бешеную энергию, но эта японская экспансия имеет перед собой два препятствия. Первое: азиатский рынок имеет своего поставщика—верное хозяина—в лице самой старой колониальной империи мира Англии. Второе препятствие—отсутствие собственных больших сбережений для быстрого темпа развития своей промышленности. Остановимся на первом препятствии, так как оно к настоящему времени уже достаточно успело отразиться на отношении двух держав—Японии и Англии. Задолго до мировой войны, когда существовал еще англо-японский союз, Япония на глазах у своего союзника и всего мира превратилась в главного английского конкурента в Китае. Эта конкуренция носила уже столь острый характер, что вначале вызвала русско-японское сближение, а потом даже русско-японский секретный договор, направленный против Англии и отчасти С. Ш. Годы войны и послевоенные годы англо-японскую торговую конкуренцию усилили еще более. Япония своими дешевыми текстильными изделиями начала наводнять китайский рынок. Предметы же американского ввоза в Китай и по сие время встречают слабую конкуренцию Японии, а главным образом, Англии. Америка ввозит в Китай: машинные части, нефть, каучук, табак, т.-е. такие предметы, которые Япония не вывозит, а сама покупает. Превратившись в главного английского конкурента на Дальнем Востоке, Япония имеет очень сильную склонность превратиться в опасного конкурента и на других участках колоссальной английской империи, в первую голову в Британской Индии и на Ост-Индских островах и даже в Египте. В обеих Индиях японцы делают хорошие дела. Они ввозят туда, главным образом, дешевые текстильные товары. Вот цифры, показывающие японскую торговлю текстильными товарами. В 1925 г. Япония выработала 1.179 миллионов ярдов хлопчато-бумажных тканей, из которых экспортировала 800.000.000. Из них в Китай—400 млн., в Индию—102 млн. и на Ост-Индские острова—86 млн. Англичане принимают ряд мер к уничтожению японского ввоза текстильных изделий. Намечающаяся японская экспансия в сторону Голландской Индии тоже не нравится Англии, которая, как известно, стоит за Голландией на Ост-Индских островах. *Изучение этих бросающихся в глаза фактов дает нам возможность констатировать большой англо-японский антагонизм.* Этот антагонизм усиливается недружелюбным отношением между Австралией и Японией из-за эмиграционного вопроса. Боязнь желтой опасности среди белых австралийских цивилизаторов настолько велика, что в течение целого ряда лет государственные деятели Австралии отстаивали перед империей необходимость возможно быстрой постройки Сингапурской базы. Эту базу с приходом консерваторов к власти и в связи с последней имперской конферен-

---

территориальной экспансией за счет островов Тихого океана, но это невозможно, ибо ставит в очередь дня проблему войны, либо другим путем—поглощением избыточного населения промышленностью.

[1]) На этой конференции произошел интересный казус. Индусы потребовали принятия резолюции против Англии. Японцы покинули зал конференции, так как корейцы тоже потребовали принятия подобной же резолюции по отношению к Японии.

цией предполагается действительно построить. Сейчас же после имперской конференции (декабрь 1926 г.) японские газеты подняли большой шум, а их угрозы в сторону Англии далеко превосходили угрозы 1924 г., когда конгресс С. Ш. принял эмиграционный закон. Характерно, что именно в это время в японской печати появилась статья о том, что Новая Гвинея, почти совершенно пустующая, должна быть отобрана у Австралии и передана Японии. *В данный момент, англо-японское соперничество гораздо сильнее японо-американского соперничества, поэтому первое должно более привлекать и наше внимание.* Борьбу за азиатский рынок Япония может только тогда вести успешно, если ее товары будут и качественно хороши и дешевизна их будет в дальнейшем обеспечена. Если у Японии имеется один из факторов, способствующих дешевизне товаров—дешевый рабочий труд, то у нее нет достаточных сбережений, чтобы быстро превратиться в страну с высоко развитой промышленностью. Япония ищет средств для индустриализации, и она думает найти их у Соединенных Штатов. *Лозунг многих деловых людей современной Японии—индустриализоваться с помощью Америки для завоевания азиатского рынка.* Этот лозунг постепенно получает свое осуществление. Не считая государственных займов Японии в Америке, мы можем отметить колоссальное развитие американской инициативы в некоторых отраслях японской промышленности. Больше всего обращает на себя внимание электрическая промышленность. Громадные водные богатства Японии дают возможность осуществления построек целого ряда мощных электростанций. Именно электр. промышленности принадлежит и в Японии и в других странах будущность. В эту отрасль промышленности Японии, американцы охотно вкладывают деньги. Для характеристики происходящего экономического сближения интересно привести выдержки из речи Иокогавы, генерального директора промышленной фирмы Сумитомо. Его речь начинается с открытого утверждения, что американские инвестиции в Японии растут. Он говорит: «Мы имеем в Японии целый ряд японо-американских альянсов, среди которых «Ниппон Электрик К°», «Шибаура Электрик Факчери», «Митцубиши Электрик К°»—самые большие. Наша «Сумитомо Электрик Вайр Энд Гебль К°» вступила в союз еще несколько лет назад с «Интернэйшенал Электрик Корпорэйшен», а немного позже с «Алюминиевой К° Америки». В то же время наша «Ниши-Бей-Шит-Глез К°» заключила специальное соглашение с «Либей-Шит К°» в Детройте. Все эти об'единения, в которых я персонально заинтересован, показывают в своей работе превосходные результаты»[1]). Речь Иокогавы и перечисленные им японо-американские предприятия не исчерпывают американской инициативы в Японии. Так, известная фирма «Вестингауз К°», как и фирма Форда, имеют свои большие отделения-предприятия в Японии и работают на совместных началах с некоторыми японскими фирмами, в частности с Митцубиши. Американо-шведский концерн захватил в свои руки спичечную промышленность Японии. Заключительные слова Иокогавы являются экономической программой многих деловых людей Японии на ближайшие годы, а потому мы их приводим:

[1]) «Фар Истерн Ревью», декабрь 1926 г., стр. 851.

«Современное внедрение американского капитала в наши предприятия хорошо известно. С удовольствием отмечаем, что эти тенденции предполагают увеличиваться и дальше». Между прочим тот же Иокогава, речь которого мы цитируем, является председателем «Квансайского японо-американского общества дружбы»[1]). Настроение деловых кругов находит свое отражение в политике министерства иностранных дел. Речь Шидехары 18 января в парламенте как нельзя лучше это подтверждает. Высказав сожаление по поводу того, что вопрос о билле 1924 г. еще не улажен, Шидехара заключает: «Я твердо уверен, что две нации, памятуя о своей важной миссии являться охранителями мира на Дальнем Востоке, будут стоять бок-о-бок во все времена для выполнения этой задачи[2]). Редактор «Фар Истерн Ревью» Бронсон Реа хотя и не является официальным японским чиновником, но его пером очень часто водит японское министерство иностранных дел. В целом ряде статей, помещенных в своем и других журналах, он продолжает неустанно твердить об одной и той же мысли,—о необходимости экономического и дипломатического сближения Японии и Америки. Попытки сближения с Америкой, которые предпринимаются многими деятелями Японии, очевидны. В то же время и со стороны американцев делаются такие же попытки. Хорошим проводником японо-американского сближения является американский посол в Японии, Чарльз Мак Ви (Charles Mac Veagn), всячески поощряющий организацию смешанных о-в: о-в содействия, дружбы и т. д. Вряд ли его поведение является отражением собственной любви к японцам. По всей вероятности, им руководит мысль о барышах для Моргана и других. Как раз за последние годы в С. Ш. начались разговоры о возможности использования японского посредничества для завоевания китайского рынка. Указывается, что японцы лучше всех знают потребности китайского рынка. Таким образом, идея америко-японского сближения принимает некоторые реальные формы. Ушатом воды на голову сторонников этой идеи явилось постановление американского конгресса в 1926 г. об ассигновании 324 млн. долларов на постройку новых крейсеров. Японские газеты с большой тревогой откликнулись на это событие. Министр же финансов Катакоа в своей речи 18 января заявил, что правительством отпускается сумма в 261.300.000 иен на постройку добавочных крейсеров[3]). Однако, тот факт, что Япония единственная из великих держав почти безоговорочно согласилась на новую конференцию по разоружению в Вашингтоне[4]), доказывает, что идея японо-американского сближения твердо засела в головах некоторых политических руководителей Японии. Между прочим, ограничение вооружений согласно вашингтонским постановлениям 1921—22 гг. нашло свое благоприятное отражение в японской экономической жизни,—финансы, сильно расстроенные, были приведены в сравнительный порядок. Придерживаясь в китайском вопросе тактики нейтралитета, частично поддерживая идею Кулиджа о созыве новой конференции, японская дипломатия ищет японо-

[1]) Деловая улица в Осака.
[2]) «Japan Chronicl», 27 января 1927 г.
[3]) Эта сумма должна быть израсходована в течение 5 лет.
[4]) Англия тоже согласилась. но с оговоркой относительно необходимости согласования планов по разоружению с комиссией по разоружению при Лиге Наций.

американского сближения. В центре борьбы за Китай с сегодняшнего дня необходимо поставить Японию и Англию. Борьба этих двух государств не только в Китае, но и в Индии, Ост-Индских островах и даже Египте все больше и больше обостряется. *Тихоокеанская проблема, ранее заключавшаяся в том, что японо-американское столкновение произойдет в ближайшем будущем, заслоняется японо-английской борьбой и обостряющимися отношениями между Америкой и Англией.* Борьба за Центральную и Южную Америку, как и борьба за будущность английских доминионов [1]), гораздо острее, нежели американо-японская борьба за Китай. Именно обострение англо-японских интересов толкает Японию на политику сближения с СССР. Бронсон Реа, которого мы выше упоминали [2]), указывает в одной из своих статей [3]) на необходимость союза трех государств: Японии, Америки и России для поддержания мира на Дальнем Востоке. Трезвый учет фактов подсказывает нам тот вывод, что проблема японо-американского столкновения, столь тщательно исследованная некоторыми англичанами (напр., известным Байвотером) [4]), отступает на время как перед проблемой японо-английских, так и американо-английских отношений. Победа китайской революции многое изменит в тихоокеанской проблеме, в частности в еще большей степени отдалит японо-американское столкновение. Что же касается японо-английских и англо-американских отношений, то их дальнейшее обострение вполне очевидно.

[1]) Как и борьба за нефть, хлопок и каучук.
[2]) Он редактор «Фар Истерн Ревью».
[3]) «Ф. И. Р.», октябрь 1926 г.
[4]) Байвотер, капитан английского флота, специализировался на пророчествах относительно японо-американской войны. Написал, кроме ряда статей, 2 книги, посвященные Тихоокеанской проблеме. В одной из них указывает точные даты будущей войны, места сражений и предсказывает конец Японии. Статьи и книги выдают мечты... англ. штаба.

Е. Преображенский.

Экономические заметки.

IV.

Новое в хозяйственной ситуации.

В последнее время в нашей печати неоднократно заявлялось, что мы переживаем заметное уменьшение товарного голода.

В своей статье в декабрьской книжке «Большевика» тов. Микоян также сообщает эту новость и пытается показать, откуда она появилась и чем подтверждается. На Московской губернской конференции тов. Бухарин заявил: «мы имеем не обострение товарного голода, а его смягчение». И еще раз: «в целом у нас товарный голод не обострился, а заметно *смягчился*».

Высказывается мысль, что предположение Госплана о росте товарного голода в 1926—27 г. оказалось необоснованным, и само предсказание приписывается «пессимизму и неверию» тов. Смилги, руководившего составлением «Контрольных цифр». Пишущий эти строки не принимал участия в составлении этих цифр и поэтому не несет за них формальной ответственности. Однако, я должен сказать, что тот метод, посредством которого на страницах газет и журналов производится «смягчение» товарного голода, и тот способ критики «Контрольных цифр», который практикуется, вряд ли способен внести надлежащую правильную мысль в понимание того, что действительно происходит сейчас в нашем хозяйстве.

Изучая проблему товарного голода на основании фактических данных, я пришел к выводам, которыми хотел бы в данной статье поделиться с читателями. Но сначала восстановим в памяти, как ставилась проблема Госпланом. В «Контрольных цифрах» сказано, что если цены на сельскохозяйственные продукты и на изделия промышленности останутся без изменения в сравнении с истекшим 1925—26 годом, то можно ожидать роста товарного голода с 380 милл. в 1925—26 г. до 500 милл. руб. в настоящем году [1]). Такая постановка вопроса методологически является вполне правильной. Рост или уменьшение товарного голода в новом году по сравнению с истекшим можно наиболее точно выявить, лишь беря за основу сравнения цены истекшего года. Только тогда несоответствие между платежеспособным спросом и предложением и динамика этого несоответствия по сравнению с предыдущим годом сфотографируются, как движение соотношений товарных масс, не затемненное изменением в ценностных соотношениях.

Что же у нас произошло в этой области в течение истекшего первого квартала хозяйственного года, т.-е. с 1 октября 1926 г. по 1 января 1927 г.? Верно ли, что так называемое частичное успокоение

[1]) См. «Контрольные цифры», стр. 79.

на товарном рынке и некоторое ослабление товарного спроса есть результат большего увеличения предложения промтоваров, а значит неожиданно большего прироста их выработки?

Разберемся.

Обратимся сначала к вопросу о движении платежеспособного спроса. Наметка Госплана о размерах товарного голода, как мы сказали, исходила из предположения о стабильности цен по сравнению с 1925—26 годом. Как же обстояло дело с ценами на сельскохозяйственные продукты?

Цены на все зерновые хлеба, по сравнению со средне-взвешенными ценами по СССР за соответственные месяцы прошлого года, резко понизились. Например, заготовительная цена пшеницы за октябрь—ноябрь в копейках за центнер была:

	октябрь	ноябрь
1925—6 г.		
Пшеница . . .	726	748
1926—7 г.		
Пшеница . . .	624	614

Иными словами, в месяцы наибольших заготовок пшеница продавалась на 20 коп. с пуда дешевле, чем в прошлом году. Такая же картина по другим хлебам; лишь по ржи понижение цен менее значительно.

В результате только по одной пшенице, которой к 1 января заготовлено 243,6 милл. пудов, крестьянство недополучило около 50 милл. рублей. А по всем хлебам эта цифра будет около 70 милл. рублей. Так как предстоит заготовить еще не менее 250—300 милл. пудов и соотношение цен с 1925—26 г. возможно не изменится существенно сразу после 1 января, то только благодаря уменьшению хлебных цен платежеспособный спрос крестьянства будет миллионов на 100 меньше того, который был бы при сохранении цен 1925—26 г. Увеличение цен на некоторые технические культуры вряд ли может изменить существенно это положение, т. к. уменьшилась посевная площадь, либо товарный выход ряда культур, как масличные семена, лен, сахарная свекла.

Таким образом, уменьшение покупательной способности крестьянства на 100 милл. руб. в год от снижения с.-х. цен при росте промышленных цен в рознице *есть рост диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, а не ослабление товарного голода.*

Но мог ли товарный голод уменьшиться от изменения в размерах уже достигнутого раньше платежеспособного спроса города? Так же нет, как и от сокращения платежеспособного деревенского спроса. Если бы у нас, допустим, понизилась зарплата, а вследствие этого сократился рабочий спрос на промтовары, то это надо бы назвать сокращением зарплаты, а не смягчением товарного голода.

Между прочим, при учете спроса рабочего класса пора бы принять во внимание рост потребления водки и роль этого расхода в бюджете рабочего класса. В 1924—25 г. город, т.-е. главным образом рабочие и служащие, потребил 70% всей водки, деревня—30%. В 1925—26 г. город—49%, деревня—51%, а при включении в первую цифру всех фабричных поселков вне городов, на город придется больше. Если принять, что 70% всей водки, выпитой в городах, потреблено рабочими, то при 440 милл. рублей, вырученных от продажи водки (из них акциз 301 милл.), на рабочих падет 154 милл. на 2.630 милл. рублей зарплаты или около 6%. Около половины всего повышения реальной

зарплаты за 1925—26 г. было с'едено водочным налогом [1]). А в 1926—27 г. продажа водки и доход от водки ожидается значительно больше, чем в 1925—26 г., а именно до 500 милл. рублей. Надо думать, что население за первый квартал уже заплатило водочный налог в увеличенном против соответствующего квартала прошлого года размере и тем уменьшило свои покупательные ресурсы для других товаров.

Обратимся теперь к другой стороне медали, к предложению промтоваров. Изменения в ситуации могут ведь итти с этого конца в двух направлениях: в смысле роста производства и увеличения предложения промтоваров при тех же ценах, т.-е. в направлении действительного смягчения товарного голода, или в смысле роста цен на промтовары, т.-е. по линии усиления диспропорции и маскирования товарного голода при помощи высоких цен. Иными словами, если на каждые сто рублей платежеспособного спроса мы будем иметь по тем же ценам предложение 100 вместо прежних 95, мы будем иметь рассасывание товарного голода. Если же на 100 руб. спроса мы будем давать прежнее количество товаров, но вместо 95 рублей, стоящих теперь благодаря росту цен, скажем, 102—103, то мы будем иметь загоняние товарного голода внутрь, усиление диспропорции лишь с изменением ее ценностного выражения.

Как же фактически обстоит здесь дело по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года и по сравнению с расчетами Госплана, исходившего из неизменности цен?

Согласно данным Кон'юнктурного Института Наркомфина розничный индекс по СССР по промтоварам в частной торговле в последнем квартале 1925 г. равнялся 2,24, и за год 2,29, а в 1926 г. за последний квартал 2,63, а за 1925—26 г.—2,57. Это значит, попросту говоря, что за данное количество товаров, за которое в конце 1925 года потребитель платил 2 копейки в среднем, в аналогичные месяцы 1926 г. он платил 2,63 к., т.-е. на 39 копеек или на 17% выше. Индекс статистики труда дает увеличение цен за это время на 14%. В декабре же положение не улучшилось. По Москве, например, стоимость бюджетного набора возросла, на Украине повышение цен за декабрь с'ело все, что было достигнуто кампанией за снижение цен. Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было. Если принять во внимание, что количество промышленной продукции, которая должна быть выброшена на рынок в этом году, составляет около 7½ миллиардов, а на квартал несколько менее 2 миллиардов, то одно только повышение цен в одном только квартале должно с'есть в сравнении с соответствующим кварталом прошлого года по одному только частному сектору торговли до 100 милл. платежеспособного спроса при том же количестве покупаемых товаров, которое намечено по плану. Сокращение спроса по этой причине на языке экономически грамотных людей называется последствием роста цен, а не смягчением товарного голода.

Рассчитайте теперь эти переплаты потребителей на росте цен не только по частному сектору, но по всей розничной торговле плюс недовыручку крестьянства по хлебу в сравнении с наметкой Госплана, исходившей из одинаковых заготовительных цен в сравнении с 1925 г., разделите цифру предполагавшегося Госпланом дефицита в 500 милл. руб. на один квартал, учтите увеличение акцизов в этом году и скажите, где же преувеличение товарного голода и не является ли цифра Гос-

[1]) В 1924—5 г. реальная зарплата равнялась 82,6% от довоенной в 1925—26 г.—91,3%.

на товарном рынке и некоторое ослабление товарного спроса есть результат большего увеличения предложения промтоваров, а значит неожиданно большего прироста их выработки?

Разберемся.

Обратимся сначала к вопросу о движении платежеспособного спроса. Наметка Госплана о размерах товарного голода, как мы сказали, исходила из предположения о стабильности цен по сравнению с 1925—26 годом. Как же обстояло дело с ценами на сельскохозяйственные продукты?

Цены на все зерновые хлеба, по сравнению со средне-взвешенными ценами по СССР за соответственные месяцы прошлого года, резко понизились. Например, заготовительная цена пшеницы за октябрь—ноябрь в копейках за центнер была:

1925—6 г.	октябрь	ноябрь
Пшеница . . .	726	748
1926—7 г.		
Пшеница . . .	624	614

Иными словами, в месяцы наибольших заготовок пшеница продавалась на 20 коп. с пуда дешевле, чем в прошлом году. Такая же картина по другим хлебам; лишь по ржи понижение цен менее значительно.

В результате только по одной пшенице, которой к 1 января заготовлено 243,6 милл. пудов, крестьянство недополучило около 50 милл. рублей. А по всем хлебам эта цифра будет около 70 милл. рублей. Так как предстоит заготовить еще не менее 250—300 милл. пудов и соотношение цен с 1925—26 г. возможно не изменится существенно сразу после 1 января, то только благодаря уменьшению хлебных цен платежеспособный спрос крестьянства будет миллионов на 100 меньше того, который был бы при сохранении цен 1925—26 г. Увеличение цен на некоторые технические культуры вряд ли может изменить существенно это положение, т. к. уменьшилась посевная площадь, либо товарный выход ряда культур, как масличные семена, лен, сахарная свекла.

Таким образом, уменьшение покупательной способности крестьянства на 100 милл. руб. в год от снижения с.-х. цен при росте промышленных цен в рознице *есть рост диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, а не ослабление товарного голода.*

Но мог ли товарный голод уменьшиться от изменения в размерах уже достигнутого раньше платежеспособного спроса города? Так же нет, как и от сокращения платежеспособного деревенского спроса. Если бы у нас, допустим, понизилась зарплата, а вследствие этого сократился рабочий спрос на промтовары, то это надо бы назвать сокращением зарплаты, а не смягчением товарного голода.

Между прочим, при учете спроса рабочего класса пора бы принять во внимание рост потребления водки и роль этого расхода в бюджете рабочего класса. В 1924—25 г. город, т.-е. главным образом рабочие и служащие, потребил 70% всей водки, деревня—30%. В 1925—26 г. город—49%, деревня—51%, а при включении в первую цифру всех фабричных поселков вне городов, на город придется больше. Если принять, что 70% всей водки, выпитой в городах, потреблено рабочими, то при 440 милл. рублей, вырученных от продажи водки (из них акциз 301 милл.), на рабочих падет 154 милл. на 2.630 милл. рублей зарплаты или около 6%. Около половины всего повышения реальной

зарплаты за 1925—26 г. было с'едено водочным налогом [1]). А в 1926—27 г. продажа водки и доход от водки ожидается значительно больше, чем в 1925—26 г., а именно до 500 милл. рублей. Надо думать, что население за первый квартал уже заплатило водочный налог в увеличенном против соответствующего квартала прошлого года размере и тем уменьшило свои покупательные ресурсы для других товаров.

Обратимся теперь к другой стороне медали, к предложению промтоваров. Изменения в ситуации могут ведь итти с этого конца в двух направлениях: в смысле роста производства и увеличения предложения промтоваров при тех же ценах, т.-е. в направлении действительного смягчения товарного голода, или в смысле роста цен на промтовары, т.-е. по линии усиления диспропорции и маскирования товарного голода при помощи высоких цен. Иными словами, если на каждые сто рублей платежеспособного спроса мы будем иметь по тем же ценам предложение 100 вместо прежних 95, мы будем иметь рассасывание товарного голода. Если же на 100 руб. спроса мы будем давать прежнее количество товаров, но вместо 95 рублей, стоящих теперь благодаря росту цен, скажем, 102—103, то мы будем иметь загоняние товарного голода внутрь, усиление диспропорции лишь с изменением ее ценностного выражения.

Как же фактически обстоит здесь дело по сравнению с аналогичными месяцами прошлого года и по сравнению с расчетами Госплана, исходившего из неизменности цен?

Согласно данным Кон'юнктурного Института Наркомфина розничный индекс по СССР по промтоварам в частной торговле в последнем квартале 1925 г. равнялся 2,24, и за год 2,29, а в 1926 г. за последний квартал 2,63, а за 1925—26 г.—2,57. Это значит, попросту говоря, что за данное количество товаров, за которое в конце 1925 года потребитель платил 2 копейки в среднем, в аналогичные месяцы 1926 г. он платил 2,63 к., т.-е. на 39 копеек или на 17% выше. Индекс статистики труда дает увеличение цен за это время на 14%. В декабре же положение не улучшилось. По Москве, например, стоимость бюджетного набора возросла, на Украине повышение цен за декабрь с'ело все, что было достигнуто кампанией за снижение цен. Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было. Если принять во внимание, что количество промышленной продукции, которая должна быть выброшена на рынок в этом году, составляет около 7½ миллиардов, а на квартал несколько менее 2 миллиардов, то одно только повышение цен в одном только квартале должно с'есть в сравнении с соответствующим кварталом прошлого года по одному только частному сектору торговли до 100 милл. платежеспособного спроса при том же количестве покупаемых товаров, которое намечено по плану. Сокращение спроса по этой причине на языке экономически грамотных людей называется последствием роста цен, а не смягчением товарного голода.

Рассчитайте теперь эти переплаты потребителей на росте цен не только по частному сектору, но по всей розничной торговле плюс недовыручку крестьянства по хлебу в сравнении с наметкой Госплана, исходившей из одинаковых заготовительных цен в сравнении с 1925 г., разделите цифру предполагавшегося Госпланом дефицита в 500 милл. руб. на один квартал, учтите увеличение акцизов в этом году и скажите, где же преувеличение товарного голода и не является ли цифра Гос-

[1]) В 1924—5 г. реальная зарплата равнялась 82,6% от довоенной в 1925—26 г.—91,3%.

плана скорее слишком скромной. Правда, в этом году общий выход продукции промышленности предполагается больше в сравнении с ожиданиями Госплана, и это увеличение даст действительные ресурсы для уменьшения товарного голода. Здесь недоучет в цифрах есть, повидимому, факт. Но влияние этого увеличенного в сравнении с планом выхода промтоваров на рынок есть «музыка будущего». В этом квартале на *широком потребительском рынке* увеличение, например, продукции топливной промышленности не могло заметно сказаться, а увеличение продукции по другим отраслям; например, по текстильной, скажется после. Между тем ряд товарищей уже по отношению к истекшему кварталу заявляли и заявляют о «смягчении товарного голода», выдавая за смягчение голода рост цен, сокращение платежеспособного спроса вследствие падения хлебных цен, рост водочного налога, рост акцизного обложения и связанное со всем этим некоторое ослабление товарного спроса. При этом забывается часто, что на известном уровне роста цен при данных размерах потребности в товарах начинается воздержание от покупок еще до исчерпания платежеспособного спроса. Конкретно: если при данных ценах 100 единиц платежеспособного спроса поглощают 100 единиц товара, то если цены стоят на недоступной для потребителей грани—повышение цен с 100 до 105 даст возможность реализовать до 90 единиц товара и 10 единиц спроса останутся неиспользованными. Обратная картина часто наблюдается при падении цен. Наконец, сторонникам того взгляда, что мы переживаем смягчение товарного голода, каждый потребитель может задать естественный вопрос: если у нас смягчение товарного голода, почему же у нас розничные цены не только не падают, а даже возросли несколько за последний месяц? В чем тут дело?

А дело здесь в том, что мы имеем не ослабление товарного голода, а загоняние его внутрь хозяйственного организма, мы имеем лишь переход одной формы кризисного состояния в другую. Мы имеем пока не смягчение товарного голода, а обострение диспропорции между промышленностью и земледелием, рост несоответствия между увеличившимися розничными ценами на промтовары и падением заготовительных цен на хлеб, лишь переход кризиса в новую фазу: хозяйственный организм стихийно начнет выправлять несоответствие рвотой от высоких цен и конвульсивным сжатием спроса, сокращая в сфере частного хозяйства производство культур, ставших с точки зрения трудовых затрат невыгодными в данных условиях рынка. Первым предвестником этого является сокращение или приостановка роста технических культур. Здесь заявляет о себе закон ценности, стихийный результат товарного хозяйства, конкурирующий с нашим плановым началом в области установления пропорции в хозяйственной системе. Наиболее важная часть крестьянского хозяйства, наиболее тесно связанная с нашей промышленностью и питающая ее сырьем, находится под угрозой приостановки развития. *Что же касается сферы спроса и предложения промтоваров, то мы идем здесь, повидимому, навстречу положению, аналогичному осени 1923 г. Только теперь центр тяжести лежит прежде всего в оптово-розничных ножницах.* Понижение розничных цен есть центральная проблема, решение которой может хотя бы отчасти восстановить относительное равновесие в хозяйстве. Но в том-то и дело, что это орех гораздо более крепкий, чем многие себе представляли и представляют. Кампания за понижение розничных цен путем внешнего административного нажима на кооперацию в общем не удалась, если не считать того положительного результата от нее, что она задержала возможность еще большего повышения цен в связи с общим осенним оживлением тор-

говли. *Торговый аппарат хозяйства страны, не только частный, но даже кооперативный, пока ускользает от планового руководства государства.* Надо, во-первых, признать этот факт и, во-вторых, его понять для того, чтобы с надеждой на успех решить вопрос о том, какие практические меры нужно принять для снижения цен.

Наш товаропроводящий аппарат громоздок, неуклюж, «перенаселен», в результате разбухания при стихийном росте предыдущего периода, работает плохо, обходится невероятно дорого.

Кроме того, в предыдущий период торговые накидки включали в себя процент на создание собственного оборотного капитала.

Наш торговый аппарат изнежен и избалован с самого рождения тем, что развивался в развращающей обстановке товарного голода, отнюдь не способствующей рациональной постановке торгового дела. У нас по отношению к ряду товаров, особенно недостаточных, не было даже торговли в собственном смысле, а распределение со всякими накидками между голодными потребителями, бравшими все нарасхват. Где здесь достаточно сильный стимул к минимальным накидкам, к рационализации аппарата, к борьбе с накладными расходами? Самой лучшей палкой, которая воспитывает торговый аппарат в духе сокращения расходов обращения, есть достаточное насыщение рынка товарами, принуждающее искать покупателей, а не распределение полунаркомпродовского типа. Поэтому остается в силе и для теперешнего периода та истина, что самым верным средством к уменьшению оптово-розничных ножниц является *расширение производства недостаточных товаров*. Ничто не заменит этого основного фактора рационализации торговли. Все другие средства могут лишь несколько выправить ситуацию, но никогда не сведут расходов торгового аппарата хотя бы к довоенным. Другой мотив. Опыт снижения торговых расходов в кооперации показал, что легче всего это снижение достигается путем роста оборотов, путем роста нагрузки аппарата, а не путем его физического сжатия[1]). И здесь выход в увеличении товарных масс на рынке, и в том числе товарных масс, проходящих через кооперативный оборот.

Наконец, только насыщение рынка может серьезно ударить по накоплению частного капитала. Частный капитал, который сам себе не враг, дерет сейчас с потребителя, во-первых, все то, что берет с него кооперация, во-вторых, имеет добавочные накидки и, в-третьих, использует еще тот факт, что при большей его изворотливости торговые расходы у него меньше, чем в кооперации. Только при насыщении и даже некотором перенасыщении рынка частный капитал, при его большей подвижности, вынужден будет, чтобы не остаться без покупателей, снизить свои цены.

Подводя итоги наших усилий по снижению розничных цен за несколько лет, мы должны притти к выводу, что решить эту проблему нам не удалось. Тов. Бухарин на Московской конференции партии подчеркнул уже тот факт, что оптовые цены нашей государственной промышленности мы снизили на 36%, тогда как розничные цены за это время снизились всего на 3%. Я еще вернусь к этому грустному итогу ниже, в связи с вопросом об отпускных ценах трестов. В данном же случае приходится лишь признать факт.

Почему мы потерпели неудачу в деле снижения розничных цен? Прежде всего, конечно, потому, что государству в деле борьбы за сни-

[1]) Я не хочу сказать этим, что физическое сжатие не нужно или невозможно, а лишь то, что оно встречает сильнейшее сопротивление.

жение цен в товарном обороте приходилось итти против стихии, против закона спроса и предложения, против того «задержанного рефлекса» закона ценности» в нашем хозяйстве, который приводит к повышению цен без соответственного стихийного перелива труда и средств производства в области производства дефицитных товаров. На этом участке физические силы нашего регулирования, если можно так выразиться, сказались значительно слабее, чем в секторе национализированной промышленности. Несмотря на охват через госторговлю и кооперацию двух третей товарного оборота, стихийные законы рынка пересилили плановое регулирование и на этих двух третях государственной либо подконтрольной государству территории. Если мы хотим взять грубо итог нашего регулирования торговли за время нэпа, то перед нами выплывут две основные цифры: сравнение довоенных накидок со средней торговой накидкой кооперации и частников, во-первых, и сравнение кооперативных накидок с накидками частного капитала, во-вторых. Довоенные накидки равнялись около 20%, теперешние накидки в частной торговле более 50%, в кооперативной процентов на 15—20 меньше, но точных данных, взвешенных данных, по всему вывозу у нас нет. Если взять довоенные накидки торгового аппарата и среднюю накидок по всем видам торговли у нас, то здесь итог регулирования торговли пока целиком против нас [1]). Наоборот, в госторговле и кооперации цены дешевле, чем в секторе частной торговли, примерно, в таком соотношении: то количество товаров, за которое до войны платили 100 коп., в частной торговле в рознице стоит 265, а в кооперативной 225—230, т.-е. на 18% дешевле (эти цифры по кооперации требуют проверки). Здесь регулирование дает положительный результат.

Как же уменьшить торговые расходы кооперации, госторговли и частников?

Что касается последних, то до преодоления товарного голода и до охвата кооперативным оборотом сбыта кустарной промышленности, здесь трудно достигнуть серьезных результатов, хотя все возможное должно быть сделано. Что же касается госторговли и кооперации, то снижение розничных цен в них является делом совершенно неотложным. Все наше хозяйство и его развитие упирается на данном отрезке времени главным образом в проблему оптово-розничных ножниц и тем берет под обстрел нашу систему обмена.

Насколько же и насчет чего можно сократить торговые накидки кооперации и госторговли?

Что касается вопроса: можно ли?—надо ответить «да». Цены взвинчены настолько, что мы можем иметь скоро затоваривание при товарном голоде и частичные забастовки покупателей, желающих покупать, но не могущих или не желающих покупать по данным ценам (не надо забывать и классового состава наших покупателей—вопрос недостаточно, к сожалению, изученный, как и вся динамика массового спроса и потребления в советских условиях). Здесь государство, имевшее против себя в деле снижения цен стихию рынка, будет иметь до известного момента эту стихию за себя. В обстановке затоваривания под давлением покупателей и под давлением государства торговый аппарат должен будет поддаться: выжать от него снижение накидок на известный процент теперь будет возможно.

[1]) За 1925—26 г. общая сумма всех накидок всей торговой сети равнялась 4,7 миллиарда рублей и на 1926—27 г. предположена Госпланом в 5 миллиардов. Так как цены в рознице выше прошлогодних, то накидка этого года будет, несомненно, значительно выше 5 миллиардов. Вот на что надо нажимать!

Но на какой процент? На чем можно будет урезать накидки? Дело может итти лишь о сжатии так называемых «зависящих» накидных расходов.

Кооперация и госторговля имеют прибыли. Сами они уверяют, что около 120 милл. На деле, вероятно, значительно больше. *Надо положить за правило, что ни кооперация, ни госторговля не должны в ближайшие годы, по крайней мере, иметь прибылей в период повышения или стабилизации розничных цен.* Большая, подумаешь, заслуга иметь прибыль при теперешних накидках, которые с точки зрения накидок в хорошо организованной капиталистической торговле Европы являются прямо сказочными или, вернее сказать, сверхскандальными. Говорят: да ведь прибыли-то маленькие, всего 120 милл. Но ведь это доказательство именно бесхозяйственности, если при теперешних накидках прибыли так малы. Хотя часть прибыли кооперации и идет пайщикам, следовало бы вообще высказаться за недопустимость прибылей в период увеличения или стабилизации цен и ставить рекорды образцовой работы в деле снижения цен в сравнении с другими кооперативами, а не в графе прибылей.

Во-вторых, теперешние цены включают увеличение оборотного капитала госкооперативной торговли. Если это было естественно в первые годы торговли, когда госторговля и кооперация были выпущены на вольный рынок торговать без рубашки и должны были обрастать оборотным капиталом на ходу, то теперь «калькулировать» с расчетом увеличить капитал является уже недопустимым. Надо увеличивать быстроту оборота уже накопленного капитала плюс кредит.

Третий возможный и, пожалуй, наиболее надежный источник сокращения накидок—увеличение оборота на тот же аппарат торговли. Если разбухание нашего торгового аппарата будет приостановлено, рост торгового оборота будет автоматически уменьшать торговые расходы в их отношении к обороту.

Затем надо подумать, где нужно, о сжатии уже теперешнего аппарата госторговли и кооперации. По-настоящему здесь еще как следует не рационализировали дела. На тот же оборот частная торговля занимает меньше людей и меньше тратит на рабсилу не только потому, что у нас лучше поставлена охрана труда, отчетность и контроль (отчетность и контроль, впрочем, не всегда абсолютное благо, а часто дорого стоящие бюрократические наросты), но и потому, что *у нас хуже поставлено использование рабочей силы и не найдены свойственные коллективной системе стимулы, заменяющие положительные стороны буржуазной конкуренции* [1]). Не надо забывать, что крупная кооперативная торговля, на ряду с выгодами всякого крупного производства имеет ту невыгоду, что балансами удовлетворительно работающих предприятий она спасает банкротов, ничем не заменяя положительную сторону всякого банкротства, поскольку банкротство выводит из строя гнилые организмы. Если в буржуазной торговле конкуренция механически выбрасывает гниль, то у нас гниль делается спутником самого механизма, во всяком случае пока мы не овладели новой системой обмена с ее особенностями.

[1]) У нас еще не все отдают себе отчет в том, что наши упорные неудачи в деле снижения розничных цен в числе прочих причин связаны с организационным кризисом советской системы обмена, а этот кризис, это неуменье «культурно торговать» (о чем говорил т. Ленин) связано с проблемой нашего общего культурного развития. Против причин такого рода никакие ударные кампании нам не помогут, т. к., по выражению Ленина, здесь нужна «культурная революция».

Наконец, не мешало бы подумать, нельзя ли на ближайшие год, два перебросить часть затрат труда с кооперации и госторговли, труда слишком дорогого, на самого потребителя. Время не принадлежит, к несчастью, у нас пока ни к числу дорогих, ни к числу дефицитных товаров. Нельзя ли вместо приближения товара к потребителю несколько усилить приближение потребителя к товару? Короче: нельзя ли ликвидировать те предприятия госкооперативной сети, которые не нагружены до известного минимума оборота на рабочую силу. И само собой, надо категорически приостановить расширение сети там, где нет возможности полностью загрузить аппарат.

Вот ресурсы для снижения розничных цен в кооперации и госторговле. Что это может дать? При 3.808 милл. руб. кооперативного оборота за истекший год и значительно большем в 1926—27 г., в развращающей обстановке товарного голода, но в момент угрожающего торгового затора, это может дать снижение цен на 6—7%, т.-е. главным образом ликвидировать рост цен последнего года. Это было бы для данного года существенным успехом.

Теперь остается сказать о возможности снижения оптовых цен для стимулирования снижения розничных. Я считаю, что расстрелять эти патроны мы всегда сумеем. Все дело в том, чтобы дошло до потребителя. Иначе сотни миллионов рублей, предназначенные для улучшения положения потребителей, будут перехвачены торговой сетью. За истекшие три года снижение отпускных цен в общем и целом до потребителей почти не дошло. Это может повториться и в этом году. Между тем снижение отпускных цен только на ту часть промышленной продукции, которая идет в деревню и городским потребителям, и только на 3—4%, составит огромную сумму—минимум полторы сотни миллионов рублей, которая будет означать прямой вычет из фонда расширения промышленности. *А так как расширение и техническое переоборудование промышленности есть основной фактор удешевления цен*, то ради временного эффекта на рынке, который к тому же легко может быть с'еден торговым аппаратом, будет задержан процесс действительного смягчения товарного голода, действительного и прочного изменения рыночной кон'юнктуры в пользу потребителя [1]). Несомненно, в некоторых отраслях госпромышленности снижение отпускных цен возможно и необходимо, особенно в создавшихся теперь условиях на рынке. Задача состоит в том, чтобы, избегая всякого огульного снижения цен провести его в такой момент, когда это снижение целиком и полностью дойдет до потребителя, и когда будут гарантии, что из торговой сети выжато все, что возможно для уменьшения розничных цен. Надо, однако, опасаться, чтобы в случае наступления торгового кризиса не началось огульное и паническое снижение отпускных цен. Это ударит по промышленности, это даст возможность торговому аппарату сложить на промышленность часть последствий того кризиса, вызванного вздутием розничных цен, в котором промышленность никак не виновата. Наконец и из деревенских покупателей этими жертвами со стороны пролетарской промышленности скорее воспользуются не те слои, которые нас интересуют. *Бедняк и середняк, продавшие по сниженным ценам излишки своего хлеба до 1-го января, покупали промышленную продукцию по вздутым розничным ценам. А кулаки и зажиточные, придержавшие его в ожидании весеннего роста цен, продавая хлеб дороже, будут покупать промтовары по сниженным ценам.* В интересах бедняцко-середняцкого покупателя мы заинтересованы в другом сезоне для снижения цен, в лете и особенно в осени, когда эти слои скорее всего способны покупать. Между тем в истекшем году снижение цен именно в этот сезон надо признать неудавшимся.

1) В частности, было бы величайшим головотяпством с нашей стороны, если б мы не использовали полностью исключительно благоприятного положения на мировом хлопковом рынке и не сделали в этом году мануфактуру достаточным товаром. Так как развертывание текстильной промышленности встречает препятствие и со стороны оборудования, необходимо немедленно обеспечить ей импорт нового оборудования. Намеченное уже увеличение производства в текстильной промышленности явно недостаточно.

В настоящей статье я не вношу никаких систематизированных конкретных предложений. Я лишь хочу побудить товарищей к обсуждению экономической ситуации раньше, чем заминка в торговле наступит. Если мы правильно разберемся в том, что происходит в нашем хозяйстве теперь, в начале 1927 г., нам легче будет наметить все практические меры, которые надо будет принять в сфере экономической политики государства.

P. S. Настоящая статья была уже написана и послана в редакцию «Правды», когда мне передали, что на последнем пленуме ЦК некоторые из выступавших товарищей называли мою книгу «Новая Экономика» «евангелием оппозиции», теоретически обосновывающим политику повышения цен. Я должен напомнить читателям, что по вопросу о политике цен моя книга защищает в качестве программного следующий тезис, правильность которого была достаточно доказана нашим хозяйственным опытом: «Правильная политика цен на продукцию государственной промышленности должна преследовать следующие три цели: накопление для расширенного воспроизводства и для технического переоборудования промышленности, повышение заработной платы, понижение цен» («Новая Экономика», 1-е изд., стр. 237, 2-е изд. стр. 276). Кроме того, замечу раз навсегда, что за мою книгу несу ответственность в качестве автора я один, никаким символом веры оппозиции она не является. Как известно, взгляды оппозиции на политику цен изложены в нескольких официальных документах и выступлениях, например, в заявлениях на июльском пленуме ЦК в 1926 г., на XV партконференции, на VII расширенном пленуме ИККИ.

Е. П.

И. Смилга.

На экономические темы.

«Контрольные цифры» Госплана на 1926/27 год, составленные при моем участии, подвергались и продолжают подвергаться жестоким нападкам со стороны ряда лиц. Той же участи подвергаются и взгляды тех товарищей, которые примыкают к оппозиции. В последнее время эти нападки приняли настолько необоснованный и развязный характер, что создалась прямая необходимость выступить в печати с разбором утверждений наших оппонентов. В противном случае, неизбежно получится резко тенденциозное и одностороннее освещение спорных вопросов. Спорные же вопросы имеют исключительно важное значение. Речь идет о самом *существенном* в нашей экономике. Следует отметить, что главные оппоненты по интересующим нас в данный момент вопросам (тт. Микоян и Бухарин) воодушевлены самыми правоверными взглядами на *смычку*, на *политику цен* и т. д. Так как оба названных товарища помимо литературных своих трудов занимают еще весьма ответственные посты в партии и хозяйственном руководстве страной, то весьма интересно проследить, насколько слова и дела этих весьма официозных товарищей совпадают. Дурак, кто верит на слово. Это мудрое правило приобретает особое значение в настоящее время. Мы будем говорить о *фактах* и их посильно об'яснять. В настоящей статье мы остановимся на итогах первого квартала текущего года в области цен и хлебозаготовок.

Смычка и политика цен. Смычка с крестьянством на языке экономической политики означает и на ряд лет будет означать такую политику цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, которая вела бы к возможному уменьшению так называемых «ножниц». Конкретно говоря, это означает политику снижения цен на промтовары и ведение такой политики цен на хлеб и другие продукты деревни, которая обеспечивала бы рост сельского хозяйства. Это—генеральная линия партии, подтвержденная рядом постановлений. Такая политика может успешно проводиться при развивающемся хозяйстве и правильном руководстве. Для всякого ясно, что при проведении этой политики будут неизбежно встречаться значительные трудности, что временные успехи могут быть менее значительными и так далее. Но совершенно недопустимо, чтобы политика цен строилась *вразрез* с этой основной линией партии. В этом случае полные политического и экономического значения слова о «смычке» превращаются в жалкое лицемерие.

Обратимся к фактам, которые гораздо об'ективнее целого ряда их нынешних тенденциозных комментаторов. Если взять соотношение цен между хлебо-фуражной группой сельскохозяйственных товаров по *отпускным ценам* государственных и кооперативных заготовителей и розничным индексом промышленных товаров, то эволюция «ножниц» рисуется в следующем виде:

1/XII 1924 г.	1,53
1/XII 1925 г.	1,58 (незначительный шаг вперед)
1/XII 1926 г.	1,58 (огромное ухудшение).

Так как *заготовительные цены* на зерно-фураж еще ниже, а регистрация розничных цен на промтовары не выходит за пределы уездных городов, то действительная картина еще хуже[1]). Почему надо брать именно эти сопоставления, а не сравнение просто «ножниц», по оптовому и розничному индексам? Потому что эти сопоставления находятся ближе всего к действительному положению на рынке. Крестьянин покупает промышленные товары по розничным ценам, а продает свои продукты по заготовительным ценам. Сравнение оптового индекса на сельскохозяйственные товары и розничного индекса промтоваров дает следующую картину:

1/X –1925 г.	153
1/X—1926 г.	163

Эти данные говорят о значительном раздвижении ножниц. Мы обращаем на этот факт самое серьезное внимание. Мы усматриваем в нем *шаг назад* по сравнению с тем, что было. Перед нами не случайное повышение или понижение цен какой-нибудь группы товаров. Ножницы раздвигаются как за счет *понижения* цен на сельскохозяйственные продукты, так и за счет *повышения* цен на промышленные товары.

Но, может быть, об'ективная обстановка стихийно сложилась так, что другого выхода не оставалось, как итти на раздвижение ножниц. Против рожна не попрешь. Но дело, по всей видимости, обстоит не так. По компетентному заявлению тов. Микояна регулирующая роль Наркомторга настолько усилилась, что можно уже говорить о некоей новой высшей фазе нэпа, в которой рыночная стихийность уже в значительной степени замещена регулирующей волей. При чем будто бы наибольшие успехи в этом отношении достигнуты именно на хлебном рынке. Следовательно, перед нами последствия сознательно регулирующей воли. Так и запишем.

Очень интересно, однако, узнать в силу каких решений проводится эта политика раздвижения ножниц? Осенью 1926 г. при обсуждении «Контрольных цифр» фигурировали два возможных варианта политики цен. Один исходил при расчетах из среднего индекса за 1925/26 г. другой исходил из некоторого понижения общего уровня цен. Оба варианта исходили из стабильного раствора ножниц. Первый вариант был *отвергнут*, как слишком «пессимистический». На деле же, как мы видели, получилось совсем другое. Общий уровень розничных цен *повысился* при огромном, к тому же, раздвижении ножниц. Одна из центральных народнохозяйственных идей «Контрольных цифр» оказалась отвергнутой: «пессимисты» оказались чрезмерными оптимистами.

Мораль сей басни очень проста: смычка достигается не благонамеренными речами и добродетельными причитываниями, а реальными и разумными мерами экономической политики. При таком несовпадении фактов с теорией невольно возникает «неверие» в широковещательные заявления и «пессимизм» по отношению к кое-какому «регулированию».

Как обстоят дела с ценами вообще? Можно было ожидать, что после «блистательной» победы над оппозиционными супостатами, которых на всех перекрестках обвиняли в стремлении повышать цены, начнется полоса снижения цен. Должен сказать, что никто никогда не говорил о повышении розничных цен, тех цен, по которым покупает потребитель.

[1]) Ножницы между розничными ценами промтоваров и заготовительными ценами с.-х. продуктов по индексу Наркомторга дают следующую картину:

	1925 г.	1926 г.
Октябрь	1,97	2,27
Ноябрь	2,03	2,37
Декабрь	1,94	2,38

Обсуждались методы привлечения в промышленность наибольшей доли из оптово-розничных ножниц. По вопросу о генеральной линии партии на *снижение цен* никаких разногласий не было. Сколько, однако, чернил, бумаги и ораторского искусства было изведено для об'яснения населению преимущества низких цен и козней оппозиции. Интересно проследить *факты* и в этой области. Они не менее интересны, чем по вопросу о ножницах. Следующие данные дают представление об этом вопросе.

Даты.	Промтовары	
	Оптовый индекс Госплана	Розничный индекс Кон. Ин-та.
1/X—1925 г.	192	239
1/X—1926 г.	204	264
1/I—1927 г.	203	270 [1])

Стоимость бюджетных наборов по СССР с 1-го января 1926 г. по 1-е января 1927 г. заметно возросла по всем городам.

Повышение стоимости бюджетных наборов за 1926 г.

(По данным ВЦСПС).

Города.	1 янв. 1926 г.		1 янв. 1927 г.	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
Москва	20	09	21	89
Ленинград	19	94	23	28
Ярославль	16	72	18	25
Самара	15	38	17	62
Саратов	16	83	20	24
Сталинград	16	11	18	66
Тамбов	17	70	18	65
Орел	17	61	18	09
Тула	18	39	18	87
Елец	14	92	16	44
Псков	16	49	16	71
Ив.-Вознесенск	18	80	20	96
Шуя	18	37	19	31
Курск	16	51	17	92
Махач-Кала	18	14	18	99
Архангельск	16	13	17	90
Усть-Сысольск	16	92	19	05
Киев	17	74	18	38
Житомир	14	81	15	01
Одесса	17	21	18	57
Томск	12	63	13	38
Новосибирск	13	77	14	70
Омск	15	62	16	12
Барнаул	13	13	13	38
Красноярск.	12	82	13	41

[1]) Все индексы страдают значительной неточностью. Напр., розничный индекс не учитывает кооперативных цен, которые несколько ниже цен частного рынка Индексы могут ориентировать нас только в *тенденциях*.

Цены действительно резко упали на хлеб. Но читатель увидит из дальнейшего, что это понижение до основных потребительских рынков *не дошло*.

Следовательно, и здесь факты жизни сурово посмеялись над обывательской шумихой. Для уяснения действительной обстановки необходимо разобраться в следующих элементарных вещах. Немедленно после проведения денежной реформы 1924 г., которая сняла, в первую очередь, с крестьянства значительный эмиссионный налог, и вслед за первыми успехами в борьбе с ножницами в стране обозначился товарный голод. Резкий отрыв розничных цен от оптовых осенью 1924 г. явился показателем того, что наличное предложение товаров не может удовлетворить пред'являемый к ним платежеспособный спрос. Создались своеобразные оптово-розничные ножницы, раствор лезвий которых весьма раздвинулся. Рост оптово-розничных ножниц отражал, с одной стороны, товарный голод (кон'юнктурную прибыль), с другой—размеры обложения торгового оборота и его накладные расходы. Обстановка неудовлетворенного спроса, создавая чрезвычайно благоприятные условия для развертывания промышленности, создавала ряд затруднений для дальнейшего снижения отпускных цен на промышленные товары. В самом деле, если снижение цен не может быть доведено до потребителя, то эффект для него от этого снижения пропадает. Такое снижение в обстановке резкого товарного голода неизбежно приводило к развращению торгового аппарата высокими накидками и к наживе частного торговца, который продолжает играть в торговле до самого последнего времени *весьма значительную роль*. В связи со сказанным темп снижения отпускных оптовых цен на промтовары с осени 1924 г. уменьшается, а с весны 1926 г. после перехода в ряде отраслей промышленности на так называемый облегченный ассортимент (ухудшение качества) фактически они значительно *повышаются*. Я не имею возможности установить коэффициент повышения индекса отпускных цен по этой причине, но определенная накидка на все индексы промтоваров в сторону их понижения должна быть сделана.

Помимо товарного голода, полное использование оборудования, прилив необученной рабочей силы на фабрики и заводы, повышение цен по некоторым видам сырья, высокие накладные расходы и т. д. привели не только к *приостановке процесса снижения себестоимости*, но к перелому в сторону ее повышения. Это грозное обстоятельство с полной очевидностью наметилось в 1926 г. и неизвестно будет ли оно ликвидировано в текущем году. Так обстоит дело с оптовыми ценами. Определенному режиму отпускных цен соответствует определенная сумма на капитальные затраты. Одно обусловлено другим. Режим экономии и сокращение расходов могут дать, может быть, и довольно значительные по своим абсолютным размерам суммы, но *существенно* изменить картину они не в состоянии. Этим, разумеется, ни в малой степени не умаляется значение борьбы за режим экономии и сокращение расходов. Только возможным результатам этой борьбы отводится подобающее место. Сводить же проблему оптовых цен только к шумихе о сокращении расходов и к «воле к снижению» совершенно бессмысленно. Режимом экономии нельзя прикрывать центральную народнохозяйственную проблему.

Существенно иначе обстоит дело с розничными ценами. Во-первых, они в большей степени зависят от закона спроса и предложения (рынка), чем оптовые цены. Во-вторых, на розничную накидку влияет целый ряд весьма специфических условий.

Регулирование розничного рынка представляет поэтому ряд значительных трудностей. Единственным, вполне надежным методом регулирования розничных цен является *достаточное предложение* потребных товаров. При достаточном насыщении рынка товарами легко устанавливается необходимый нормальный режим цен. Насыщение рынка товарами является *положительным* решением вопроса о диспропорции между спросом и предложением. Оно единственно соответствует экономической природе советского строя, который должен производить для удовлетворения потребностей населения. *Отрицательным* решением вопроса может считаться сокращение покупательного фонда населения. Первое решение предполагает в качестве необходимого условия усиленное расширение промышленного производства. Второе решение может быть осуществлено лишь за счет ухудшения материального положения населения и за счет сокращения темпа народнохозяйственного развития. Первое решение может вызвать определенные временные затруднения, но обеспечивает рост благосостояния трудящегося населения и экономический прогресс. Оно требует напряжения ума и воли всей партии и всей страны. Второе решение может создать видимость кон'юнктурного благополучия при непременном ухудшении хозяйственного положения в целом и с перспективой экономического застоя и политических затруднений. Зато думать надо гораздо меньше. Авось, да небось, кривая вывезет и т. д.

Советская власть уже ряд лет борется с товарным голодом. Летом 1926 г. представители оппозиции внесли ряд предложений о таком перераспределении национального дохода, которое изымало бы часть средств у деревенской верхушки и нэпманства в пользу промышленности. Эти предложения были, во-первых, по части тех значительных натуральных запасов хлеба, которые сосредоточиваются в руках кулачества и достигнут к концу текущего года суммы в 600—700 милл. пуд., и по нэпманскому накоплению, которое исчисляется сотнями миллионов рублей. Проводить эти мероприятия пришлось бы, вероятно, не без серьезных трудностей. Но оно было вполне осуществимо. Интересы широких слоев населения: рабочих, крестьян и прочего городского населения, не только бы не пострадали, но прямо выиграли бы. Ухудшилось ли бы материальное положение трудового населения, если бы натуральные запасы хлеба в стране уменьшились на сотню милл. пудов и некоторая часть частно-капиталистического накопления оказалась в руках пролетарского государства? Нисколько. Зато веселей дымили бы фабричные трубы.

Проводимая ныне политика идет по другому пути. Низкими ценами на хлеб и раздвижением ножниц снижается покупательная сила деревни, при чем это снижение больнее всего бьет по бедняку и середняку. Увеличение розничных цен снижает заработную плату рабочих и служащих. В этом же направлении действует водка, доходы от которой весьма увеличиваются из месяца в месяц. И после этого т. Микоян имеет смелость упрекать «Контрольные цифры» в преувеличении товарного голода. Осенние расчеты величины товарного голода исходили из определенного расчета цен и определенного уровня цен. Поскольку нарушены слагаемые, нельзя говорить уже и о сумме. Единственно, в чем прав т. Микоян, это в том, что «Контрольные цифры» не «угадали» летом 1926 г. урожая хлопка в Америке. Благодаря огромному падению цен на хлопок, оказалось возможным купить хлопка больше, чем предполагалось, и увеличить текстильное производство, чему мы все, конечно, очень рады. Равным образом, «Контрольные цифры» «не угадали» нефтяных фонтанов, поднявших добычу Баку и Грозного. Каюсь от имени своих

и своих сотрудников: в знахарстве (а не в *научном* предвидении) оказались слабы.

Добро бы в результате этой политики снизились бы розничные цены. Но ведь этого, к сожалению, нет. Факты говорят об обратном. Жизнь дорожает, это известно каждому рабочему, каждому крестьянину. Принимались десятки решений о снижении розничных цен. Пишут об этом ежедневно до одурения, до обалдения, а воз и ныне там. Нельзя, нам кажется, считать кооператоров бандитами и преступниками, об'единившимися для срыва политики цен советской власти. Очевидно, что-то мешает этому снижению цен. И мешает очень сильно. Надо ближе присмотреться к делу, и картина станет более ясной. Сперва нужно *понять* противодействующие снижению цен факторы, а потом уже их *устранять*. Нам дело рисуется в *следующем виде*. В обстановке обостренного товарного голода кооперация лишена возможности практиковать значительное снижение цен против частника. В определенный момент начинается раскупка кооперативных товаров мелкими партиями и продаже их на другой день по еще более высоким ценам. Следовательно, снижение розничных цен на дефицитные товары сможет быть проведено лишь в тех местах, где государственная и кооперативная торговля занимает монопольное или почти монопольное положение. Но налицо факты, свидетельствующие о некотором смягчении товарного голода. Ряд товаров из дефицитных превратились в достаточные. Однако, розничный рынок до последнего времени не реагировал на это смягчение падением цен. Очевидно, что-то мешает проявлению действия закона спроса и предложения. На сцену выступает государственный бюджет как серьезный *фактор повышения цен*. Увеличение железнодорожных тарифов, акцизов, налогов, неизбежно влечет за собой повышение цен. Нельзя допустить, чтобы борьба за рационализацию торгового аппарата не дала никаких результатов. Результаты имеются, и борьба с накладными расходами должна продолжаться, но они уничтожаются в значительной мере новыми наложениями на цену товара. При обсуждении бюджета прошлого года мы указывали на его чрезмерно напряженный характер. Жизнь оправдала наши опасения. Его, во-первых, не удалось к 1 октября 1926 г. выполнить в предполагавшихся размерах и он, несомненно отрицательно сказался на товарных ценах и покупательной силе денег. В этом году он еще более напряжен. Удивляться, поэтому, росту цен, совершенно не приходится. От иерихонских труб нашей печати цены, к сожалению, не снижаются. Все основные элементы в народном хозяйстве взаимно обусловлены. *Нельзя одной рукой снижать цены, другой повышать.*

Говоря о розничных ценах, надо сказать еще следующее. Страна не может длительный период существовать с твердой валютой при большом разрыве оптовых и розничных цен. Розничные цены тысячами нитей тянут за собой оптовые цены. Легче всего это уясняется на частном примере заработной платы. Рост цен уменьшает реальную заработную плату. Это ведет к увеличению номинальной платы, что в свою очередь увеличивает себестоимость. Такое положение на языке экономической теории называется *инфляцией*.

Резюмируем. Изживание товарного голода велось до сих пор *отрицательным* методом. Средством для этого служила политика цен, косвенное обложение и водка. Однако, цены плохо снижались потому, что бюджет оказывал на них повышательное влияние. Под шум криков о снижении цен, проводилась политика повышения цен.

Мы стоим за действительное понижение розничных и оптовых цен на промышленные товары. Мы считаем необходимым проведение в жизнь

всех решений, направленных к этой цели. Борьба за снижение цен, по нашему мнению, даст положительные результаты при соблюдении следующих основных условий. Необходимо доводить снижение оптовых цен до потребителя. Только при этом условии, оно может дать народнохозяйственный эффект. Методы кампании по снижению цен и ее результаты должны обсуждаться на партийных и беспартийных рабочих собраниях и в печати. Центр тяжести кампании должен быть перенесен на самодеятельность кооперированного и всего трудящегося населения за счет сокращения мелочной опеки чиновников регулирующих органов. Действительный контроль кооперированных масс населения над своими аппаратами возможен только при этом условии.

Проведенная, таким образом, кампания даст ценный материал для суждения о целесообразности или нецелесообразности тех или иных регулирующих методов.

Как правило, снижение цен должно производиться в начале хозяйственного года. В этом случае оно в наибольшей степени будет соответствовать интересам бедняцкой и середняцкой массы деревни.

Было бы гораздо целесообразнее и разумнее, если бы вместо той травли, которая ведется против определенной части партии и отнимает у партии массу сил, усилия были бы направлены на борьбу с действительными опасностями. Мы тогда, наверно, достигли бы лучших результатов. Шила в мешке не утаишь.

Хлебозаготовки. Хлебозаготовительная кампания в нашей стране имеет громадное значение для всего народного хозяйства. Реализация хлеба и условия этой реализации весьма существенно отражаются и на внутреннем и на внешнем нашем экономическом балансе. Эта кампания также является самой существенной частью проблемы смычки. Мы пережили уже при нэпе целый ряд хлебозаготовительных кампаний и имеем некоторую возможность установить те общие линии нашей экономической политики, которые наиболее соответствуют интересам народного хозяйства и социалистического строительства. В 1925 году были правительством установлены определенные основания для политики хлебных цен. Они должны были удовлетворить следующим требованиям: быть выгодными для крестьянина, рентабельными для вывоза и приемлемыми для городского населения.

Кроме того, дана была директива стремиться во что бы то ни стало к тому, чтобы разрыв между осенними и весенними ценами был минимальным. Эти решения, по нашему мнению, вполне правильно вскрывают конкретное содержание понятия «смычка» в этом деле. При проведении в жизнь этих решений были допущены промахи и ошибки. Однако, кампания в целом была шагом вперед в деле организации хлебного рынка и классовой политики. В частности, вполне удалось провести удержание хлебных цен после нового года. Все группы крестьянства, таким образом, получили более или менее одинаковую цену за хлеб. Если кто-нибудь и прогадал, то именно кулак, который спекулировал на рост цен весной. Благодаря хорошим видам на урожай весной 1926 г. хлебные цены в весенние и летние месяцы резко понизились. До того времени обыкновенно на разрыве осенних и весенних цен наживались зажиточные слои деревни—те слои, которые имеют возможность хранить хлеб, выжидая повышения цен. Так было и в 1923 году и в 1924 г.

Следовательно, несмотря на осенние затруднения прошлого года (ажиотаж и чрезмерно высокие цены в отдельных районах) хлебная кампания 1925/26 года намечала экономически и политически правильную линию. Интересы бедняка и середняка были в центре внимания советской власти.

Ряд отрицательных моментов (перекредитование, множественность заготовителей и беспринципная конкуренция между ними) был устранен весной 1926 года. Регулирующая роль Наркомторга усилилась. Повторный урожай создал весьма благоприятную об'ективную обстановку для хлебных заготовок. Значительно увеличилось производство промтоваров—этого серьезнейшего фактора хлебных заготовок.

Теперь посмотрим, как была использована благоприятная обстановка Наркомторгом и какие результаты дала его работа к настоящему времени.

Первое, что бросается в глаза, это резкое падение хлебных цен. Приводимая ниже таблица иллюстрирует положение с хлебными ценами в прошлом и текущем году:

Цена в коп. за пуд.

	Рожь	Пшеница	Овес
Декабрь 1925 г.	83	122	75
» 1926 г.	70	98	57,5

Особенно резко упали цены на ячмень, которые в момент наибольших заготовок (август—сентябрь) составляли:

	Август	Сентябрь
1925 г.	77	76
1926 г.	50	52

Так как приведенные данные являются средне-взвешенными по Союзу, то данные по отдельным районам дают картину гораздо более яркую и неблагоприятную для сельского хозяйства.

Можно допустить, что при повторном урожае хлебные цены должны быть несколько ниже прошлогодних. Однако, не в таких размерах. Если еще принять во внимание рост цен на промышленные товары, то картина *ухудшения* экономических взаимоотношений города и деревни станет ясной. Резкое падение цен на хлеб создает две опасности. Во-первых, остановку, или даже сокращение посевных площадей, а, следовательно, и производительных сил сельского хозяйства вообще.

Во-вторых, затруднения со сбытом промышленных товаров со всеми вытекающими из этого факта затруднениями. Вот почему мы не можем считать правильной политику чрезмерно низких цен на хлеб.

Каким образом был установлен этот режим цен? Главнейшими рычагами, помимо повторного урожая, надо считать три: размеры единого налога и порядок его взимания, заготовительные планы Наркомторга и устранение в значительной мере с хлебного рынка частника.

В отличие от прошлого года увеличен самый размер единого налога (300 милл. рубл. вместо 240 милл. рубл.) и сроки его взимания распределены так, что главная масса налога падает именно на первый квартал. В прошлом году к 1 января было собрано всего около половины налога, в этом году около четырех пятых.

Единый с.-х. налог всегда был очень сильно действующим средством, стимулирующим предложение хлеба. Неудивительно, что он сыграл эту роль и в нынешнем году.

Второе—заготовительные планы Наркомторга. Тов. Бухарин в своем докладе на Московской губпарткоиференции в следующих словах квалифицирует политику Наркомторга в этом вопросе.

«Неплохо у нас обстоит дело и *с темпом* выполнения плана хлебозаготовок. Например, за сентябрь этого года мы имеем выполнение

125,4 проц. плана, за октябрь—выполнение 127 проц. плана, за ноябрь—139,2 проц. выполнения плана. Иными словами, мы идем с превышением наших собственных плановых расчетов».

Из этого следуют две вещи: во-первых, что т. Бухарин радуется (что не вредно), и, во-вторых, что он не понимает существа того, о чем он говорит (что уже вредно). Можно допустить два возможных решения вопроса о такой невязке планов с действительностью. Можно сказать, что планы хлебозаготовок Наркомторга являются чисто маргариновыми планами. В самом деле, какая цена месячному плану, который на 20—40% расходится с действительностью? Ругает же «Контрольные цифры» тот же Бухарин за то, что они в августе 1926 г. недоучли пары процентов против выясняющегося *теперь* развертывания промышленности. Но ведь они-то должны были учесть *всю* экономику Союза и значительную часть мировой экономики. Кроме того, Госплан составлял только народнохозяйственную ориентировку, а не оперативный *месячный* (!) план. Нет, мы более высокого мнения о плановых способностях Наркомторга. Дело заключается в другом. Наркомторг давал заготовителям *сниженные* планы, сознательно стремясь к определенным ценам. Жизнь их превышала к удовольствию тов. Микояна и его пророка Бухарина. За счет количества заготовляемого хлеба и за счет раздвижения ножниц выигрывала микояновская политика цен. В этом все дело.

Устранение частника с хлебного рынка надо считать явлением положительным. Только необходимо установить, что хлеб, раньше снимаемый частником, должен быть снят госзаготовителями и кооперацией. В противном случае образуется брешь в хлебном балансе страны. В этом году Наркомторг более или менее справился с первой задачей. Что же касается до второй половины дела, то в смысле заготовок частник частично замещен, в смысле же овладения дальнейшими звеньями хлебного рынка не сделано ничего. Читатель убедится в этом из дальнейшего.

Из элементов, стимулирующих предложение хлеба, должны быть еще отмечены водка, взимание семссуды, платежи по с.-х. кредиту, платежи по окладному сельскохоз. страхованию и т. д. Усиленное предложение хлеба встретилось с *сдержанным* спросом, что и определило осенние хлебные цены 1926 г. Тов. Микоян избрал образцом для своей политики, правда, в смягченном виде, злополучную осень 1923 г.

Результаты хлебозаготовок. К 1 января 1927 г. заготовлено государственными и кооперативными заготовителями около 450 милл. пуд. хлеба против 315, примерно, миллионов пудов прошлого года. По этому поводу т. Бухарин торжествующе восклицает:

«Согласно предсказаниям оппозиции должен был получиться худший ход заготовок, а он получается на 36½ проц. лучше, чем в прошлом году. Едва ли то об'ясняется тем, что мы все «отступали». Сказать по совести, в прошлом году мы *сами себя* щелкали, благодаря неумелым расчетам. Попросту говоря, разница между каменевскими и микояновскими расчетами,—да простит мне Микоян комплимент,—выражается в приросте 36,5 проц.».

Кстати сказать, т. Каменев здесь совершенно ни при чем. Да и картина-то получается совершенно иная, если присмотреться к вопросу немного ближе. В приведенный расчет, как это известно всем, за исключением, очевидно, Бухарина, входят так называемые централизованные заготовки. В прошлом году, как известно, усиленно работали на хлебном рынке мелкие инорайонные организации и частники. С учетом этих заготовок, картина получается, примерно, такая: к 1 января 1926 г. было заготовлено около 450 милл. пудов хлеба, к 1 января 1927 года около

520 милл. пудов. При повторном урожае и при тех средствах, какие были применены в этом году, это уже не столь большая разница. Кроме того, хлебные заготовки резко передвинулись на восток, в районы с влажным и трудно вывозимым хлебом. Бухарин еще раз обнаруживает незнание трактуемого предмета. А насчет «неумелых расчетов» следовало бы помолчать после того, как все последующие расчеты поднимали размеры прошлогоднего урожая.

Говорить же наркому комплименты, конечно, не грех. Против этого, разумеется, возражать невозможно.

Перспективы хлебозаготовок. Тов. Бухарин так расценивает дальнейшие перспективы:

«Во-первых, мы можем сделать тот вывод, что опровергнут тезис о регулировании нас со стороны кулака. *Неправда*, что кулак нас регулирует. *Правда*, что мы регулируем, т.-е. умело боремся и оттесняем кулака. Это—правда.

Второе: *неправда*, будто мы оказались беспомощными на хлебном рынке; *правда*—то, что мы оказались в состоянии овладеть хлебным рынком; мы частника с хлебного рынка вытеснили, заготовки идут гораздо лучше, политика наших закупочных органов правильна—не то, что в прошлом году, когда все наши органы бросались в одни и те же места, в одно и то же время и вздували чорт знает как цены. Овладение хлебным рынком есть одно из важнейших явлений нашей хозяйственной жизни, одно из важнейших достижений и завоеваний нашей экономической политики.

Третий вывод в связи с хлебозаготовками тот, что мы получили *гарантию против сезонного вздорожания цен* на сельскохозяйственные продукты со всеми соответствующими явлениями: отражением этого на заработной плате, на курсе нашего червонца и т. д. У нас хлебозаготовки идут по плану, по расчету; осенью ажиотажа с ценами не было и можно предполагать, с большим основанием, что к весне не получится вздорожания хлеба.

Общий итоговый *политический* вывод тот, что хлебозаготовительные операции вдрызг изничтожили экономическую философию наших оппозиционных товарищей».

Не только грядущие годы, но и месяцы таяться во мгле. Поэтому в декретировании будущего, надо соблюдать сугубую осторожность. Бухарин не следует этому правилу и вынуждает нас вкратце остановиться на его перспективе. Но прежде один вопрос к т. Бухарину. Кто, когда и где говорил о «нашей беспомощности» на хлебном рынке? Лучше бы процитировать такого «маловера», а то невольно берут сомнения в наш скептический век. Ну, что оппозиция еще раз посрамлена вконец, это—конечно. Без этого сладкого ныне не с'едается ни одно литературное и ораторское блюдо. Но не успели высохнуть чернила вдохновенного бухаринского пера, как на хлебном рынке обозначилось кое-что новое. В январе имеет место резкое *падение* хлебозаготовок. Из ряда районов поступают сведения об усилившейся работе частника, который начинает платить гораздо дороже госзаготовителей, срывая конвенционные цены. Прекращать же заготовки невозможно. Далеко еще не выполнен экспорт, да и внутренний хлебный рынок находится отнюдь не в порядке. Можно ли говорить уже с полной определенностью, что и в *будущем уже все в порядке*? Нельзя. Усилившаяся работа частника есть начало повышения цен на хлебном рынке.

Состояние хлебного рынка. Если на заготовительном хлебном рынке положение можно считать «относительно» благополучным, то этого никак нельзя сказать о рынках потребляющих. Ряд фактов свидетель-

ствует о форменном хаосе на внутреннем хлебном рынке. К таким фактам надо отнести в первую очередь разрыв между ценами заготовительных и потребляющих районов и крайнюю пестроту цен, выходящую далеко за пределы, вызываемые расстоянием. В потребляющей полосе:

пуд ржи стоил	1	ноября	1925 г.	126,5 к.
»	1	»	1926 г.	132,5 к.
пуд ржан. муки	1	»	1925 г.	149,9 к.
»	1	»	1926 г.	159,1 к.
пуд пшен. »	1	»	1925 г.	399,7 к.
»	1	»	1926 г.	410,3 к.

Приведенная таблица свидетельствует о том, что, несмотря на повторный урожай и на низкие заготовительные цены, на рынках реализации хлебные цены выше прошлогодних. Разрыв цен между заготовительными и потребляющими районами доходит до 60—70 к. за пуд ржи. В отношении ряда районов цены реализации на 100 и выше процентов заготовительных. Значит, потребитель не только ничего не выиграл от чрезмерно низких заготовительных цен, но даже проиграл против прошлого года, когда именно в это время стояли наиболее высокие заготовительные цены. Это тем более странно, что видимые запасы в потребляющей полосе значительно выше прошлогодних. Где причины этих явлений? Очевидно, в регулирующих мероприятиях Наркомторга и в повышении железнодорожных тарифов. Железнодорожными тарифами, однако, нельзя об'яснить и малой доли творящегося безобразия. Дело, очевидно, заключается в том, что из того, что называется *хлебным делом*, тов. Микоян пока усвоил лишь малую частичку. Увлекшись своей «полезной» деятельностью по части раздвижения «ножниц», он забыл, что люди едят не рожь в зерне, а печеный хлеб и что хлебный рынок есть не только «превышение» планов (своих же) заготовок. Вопросы мукомолья и организации определенного режима на рынках реализации остались за спиной сознания тов. Микояна. Пройти это безнаказанно не может.

Одно ясно. Мы, может быть, и вступили в новую высшую фазу нэпа, как будто об этом уверяет вас тов. Микоян в Ленинском номере «Правды», но порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше.

Выводы: если Наркомторгу удастся выдержать свою линию в области цен до конца, то с экономическими результатами этой политики нам придется встречаться еще не раз. Не надо забывать, что у крестьянина имеется одно чрезвычайно сильное средство в борьбе с чрезмерно низкими ценами. Это сокращение посевов. По техническим культурам мы с этим явлением встретились уже в прошлом году. Сокращение посевов подсолнуха, свеклы, льна, табака—факт. На хозяйстве это, как известно, отражается весьма отрицательно. Если же весной хлебные цены поднимутся в это же время произойдет снижение промышленных цен, то проиграет бедняк, продавший осенью свой хлеб дешево, а выиграет по всей линии кулак. С кем тогда будет смычка, а с кем размычка, угадать нетрудно. Расслоение деревни получит новый толчок. Города же будут наводняться выходцами деревни. Положение с безработицей еще ухудшится. Осенью 1926 г. Госплан советовал Наркомторгу несколько поднять хлебные цены, что можно было достигнуть некоторым увеличением месячных заготовительных планов. Чем больше было бы накоплено запасов, тем спокойнее можно было бы пережить вторую половину года. Не исключена ведь и перспектива частичного неурожая в 1927 г. Третий урожайный год бывал всегда очень редким гостем в нашем хозяйственном прошлом. Тогда об'ективно сложится высокая кон'юнктура на хлеб. Наркомторг отверг эти предложения. Жизнь проверит обе точки зрения.

...Тов. Бухарин в своем докладе привел неверную цифру относительно предположенного темпа развития промышленности по «Контрольным цифрам на 1925/26 г.».

Он пишет: «Здесь, тт., не мешает припомнить, что в первых «Контрольных цифрах» на 1925/26 г. тов. Смилги, в той книжке и в тех цифрах, о которых тов. Троцкий писал, что в них слышится «великолепная музыка грядущего социализма», предполагалось, будто за прошлый год промышленность разовьется (по валовой продукции) на 19 проц., а вышло, что фактически она развилась на 40 проц.».

Привожу цитату из № 2 «Плановое Хозяйство» за 1926 г. из доклада Госплана о пересмотре «Контрольных цифр»:

«Контрольные цифры», составленные в июле—августе прошлого года, намечали темп развертывания всей цензовой промышленности—крупной и мелкой—1925/26 г. в размере 33% (рост валовой продукции по довоенным ценам в процентах к продукции 1924/25 г.). А для планируемой в размере 47%. Производственными программами по отдельным отраслям промышленности, представляющимися в Госплан в октябре—декабре 1925 г. рост планируемой промышленности в среднем определялся в 48—50%.

В связи с изменившейся обстановкой, главным образом в связи с сокращением импорта, производится пересмотр производственных программ в сторону их сокращения. Госпланом темп развертывания после сокращения определяется, примерно, в 39—40% для планируемой промышленности».

Читатель может убедиться на этом факте, как т. Бухарин обращается с действительностью. Я ему указал на это, он не счел нужным реагировать. Он «неточен» еще во многом, но об этом в другой раз.

От редакции.

Для ознакомления членов партии с «новейшими» задачами экономической мысли представителей оппозиции редакция, в виде исключения, помещает статьи тт. Е. Преображенского и И. Смилги, поднимающие вновь те вопросы, по которым оппозиция выступала против линии партии и по которым —см. в частности решения февральского пленума ЦК—вынесены ясные партийные решения, лежащие в основе нашей хозяйственной политики, встретившие полное одобрение со стороны рабочих и крестьян.

Разбор новейших «изысканий» оппозиционных экономистов, отражающих «перевооруженческие» маневры и явные шатания оппозиционной мысли— о которых партийная масса уже поставлена в известность нашей прессой— еще раз дан в помещаемой ниже статье т. Г. Крумина.

Постскриптум т. Преображенского, где пишется о единоличной «ответственности» его за «Новую Экономику», глухо подчеркивает то, что в рядах оппозиции чувствуется определенная потребность в идейном размежевании и отмежевании друг от друга. Тем не менее, на деле антиленинская основа «Новой Экономики» остается своеобразной экономической философией оппозиции.

Г. Крумин.

Новые похождения оппозиционных экономистов по ниве советской экономики.

I. Как оппозиционные экономисты в поход собрались.

Выступлением двух экономистов — т. Преображенского и т. Смилги — открывается, несомненно, новая славная страница борьбы оппозиционного блока с ленинской партией—за «истинный ленинизм», за «выдержанно-пролетарскую политику». Эта новая атака на партию, конечно, проводится новыми методами, в соответствии с новой изменившейся обстановкой.

Задача перед оппозиционными экономистами поставлена нелегкая. Ведь вся страна еще помнит предсказания, которые были сделаны оппозиционным блоком, основываясь на «научном» анализе действительности и действующих общественных сил. В апреле прошлого года устами т. Троцкого оппозиционный блок говорил о том, что «все данные говорят за то, что наша промышленность встретит урожай 1926 г. без всяких товарных запасов, что может означать *воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе*». В мае того же года тов. В. М. Смирнов в большой тревоге подчеркивал, что проведение предлагаемых им мероприятий—речь шла о повышении оптовых отпускных цен на изделия промышленности—«становится буквально задачей сегодняшнего дня»—если не итти сознательно к крайнему обострению положения («Красная Новь», кн. V. Стр. 173).

Тревога оппозиционного блока возрастала со дня на день, предсказания становились все мрачнее. И как не тревожиться, когда налицо явное «расхождение между направлением хозяйственной политики» партии и «направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда»! (Декларация оппозиции в июле прошлого года).

Таковы были памятные предсказания оппозиции.

Между тем жизнь пошла по-иному...

Под руководством партии хозяйственные затруднения пр. г. были изжиты. Изживание их происходило таким образом, что государственная промышленность сделала снова—несмотря на значительные трудности—громадный скачок вперед. Свыше чем 40% роста за год—не шуточное дело. Рост тяжелой промышленности и в истекшем году превышал рост легкой, след., имело место дальнейшее увеличение удельного веса тяжелой индустрии. И

в нынешнем 1926—27 хозяйственном году быстрый (хотя и замедленный по сравнению с предыдущими годами) рост госпромышленности продолжается. Капитальные затраты в промышленности (вместе с электростроительством) установлены в сумме 1.100 млн. руб., в сумме, превышающей предложения оппозиционных «сверхиндустриализаторов». После временного перерыва, вызванного хозяйственными затруднениями, снова налицо дальнейший мерный рост заработной платы. Хлебный рынок в нынешнем году подчинен государственному воздействию в гораздо большей степени, чем в прошлом году. Заявления о том, что кулак нас регульнул, а не мы его, с треском провалились. Экспорт хлеба протекает несравненно лучше, чем в прошлом году, а в результате советское государство накопило даже некоторый валютный резерв, который делает все положение гораздо более прочным. И с товарным голодом—этим главным бичем—вместо предсказанного обострения получилось смягчение. А в настоящий момент партия вплотную взялась и со всей энергией проводит снижение *не только розничных, но и отпускных оптовых цен* на ряд продуктов промышленности.

Партия добилась этих результатов, ведя одновременно тяжелую борьбу с оппозиционным блоком, предлагавшим вместо снижения повышение цен, отстаивавшим повышение налогового обложения с пеной у рта защищавшим увеличение из'ятий из крестьянского хозяйства в целях «установления» равновесия в хозяйственной жизни.

Таковы факты.

Ныне перед оппозицией стоит тяжелая задача—доказать, что все обстоит именно так, как она предсказывала. Требуется доказать, что партия, вместо изживания товарного голода, занимается «загонянием его внутрь хозяйственного организма». Вместо абсолютно необходимого уменьшения перекачки ресурсов из крестьянского хозяйства партия проводит-де увеличение путем фактического повышения промышленных цен, снижения сельскохозяйственных цен и увеличения бюджета. Задача снижения цен почти не двигается с места, а усилия партии явно недостаточны и лицемерны. Страна двигается навстречу опасностям (соответственно измененным) 1923 г. Неуспех же или весьма незначительные достижения в деле под'ема хозяйства проистекают из того, что партия не руководствуется предложениями оппозиции. Только предложения оппозиции стоят на уровне эпохи. А ведь «говорить о чьем-либо желании или намерении держать курс на высокие промышленные цены—значит бредить, или стараться вызвать бред у других» (заявление т. Троцкого на февральском пленуме ЦК).

Такова поставленная задача. Задача—что и говорить—тяжелая и весьма «почтенная». Решить ее взялись два вышеназванных экономиста—«теоретик» переходного периода т. Преображенский и более позднее приобретение оппозиционного блока, тоже экономист т. Смилга.

Как же сии экономисты справились с поставленной задачей?

Отложив до третьей главы подробный анализ всех конкретных утверждений оппозиционных экономистов о нынешней хозяйственной практике партии, всей их диковинной путаницы, прямых измышлений—разберем сначала некоторые общие вопросы,

II. О сущности товарного голода и путях и методах борьбы с ним. — Путаница т. Преображенского.

В центре рассуждений оппозиционных экономистов находится, конечно, товарный голод. И мы поэтому начнем с товарного голода.

Товарный голод на предметы широкого потребления—а о нем здесь речь—выражает диспропорцию между платежеспособным спросом и предложением, обще говоря—между потреблением и производством. Никакое общество не может существовать вне определенной пропорциональности в распределении совокупного труда, которым данное общество обладает. В меновом обществе пропорциональность осуществляется стихийным путем. Стихийным регулятором такого общества является стоимость. Через механизм цен, колеблющихся в зависимости от соотношения спроса—предложения вокруг стоимости, стихийным путем вызывается перелив капиталов и труда из одной отрасли в другую и устанавливается известное равновесие в распределении труда—равновесие, снова постоянно нарушаемое. Одним из элементов равновесия является определенное состояние потребления.

Задачей социалистического хозяйства является — овладеть этими волнообразными движениями хозяйства, через форму стоимости прощупать трудовые затраты, овладеть ими, чтобы *непосредственно* и *прямо* регулировать распределение совокупного общественного труда.

Товарный голод, повторяем, выражает диспропорцию между производством и потреблением. Таким образом, разбор товарного голода подводит к основным вопросам пропорционального распределения общественного труда.

Нашей задачей отнюдь не является анализ условий равновесия абстрактного капиталистического общества, изучаемого в теоретической экономии и скрывающегося за этими условиями рационального содержания. У нас речь идет о товарном голоде на предметы широкого потребления в условиях Советского Союза. Мы исходим из определенной исторически унаследованной Советским Союзом пропорциональности в распределении производительных сил. А какова основная характеристика распределения производительных сил в Советском Союзе? Несомненно, решающим фактором в экономике Советского Союза является *диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством*. Эта диспропорция является основной и решающей, ибо она *связана со специфическим производственным отношением переходного периода*. Специфическим же производственным отношением переходного периода является *отношение между рабочим и крестьянином*. Исторически данная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством находит свое выражение в распределении валовой продукции между этими двумя отраслями народного хозяйства—13 млрд. руб. в сел. хозяйстве и 7 млдр. руб. и промышленности. Яркие в этом отношении цифры распределения населения нет нужды напоминать. Исторической почвой, на которой производится ныне социалистическое строительство, является *аграрно-промышленная* страна. Отсталость нашей страны находит свое выражение в непомерно высоких издержках производства промышленности по сравнению с передовыми странами капитализма. Бывш. Россия всегда являлась страной дешевых сельскохозяйственных продуктов и дорогих промышленных товаров. Издержки производства промышленности в среднем, вероятно, раза в полтора-два превышали издержки капиталистических стран Западной Европы.

Хотя диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством и является основным и решающим фактором в советской экономике, но об'ясняет ли она целиком товарный голод? Конечно, нет. От диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством до товарного голода, т.-е. до соотношения платежеспособного спроса и предложения,—дистанция большого размера. *Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством является, несомненно, основной формой, самой глубокой причиной товарного голода*. Но к платежеспособному спросу ведет ряд весьма важных *промежуточных ступеней*, упустить которые в анализе товарного голода было бы грубой ошибкой. Важнейшими элементами в определении платежеспособного спроса всех классов Советского Союза являются *доходы* и *рыночные цены*, в движении которых отражается *весь* механизм общественного производства и распределения.

Чтобы резче оттенить разницу между диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью и диспропорцией между рыночным спросом и предложением, напомним следующее обстоятельство. Основная диспропорция в распределении общественного труда—между промышленностью и сельским хозяйством—развивалась в таких формах, что в 1923 г. привела к кризису сбыта, а в 1925—26 г.—к кризису предложения промышленных товаров. И все же, понять диспропорцию между платежеспособным спросом и предложением нельзя вне и помимо основной диспропорции в распределении труда, в распределении производительных сил, диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Тот, кто забывает про эту основную диспропорцию, рискует в борьбе с товарным голодом, т.-е. в борьбе за относительное равновесие производства и потребления, хвататься за второстепенное, запутать себя и других и в конечном счете усложнить положение.

Говорят: но при капитализме в условиях той же диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством не было товарного голода. Говорящие так упускают из виду ряд *принципиально новых* моментов. Они забывают, *какими путями и методами* изживалось при царе это несоответствие. А дорожки эти хорошо проторенные: политика высоких промышленных цен и низких сельскохозяйственных цен—во-первых; налоговая политика—во-вторых; внешняя торговля—в-третьих. Гвоздь в том и состоит, чтобы от этих проторенных путей (между прочим, напоминающих кое-какие современные разговоры...) свернуть на другие, новые.

Переходим к причинам, которые все более непосредственно определяют товарный голод.

Среди этих причин в периодической печати вполне справедливо были выдвинуты изменения, вытекающие из Октябрьской революции. Это, во-первых, изменения в крестьянском хозяйстве, выражающиеся в радикальной перестройке бюджета крестьянского хозяйства. Нам кажутся наиболее важными следующие два. Во-первых, изменения, вытекающие из факта уничтожения гос-

подства помещиков и помещичьего государства, — уничтожение арендных плат, платежей банкам, значительное уменьшение прямых и косвенных налогов и др. Это обозначает увеличение на какую-то сумму платежеспособного спроса крестьянства. Следовательно, по сравнению с довоенным периодом Октябрьская революция внесла крупные изменения в структуру расходной части бюджета крестьянина. Во-вторых, важнейшим результатом революции является *осереднячение деревни*. Осереднячение же деревни, т. е. иная социальная группировка крестьянства, не могла не привести к изменению его бюджета, денежной части бюджета и, след., не могла не наложить соответственного отпечатка на об'ем и характер обмена сельского хозяйства с промышленностью. Этот существенно важный результат Октябрьской революции может не заметить только тот, для которого середняк не является центральной фигурой деревни.

Далее, рост и изменение в платежеспособном спросе рабочего класса. Здесь мы имеем, во-первых, быстрый рост зарплаты, державшейся до революции на непомерно низком уровне. Рост этот находится в связи с под'емом культурного и вообще жизненного уровня пролетариата. Темный рабочий социализма не построит. Этот под'ем жизненного уровня приводит одновременно к росту производительности и интенсивности труда и, в свою очередь, ограничивается ростом производительности труда. Во-вторых, внутри этого быстро растущего платежеспособного спроса рабочего класса произошли резкие сдвиги в результате вырастания новых потребностей, увеличения одних статей за счет других и т. д.

Наконец,—платежеспособный спрос капиталистических элементов, потерпевший в результате революции значительный ущерб. Не вдаваясь в подробный анализ, мы отметим сейчас лишь один момент, как механизм товарного голода раскрывает в себе силы, приводящие к увеличению доходов капиталистических элементов (напр., на оптово-розничных «ножницах»), что в свою очередь гонит вверх и усиливает остроту товарного голода.

Все эти новые моменты на стороне спроса сталкиваются со сравнительно более трудно поддающимися изменению условиями на стороне предложения товаров, производство которых было приспособлено к иной структуре платежеспособного спроса. Это противоречие должно было сказаться значительно позже. Забегая вперед, отметим, что оно впервые дало о себе резко знать в нынешнем 1926—27 г., и в этом заключается один из *новых* моментов в рыночной обстановке, мимо которого ни один добросовестный экономист пройти не может. Это противоречие между структурой платежеспособного спроса и предложения является препятствием к установлению *нового равновесия* между производством и потреблением.

Сказанного вполне достаточно, чтобы отмести взгляд на товарный голод, как на сезонное явление (в скобках отметим, что этот взгляд исходит тоже из рядов оппозиции. Чего-чего нет у оппозиционного блока: всякие мнения, всякие оттенки и оттеночки. Поистине это какая-то наваленная куча, из которой по мере надобности вытаскивают то одни, то другие диаметрально противоположные «теории»). Товарный голод не сезонное явление. Однако, при анализе конкретной кон'юнктуры не учитывать сезонного момента нельзя, особенно в Советском Союзе, к тому же

при явной недостаточности или даже отсутствии товарных запасов. Ибо календарное распределение реализации товарных масс сельскохозяйственных и промышленных не совпадает. В пределах года поэтому вполне возможно обострение товарного голода в зависимости от сезона и совсем не «загонянием внутрь», а просто передвижкой спроса во времени может быть смягчена острота положения.

Наконец, ошибки и просчеты с нашей стороны могут привести к раздвижке между платежеспособным спросом и предложением. Истекший опыт заставляет подчеркнуть два момента. Во-первых, ошибочное регулирование кредитно-денежного дела. Перекредитование народного хозяйства (как в прошлом году хлебных заготовок) ведет к возрастанию платежеспособного спроса. Начинается инфляционная лихорадка со всеми ее последствиями. Во-вторых, непосильное форсирование капитальных затрат. Несоответствие спроса и предложения, как это совершенно очевидно, отнюдь не обозначает еще недостаточного накопления в промышленности, недостаточности капитальных затрат. Как мы увидим ниже, вряд ли в сторону недостаточности промышленного накопления грешила наша партия. Наоборот, промахи, ее чаще всего связаны с перенапряжением средств *в пользу промышленности*, начиная с кризиса 1920 г. Непосильное для народного хозяйства форсирование капитальных затрат обозначает дальнейшее из'ятие ресурсов товарного рынка, при стимулировании спроса. Таким образом, в результате непосильных капитальных затрат получается не смягчение, а сильное обострение товарного голода.

Мы выдвинули лишь самые основные моменты, которые могут нарушить и нарушают равновесие между производством и потреблением. В числе причин мы видим моменты длительного и моменты кон'юнктурного и сезонного характера. Тщательный анализ конкретной хозяйственной обстановки должен каждый раз выявить роль каждого из них.

Определяющей для всего хозяйства является диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, вскрывающая основные болезни советской экономики и связанная со специфическим производственным отношением переходного периода. От этой диспропорции целый ряд промежуточных ступеней ведет к платежеспособному спросу, превышение которого над предложением промышленных товаров широкого потребления обозначает товарный голод.

* * *

Какова вероятная тенденция развития диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством для ближайших лет? Может ли она обостриться, углубиться? Несомненно, *да*. И ленинская партия обязана открытыми глазами смотреть на те факторы, которые могут для ближайших лет *ухудшить* баланс сельского хозяйства и промышленности. *На стороне промышленности*—окончание восстановительного периода, дальнейший рост на основе нового основного капитала; для ближайших лет—обострение положения в связи с тем, что капитальные затраты, проводимые в более широких размерах лишь за последний год, могут сказаться на рынке товаров увеличением продукции лишь через 3—4 года. *На стороне сельского хозяйства*—освобождение от средневековых пут и кабалы, уничтожение земельной ренты и потому

возможность быстрого увеличения валовой продукции путем элементарной рационализации на той же технической базе. Поэтому т. Сталин на XIV с'езде партии в следующих словах резюмировал вероятные тенденции развития: «Несоответствие баланса промышленности балансу сельского хозяйства в дальнейшем, в первые несколько лет, будет еще расти, в виду того, что в сельском хозяйстве таится целый ряд внутренних потенциальных возможностей, далеко еще не использованных и подлежащих использованию в ближайшие годы».

Эту перспективу ближайших лет партия должна держать перед глазами. Истерических возгласов о гибели, перерождении и проч. ей придется слышать не мало. Но она не свернет с правильной дороги социалистического строительства и не пойдет по пути тех оппортунистов, «реальных» политиков, которые не только на каждом повороте истории, но даже по сезонам торжественно садятся в лужу.

* * *

Ясно, что на протяжении ряда ближайших лет товарный голод явится *опасным врагом* социалистического строительства.

Товарный голод стихийно гонит *цены* вверх, тем самым прорывая или подрывая фронт государственного регулирования цен. Гоня цены вверх, он подрывает политику цен социалистического государства—этот основной рычаг в руках партии.

Оборотной стороной повышения цен является *падение покупательной способности валюты*. А ведь устойчивая валюта—основной мост между городом и деревней.

Повышение цен и инфляция—вот к чему гонит товарный голод. Другими словами, он подрывает основы смычки, дезорганизует смычку.

«Ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными ценами, «ножницы» между оптовыми и розничными ценами являются в таком случае неизбежными.

Повышение цен, инфляция, «ножницы» ведут к разорению крестьянства, к деградации сельского хозяйства.

Повышение цен обозначает также удар по зарплате рабочего. Повышением цен сводятся на-нет завоевания в деле под'ема материального положения рабочего класса.

Однако, обстановка товарного голода не мало способствует увеличению доли частного капитала в национальном доходе страны.

По всем этим многоразличным основаниям партия *со всей силой, напрягая все ресурсы*, борется с товарным голодом. Какими же методами?

* * *

Мы здесь лишь совсем вкратце наметим основные пути.

Прежде всего, как изживается товарный голод при капитализме, как восстанавливается равновесие между спросом и предложением?—*Путем повышения цен*. Повышением цен срезается платежеспособный спрос.

Конечно, такой метод восстановления «равновесия» между спросом и предложением не является, не может являться методом коммунистической партии. Психология «лови момент», «используй благоприятную кон'юнктуру для повышения цен и увеличения таким путем своих прибылей», «веди умную политику цен» [1])—психология мелкого лавочника, стремящегося «содрать», или монопольного капиталистического предпринимателя, проводящего политику повышения цен при ограничении размеров производства,—такая психология, такая политика не имеет *ничего общего* со строящей социализм партией рабочего класса.

Партия ставит своей задачей так побороть товарный голод, чтобы добиться дальнейшего роста производительных сил страны, дальнейшего развертывания промышленности, дальнейшего под'ема благосостояния всего населения—рабочего класса и крестьянства. Все находящиеся в ее распоряжении рычаги она пускает в ход, чтобы в борьбе с товарным голодом подняться на высшую ступень. Она беспощадно борется со всяким повышением цен.

Какими методами советское государство и коммунистическая партия восстанавливают равновесие между платежеспособным спросом и предложением?

Это, во-первых, *индустриализация страны*, проводимая на основе смычки города и деревни, всемерное увеличение удельного веса крупной промышленности в хозяйстве страны. Индустриализация страны излечивает самую глубокую диспропорцию в экономике Советского Союза—между промышленностью и сельским хозяйством. Индустриализация уничтожает самый корень товарного голода.

Во-вторых, всемерное увеличение промышленной продукции путем соответственной лучшей и большей мобилизации средней и мелкой, кустарной, промышленности.

На стороне предложения промтоваров в *строго определенные* моменты *обостренного голода* известную роль может играть ввоз предметов широкого потребления из-за границы. Но ни при каких условиях нельзя забывать, что функции и назначение внешней торговли принципиально изменились по сравнению с капитализмом. Партия всегда будет использовывать рычаг национализированной внешней торговли для ускорения индустриализации страны, для ускорения под'ема экономики, для усиления *независимости* нашей страны. На панический ввоз предметов широкого потребления она никогда не пойдет.

Идя по этой основной линии увеличения промышленной продукции, партия будет одновременно в желательном направлении воздействовать на платежеспособный спрос. Какие это направления?

Это уменьшение непроизводительного платежеспособного спроса путем бешеного проведения режима экономии, всяческого сокращения административных расходов, рационализации аппаратов, сокращения расходной части бюджета и т. д. Жестким сокращением торговых и накладных расходов товаропроводящего аппарата, рационализацией непомерно дорогой товаропроводящей

---

[1]) Не угодно ли послушать: «Конечно, в отношении цен нужно вести политику гораздо более умную, чем мы вели до сих пор. Ведь чистоту раз мы уже запачкали, когда в начале 1925/26 г. отказались от дальнейшего снижения цен» («Вестник Коммунистической Академии». Кн. 17 за 1926 г., страница 215. Прения по докладу о контрольных цифрах. Речь т. Пятакова).

сети, уменьшением аппетитов по части накопления можно добиться снижения розничных накидок, можно и должно добиться сжатия оптово-розничных «ножниц», след., и снижения розничных цен. Таким путем можно и должно переломить неблагоприятное движение цен и добиться их снижения. Не может быть ничего фаталистического в хозяйственной жизни. Нужно только распознать диалектику движения, видеть противоречивые элементы, а не преклоняться перед «фактом» высоких цен.

Необходимо сокращать всякое непроизводительное потребление. При этом вполне допустимо умеючи действовать рычагом налога. Как мы на опыте действовали этим рычагом, разберем ниже.

Далее, на пред'являемые к данному моменту размеры платежеспособного спроса вполне возможно воздействовать путем его передвижки во времени. Мы говорили уже о сезонном несовпадении выхода на рынок сельскохозяйственной и промышленной продукции. Не будет ничего недопустимого в том, если мы несколько лучше, чем, напр., в прошлом году, будем регулировать одновременное пред'явление возросшего спроса со стороны крестьянства и рабочего класса. Возможность передвижки спроса во времени говорит, в частности, о том, что нельзя по одному кварталу судить о результатах борьбы с товарным голодом.

Нет нужды указывать, что кредитно-денежный рычаг необходимо абсолютно твердо держать в своих руках. Роль кредита в борьбе с высокими ценами совсем не маленькая и должна и будет возрастать. Что же касается валюты, то безоговорочное охранение ее устойчивости является обязательнейшим условием правильной политики.

Было бы неправильно вдаваться в большую конкретизацию путей и методов борьбы. Конкретная хозяйственная политика должна быть построена в зависимости от условий места и времени.

* * *

Наш анализ товарного голода был бы неполным, если бы мы не остановились совсем вкратце на *ином типе* развития при социализме и в переходный к нему период.

Уже теперь совершенно правильно указывают, что товарный голод имеет также и положительную сторону. Положительная сторона заключается в том, что товарный голод свидетельствует о наличии широкого рынка сбыта для промышленности. Поэтому уверенной рукой можно проводить индустриализацию страны, ибо со стороны емкости рынка открываются широчайшие перспективы. Советское хозяйство радикально отличается этим от западно-европейских капиталистических стран, бьющихся в тисках недостаточности рынка сбыта. Другими словами, за эмпирическим фактом товарного голода последних лет скрывается нечто большее—*новые* соотношения и *иной* механизм хозяйственного развития в стране, строящей социализм. Эту проблему поставил и ее решение наметил тов. Бухарин. На наш взгляд постановка и решение даны им правильные.

Мы говорили выше, что основная диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством протекала в двух диаметрально противоположных формах: кризиса сбыта в 1923 г. и товарного голода за последний период. Действительно, две

противоположных формы. С некоторыми оговорками можно сказать—два типа развития. Несмотря на громадное разрушение промышленности, несмотря на громадный физический недостаток промтоваров, наша хозяйственная политика привела в 1923 г. к кризису сбыта. Хлебные цены стихийно упали, рост отпускных промышленных цен гнал промышленные цены неустанно кверху. Такое движение цен довело страну до кризиса, который был ликвидирован сознательным вмешательством партии и государства, заставивших хозяйственные органы снизить промышленные цены и добившихся определенного сжатия «ножниц». Не сокращение производства, как при капитализме, а его дальнейшее развертывание на базе снижающихся цен—такова *наша* политика. На опыте 1923 г. было продемонстрировано узловое значение политики цен социалистического государства.

Грубейшая наша ошибка состояла в том, что официальным учреждением Советской Республики—ВСНХ—16 июля 1923 года была дана промышленным органам четкая и категорическая директива о достижении «наибольших прибылей»—при чем директива эта была сформулирована без какой-либо оглядки на крестьянское хозяйство. В этом документе говорилось: «В основу управления кладется прибыль хозяйственной единицы, т.-е. треста, и под углом зрения прибыли направляется вся деятельность треста и оценивается деятельность правления треста... Получение прибыли и по закону является руководящим началом деятельности трестов... По прибыльности предприятий в первую очередь оценивается и пригодность правления треста... Отсюда ясно, что общим руководящим началом для деятельности как предприятий, так и ВСНХ, на ближайший период является прибыль, как задача, и баланс, как метод установления прибыли... Предлагаю всем правлениям трестов и органам ВСНХ принять все необходимые меры к тому, чтобы наше государство получило от своих предприятий *наибольшую прибыль*, и предупреждаю, что отмеченное выше руководящее начало будет проведено неуклонно, последовательно и со всей решительностью» (приказ ВСНХ от 16/VII—23 г. за подписью зам. председателя ВСНХ т. Пятакова).

Эта неправильная директива,—директива, противоречащая постановлениям с'ездов партии, не была своевременно замечена, отменена и заменена правильной. Осуществление же этой директивы неизбежно гнало промышленные цены вверх.

Такой тип развития, который имел место в 1923 г.,—*не наш тип развития*. И поэтому естественно, что за последние годы устанавливаются новые соотношения, приближающие нас к социалистическому типу развития, а именно: если—мы употребляем формулировки т. Бухарина—если при капитализме появляется диспропорция между производством и потреблением, когда ударение лежит на производстве и когда потребление отстает от этого производства, то в переходный период эта же диспропорция имеет другой характер, *с ударением на потреблении*. Эта общая формулировка абсолютно верна. Ведь партия в любой момент может ключом снижения цен *открыть* кон'юнктуру, грозящую кризисом сбыта. Орудием цен партия овладевает, будет овладевать все лучше, все полнее. Поэтому своими новыми предсказаниями о том, что «мы идем, повидимому, навстречу положению, аналогичному осени 1923 г.», т. Преображенский обнаруживает все

свое непонимание политики партии,—непонимание того, насколько партия выросла, овладела хозяйством и *не допустит до безобразий 1923 г., форсированных неправильными директивами*. Нынешние предложения оппозиции—хочет она того или нет—ведут в том же направлении 1923 г. Поэтому-то партия так решительно их и отвергает, как *чужие, не свои*.

Товарный голод последнего периода, в резкой форме выявляющий диспропорцию между спросом и предложением, одновременно свидетельствует об установлении иного, чем при капитализме, механизма движения. Там—прибыль или картельная сверхприбыль, здесь—давление потребностей, интересы потребителя.

Всемерно борясь с товарным голодом, дезорганизующим экономику, мы должны одновременно отдать себе отчет в том, что интересы все более полного покрытия потребностей масс будут постоянно толкать вперед производство и что ограниченность потребления широких масс перестает быть «последней причиной всех действительных кризисов» (Маркс).

* * *

Каковы взгляды оппозиции на товарный голод? И каковы предлагаемые ею мероприятия?

Нет нужды, да и возможности разбирать формулировки всех оппозиционных «светил» о природе товарного голода. Ну, что, напр., нам делать с формулировкой т. Смилги, который, можно сказать, одним взмахом расправился с существом товарного голода. По его мнению, «товарный голод неизбежен в условиях нэпа»—и баста (см. статью в № 1 «Экон. Жизнь» за 1926 г.). Поделайте с ним, что хотите. И четкость постановки и глубокомыслие.

Или, например, заявление тов. Сокольникова о сезонном характере товарного голода.

Нет ничего в мире, что могло бы об'ять все исключающие друг друга формулировки, лозунги, заявления, декларации, исправления, улучшения нашего оппозиционного блока! Мы поэтому и не ставим задачи об'ять необ'ятное. Мы лишь отмечаем, что все эти формулировки и т. д.—«стопроцентны» и «истинны».

Копать не раскопать всего кладезя премудрости оппозиционных «вождей».

Бог им судья!

Поэтому для разбора взглядов и предложений оппозиционного блока в вопросе о товарном голоде мы возьмем, главным образом, статьи т. Преображенского—этой «центральной фигуры» в области экономики у нашего оппозиционного блока.

Еще 15 декабря 1925 г. т. Преображенский выступил в «Правде» с первым очерком своих отныне знаменитых «Экономических заметок», число которых ныне благополучно (благополучно с количественной, не с качественной стороны) дошло до четырех.

В первом очерке т. Преображенский сосредоточился на основных причинах товарного голода. И нужно сказать, что в то время многие из нас не по заслугам расхвалили этот анализ т. Преображенского. Мы уже совершенно «абстрагируемся» от т. Троцкого, который до сих пор считает этот анализ верхом совершенства.

Как начинает свой фельетон г. Преображенский? «Что товарный голод является следствием превышения платежного спроса

над предложением—это всем ясно. Что превышение обозначает недостаточное производство в сравнении со спросом, по крайней мере *для данного момента*, т.-е., что товарный голод есть функция недостаточного накопления в промышленности—это тоже очевидно. Но не для всех, повидимому, очевидно, что товарный голод не есть сезонное явление».

Нам кажется, что уже в этом начале заложена ошибка, которая путает все. Действительно, можно ли товарный голод определять, как функцию недостаточного накопления в промышленности? Можно ли от товарного голода непосредственно заключать о недостаточности промышленного накопления? Конечно, нет. Товарный голод может иметь место при весьма напряженном промышленном накоплении. 1925—26 г. демонстрирует это на живом примере. Не может ли усиленное накопление, наоборот, привести не к уменьшению товарного голода, как думает т. Преображенский, а к его обострению? Конечно, может. Ведь накапливаемая доля национального дохода находится в определенном соотношении с потребляемой долей.

Товарный голод означает, что предложение промышленной продукции не соответствует спросу. Это несоответствие может быть вызвано отсталостью промышленности вообще, накапливающей, однако, с величайшим напряжением. Это несоответствие может изживаться как увеличением промышленной продукции, так в строго определенные моменты и, напр., ввозом недостаточных товаров из-за границы.

Это наше замечание о ввозе, несомненно, будет немедленно подхвачено тов. Преображенским, который в раже воскликнет: значит, вы идете «по линии наименьшего сопротивления», вы превращаете «линию наибольшего нэповского напора в линию наименьшего социалистического сопротивления» и т. д.

Не волнуйтесь, пожалуйста! Вам вредно волноваться по каждому поводу. Ведь у вас и без того много волнений с каждым новым изданием вашей «Новой Экономики», когда, совершенно неприлично ругая своих критиков, вы под сурдинку принимаете их критические указания и иной раз значительно меняете текст, не оговаривая этого, и поэтому заставляете своего читателя не только прочитывать каждое новое издание «Новой Экономики» от начала до конца, но и сверять иной раз отдельные предложения в разных изданиях. Мы не против улучшений в вашей книге—было бы хорошо, если бы вы сами дали беспощадную критику «закона первоначального накопления», этой «детской игры» по определению т. Ленина—но мы только просим не ставить себя и читателя в столь неудобное положение.

Наконец, волнение не рекомендуется еще особенно потому, что ведь рыцарями *бесшабашной товарной интервенции* являлись в 1923 г. четыре экономиста, среди которых фигурировала фамилия Е. А. Преображенского[1]), ныне в повышенных тонах из-

1) Напомним соответственный пункт этой резолюции: .....«6) Весьма распространенным, но совершенно неправильным положением является выставленное в резолюции (ЦК. *Г. К.*) требование активного торгового баланса. Это требование по существу означает: вывозить как можно больше, ввозить как можно меньше, и притом ввозить только средства производства. Получаемую разницу накоплять в форме золотого фонда.

Между тем: а) Советская Россия не может позволить себе роскошь тратить средства на переход от банкнот к звонкой монете и должна тратить

обличающего «линию наибольшего нэповского напора». И ведь ни для кого не тайна, каких взглядов на ввоз готовых изделий широкого потребления придерживается до сих пор товарищ по блоку—т. Сокольников.

Одним словом, нельзя товарный голод считать непосредственным выражением недонакопления в промышленности. Это путаница. Наши взгляды на внешнюю торговлю, как важнейший рычаг социалистического строительства, и на допустимость ввоза в отдельных случаях, в периоды обостренного недостатка товаров, предметов широкого потребления, мы высказали выше.

Или вот еще формулировка т. Пятакова: «если вы мне сможете доказать, что страна не имеет средств для более быстрого развития промышленности, тогда я спрошу вас: если добавочных средств нет, то откуда может быть диспропорция?» («Вестник Ком. Академии», кн. 17, стр. 214).

Здесь—непонимание исторической диспропорции и путей ее преодоления. Из'ятие может достигнуть своего предела (при данном уровне накопления во всем народном хозяйстве) и все же *при определенных ценах* будет диспропорция. Конечно, при иной политике цен, исходящей, как из ultima ratio, из закона спроса—предложения, при соответственном повышении цен диспропорция исчезнет.

Тов. Преображенский выдвигает в своем очерке в качестве основной причины товарного голода иное, чем до войны, строение расходного бюджета деревни. Это есть то правильное, что мы находим в статье. (В скобках отметим, что прав также т. Преображенский, когда отрицает взгляды тех (т. Сокольников), кто считает товарный голод сезонным явлением). Действительно, расходный бюджет деревни значительно изменился. Уменьшена сумма налогового обложения, уничтожены арендные платежи, платежи банкам и т. д. Это означает возрастание платежеспособного спроса крестьянства. Но когда т. Преображенский переходит к цифрам, то у нас начинаются большие сомнения. Тов. Преображенский, без указания источников, считает, что в 1912—13 гг. на душу крестьянского населения по 50 губерниям Европейской России падало 10 р. 54 к. прямых и косвенных налогов, в 1924—25 г.—3 р. 56 к. в довоенных рублях. «След., в 1924—25 г. оно платило меньше довоенного в абсолютных цифрах на 815 млн. довоен. руб., или на 1400 млн. червонных рублей» (тов. Преображенский дальше оговаривает, но почему-то не исчисляет разницу на падении дохода крестьянства). От ликвидации арендных платежей крестьянство выиграло «по самому минимальному подсчету 200 млн. довоен. руб. в год, или, примерно, 360 млн.

эти средства на производительные цели; б) ввоз необходимого промышленного сырья (хлопок) развивать как только возможно широко; в) частичный ввоз недостающих предметов широкого потребления мог бы быть *главным и весьма прибыльным* для государства орудием в борьбе с товарной спекуляцией; г) ввоз предметов крестьянского потребления есть важный способ развивать экспорт. С этой точки зрения надо стремиться не к наибольшему перевесу вывоза над ввозом, а к сохранению надежного равновесия между первым и вторым.....

.....Необходимо не провозглашать абстрактный лозунг активного торгового баланса, а приступить к выработке рационального плана и *широко применять товарную интервенцию* (т.-е. частичный ввоз из-за границы недостающих и особенно вздорожавших продуктов)».

См. «Правду» № 1 от 1/I—24 г. «Резолюция об очередных задачах экономической политики».

на наши червонные рубли». В итоге получается весьма крупная сумма. А если принять во внимание, что по последним расчетам крестьянство переплачивало на промышленной продукции в 1925—26 г. 1030 млн. червон. рублей, а в 1926—27 г. 1375 млн. руб. (в том случае, если бы индекс промтоваров совпадал с индексом крестьянского дохода), то, нам кажется, при расчетах т. Преображенского итоговая картина получится *слишком розовая*. В действительности обстоит хуже. Очевидно, ошибка т. Преображенского кроется в этих 10 р. 54 к. прямых и косвенных налогов. Согласно известному исследованию т. Вайнштейна, довоенное душевое обложение крестьянства составляло 6 р. 36 коп.—цифра значительно отличающаяся от цифры т. Преображенского. А тов. П. Попов опубликовал в свое время исчисления ЦСУ, согласно которым *все* из'ятия от сельского населения на одну душу населения составляли в 1913 г. *11 р. 33 к.*, но сюда входили не только прямые и косвенные налоги, но и винный доход, арендные платежи, платежи крестьянскому банку и др. В этих расчетах арендные платежи составляют 284,3 млн. руб. В «Материалах о деятельности СНК, СТО и центральных правительственных учреждений» опубликованы исчисления Наркомзема, согласно которым довоенное обложение—прямые и косвенные налоги и сборы (в том числе платежи за землю)—составляли по 50 губерниям 9 р. 33 к. Те источники, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что в исчислении т. Преображенского лежит *какая-то путаница, сильно искажающая картину*. Цифры, приводимые т. Преображенским для прямого и косвенного обложения, скорее подходят к сумме *всех* из'ятий из сельского хозяйства. Поскольку т. Преображенский своих источников не приводит, постольку окончательное суждение придется временно отложить.

Тов. Преображенский горделиво заканчивает свою «Новую Экономику» заявлением о том, что он имеет «сказать еще многое в защиту (своих) положений и притом с цифрами в руках» (стр. 274, 1-е издание). Когда скажет—тогда и посмотрим. Пока-что предварительный экскурс т. Преображенского в область цифр не внушает нам *никакого доверия*.

И какая ирония судьбы! На февральском пленуме ЦК тов. Троцкий, наоборот, всячески старался ухудшить баланс крестьянства от социалистической революции. По т. Троцкому выходило, что переплаты крестьянства на промышленных изделиях составляют, якобы, 2 млд. руб., которым противостоят 500 млн. руб. выигрыша от уменьшения налогов по сравнению с довоенными. Тов. Троцкий до того увлекся, что, во-первых, при исчислении суммы переплат совершенно *упустил из виду* то обстоятельство, что индекс крестьянских доходов тоже выше довоенного и выше, чем индекс сельскохозяйственных заготовительных цен,—обстоятельство немаловажное; и, во-вторых, второпях забыл перевести сумму в 500 млн. довоенных рублей в червонные и вычитал довоенные рубли из червонных. Пренеприятная история!

Что касается сделанного им противопоставления социалистической революции демократической, то для теоретика «перманентной революции» это, как будто, менее всего простительно. Хороша же «перманентная революция»!

Но сейчас нас интересует другое: сильное расхождение в сторону *несомненного прикрашивания* баланса крестьянства у

т. Преображенского *в конце 1925 г.* и в сторону *явного ухудшения* баланса у т. Троцкого (также у т. Преображенского и др.) *в начале 1927 г.* Новые времена—новые песни.

Таковы наши замечания по первому вопросу. Весьма характерно, что в анализе т. Преображенского мы не находим ни единого словечка об основном явлении в пореволюционной деревне—об *осереднячении деревни*. Между тем, можно ли в анализе изменения взаимоотношений города и деревни, как покупателя промышленной продукции, пройти мимо процесса осереднячения деревни? Разве осереднячение деревни не меняет ничего в товарности и денежности крестьянского хозяйства? В об'еме и структуре платежеспособного спроса деревни? Мы считаем, что в изучении баланса между промышленностью и сельским хозяйством это основное изменение должно быть полностью учтено. Не учитывает его лишь тот, кто не понимает проблемы середняка в социалистическом строительстве.

Переходим ко второму элементу—к зарплате. Анализ т. Преображенского привел его к следующему выводу: «Так как в настоящий момент зарплата меньше, чем до войны, регулируется законом стоимости рабочей силы и еще меньше будет регулироваться в дальнейшем, к выгоде рабочего класса (это особенно относится к оплате неквалифицированных рабочих), то это обстоятельство плюс уменьшение налоговых вычетов из зарплаты должно означать относительно больший из года в год потребительский спрос рабочего класса».

Мы тоже считаем, что платежеспособный спрос рабочего класса будет из года в год значительно возрастать. Но мы считаем сомнительным теоретическое обоснование т. Преображенского. В практической же политике формулировки т. Преображенского опасны тем, что разрывают связь между ростом зарплаты и производительности труда.

Какие выводы делает т. Преображенский из своего анализа длительных причин товарного голода? Следующие три: «Надо признать 1) намеченное расширение промышленности недостаточным; 2) ассигновки по бюджету на промышленность недостаточными и, я бы сказал, даже прямо позорно малыми для социалистического государства; 3) финансовый план, обновление основного капитала и особенно финансовый план новых построек заводов недостаточным и отстающим от темпа развития всего народного хозяйства».

Вот буквально все, что касается длительных причин товарного голода и путей их изживания. Еще большее увеличение плана капитальных работ. Дальнейшее еще большее развертывание промышленности, для чего еще больше усилить перекачку средств из всего народного хозяйства, главным образом, из крестьянского хозяйства.

Перекачка средств может вестись двумя способами: соответствующей политикой цен, политикой высоких промышленных цен, и усилением налогового обложения. Не даром вся экономическая мудрость оппозиции, даже в наиболее ответственных ее документах, всегда возвращается к этим двум китам: «*правильной налоговой политике*» и «*правильной политике цен*»[1]. Да и нельзя выдумать ничего другого.

[1]) См., например, подпольно распространявшийся в свое время так называемый манифест оппозиции, оглашенный на июльском пленуме ЦК: «Задача состоит поэтому в том, чтобы при правильной политике налогов, цен, кредита и проч. достигать такого распределения накоплений города и деревни, при котором несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством преодолевалось бы с наибольшей быстротой».

Единственно, что можно сделать,—это привести еще отдельные сочные формулировки оппозиционных «тигров».

Тот же т. Преображенский, заявивший в Коммунистической Академии по поводу значительных переплат крестьянства на ценах промтоваров, что «это уже не так страшно» («Вестник Ком. Академии», кн. 17, стр. 225). Или тот же т. Преображенский в своих «Экономических Заметках» № 2, распинающийся за «увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод» («Большевик», № 6, 26 г., стр. 63). Или т. Троцкий красочно, с точки зрения «доподлинных» интересов крестьянина ратовавший на апрельском пленуме ЦК за урезание платежеспособного спроса крестьянства: «Я утверждаю: крестьянину было бы выгоднее, если бы его платежеспособный спрос был меньше, т.-е. если бы известное количество его ресурсов находилось в руках государства, а государство могло бы его уменьшенный платежеспособный спрос покрыть полнее, с меньшими розничными накидками». И т. д., и т. п.

Мы еще вернемся к этим суждениям в конце статьи. Читателю же мы рекомендуем *эти* высказывания сравнить с *нынешними* высказываниями т. Преображенского и т. Смилги.

Еще чрезвычайно важно отношение т. Преображенского к задачам в области валюты. Как мы уже видели, самый механизм товарного голода и подрывает устойчивость нашей валюты. Как же формулирует т. Преображенский задачи рабочего государства? А *вот как*: «Прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь *на падающей валюте* (курсив наш. *Г. К.*). Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно и, во-вторых, увеличение отпускных цен на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод» («Большевик», № 6, стр. 63)[1]).

Тов. Преображенский *исходит* из факта *падающей* валюты (хотя наша валюта таковой в то время не являлась и не является). Он принимает этот, якобы, факт, не приглашая ухватиться за противоборствующие силы, которые в экономике имеются. На качания валюты он предлагает ответить повышением цен. Как, может быть, ни неприятно теперь тов. Преображенскому, что ему напоминают эту его постановку, но ему не удастся вывернуться. Он *пригвожден* по этому вопросу *исключительно крепко*.

[1]) И пусть не думает тов. Преображенский вывернуться тем, что будет указывать, что тут шла речь о мерах текущего характера. Не угодно ли в таком случае прослушать, как т. Преображенский формулировал на следующей странице меры *длительного* порядка: «При твердой валюте это будет означать сначала стабилизацию оптовых цен...» Ну, а при падающей валюте? Вот все те «исчерпывающие» формулировки о валюте, которые мы находим и в мерах длительного порядка у т. Преображенского.

Какое отношение имеет политика оппозиции, в частности тов. Преображенского, *к борьбе за устойчивую валюту—этот мост между городом и деревней? Никакого. Решительно никакого.* Наоборот, оппозиционеры предлагали—и от этого никуда не уйти—*подтолкнуть валюту.* Каждый ребенок понимает, что именно и только таков смысл предложения оппозиции, в частности т. Преображенского.

Какое имеет отношение в этом пункте теоретик переходного периода т. Преображенский к Ленину, к ленинизму? *Никакого.* И от этого не удастся отвертеться, ибо Ленин с исключительной ясностью формулировал твердую политику партии в борьбе за устойчивую валюту.

А нет ли каких-либо связей этих практических предложений оппозиции, в частности т. Преображенского, с обще-теоретическими положениями «Новой Экономики»? Нам кажется, что есть. На странице 65, 1-го издания «Новой Экономики» мы читаем: «Эмиссия является также одним из методов первоначального накопления». Ясно, что твердая валюта, введенная нашей партией, охраняемая ею всеми средствами, *выбивает к чорту* этот источник «первоначального социалистического накопления». Закон первоначального накопления терпит тем самым ущерб...

Тов. Преображенскому же мы пожелаем дальнейших лавров в акробатическом сочетании «накопления», да еще «социалистического», с эмиссией, с эмиссионным хозяйством.

Итак, политика высоких цен, политика повышения цен, налоговый винт и падающая валюта—что это такое?

Это—неизбежные «ножницы» между сельскохозяйственными и промышленными ценами. Это—*увеличение диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.* Это—*«загоняние товарного голода внутрь хозяйственного организма».*

Оппозиция предлагает *отрицательные* методы борьбы с товарным голодом, методы, которые не подымают страну диалектически, сквозь строй противоречий, вверх, а толкают ее вниз. Эти методы неизбежно означают *приостановку* и *регресс сельского хозяйства.* Эта невиданно узкая, цеховая точка зрения — безоглядное развертывание промышленности, безоглядное развертывание капитальных работ—никак не может понять *обусловленности социалистического накопления накоплением крестьянским.* А ведь эта обусловленность говорит в настоящее время властным языком на примере сельскохозяйственных технических культур. Лозунг безоглядного развертывания капитальных работ бит на практике целиком и полностью. Неблагоприятные симптомы и явления в развитии сельскохозяйственных технических культур могут при их углублении создать не малые препятствия на пути индустриализации Советского Союза.

* * *

Из какой общей установки вытекает эта программа практических мероприятий оппозиционного блока? Ясно, что, во всяком случае, не из ленинской. Мы не сделаем никакой ошибки, если увяжем ее с общей установкой, теоретически «обоснованной» в «Новой Экономике» т. Преображенского, если увяжем ее с троцкизмом.

«*Пробежать быстрее* этот период, *поскорее достигнуть того момента,* когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом,—это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере так стоит вопрос сейчас для СССР» («Новая Экономика», стр. 63, 1-е издание).

Формулировка же Ленина гласила: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед *несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством,* доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед.

Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого *архи-медленного* и *архи-осторожного движения,*—эти голоса будут одиноки» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 70).

Противоречие этих формул очевидно.

(*Окончание следует*).

К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве.

(*Письмо тов. ДМИТРИЕВА и ответ тов. СТАЛИНА*).

Уважаемые товарищи!

Прошу осветить на страницах вашего журнала следующий вопрос, волнующий нас и не находящий в нашей среде достаточного выяснения.

Вопрос касается социальной сущности нашего правительства и государства.

Тов. Сталин, отвечая на вопрос: «рабоче-крестьянское правительство—фактически, или как агитационный лозунг», сказал: «наше правительство, будучи пролетарским по своей программе и по своей работе, является, вместе с тем, правительством рабоче-крестьянским, так как коренные интересы основной массы крестьянства целиком и полностью совпадают с интересами пролетариата», и по др. причинам, указанным т. Сталиным.

Возникает вопрос: можно ли формулу т. Сталина применить и при определении социальной сущности нашего государства, т.-е. определить наше государство как пролетарское по своей программе, целям, но вместе с тем и рабоче-крестьянское (не потому, что крестьянство—соучастник власти; все согласны, что пролетариат власти с крестьянством не делит), а потому, что коренные интересы крестьянства (основной его массы) совпадают с интересами пролетариата, и по другим причинам, перечисленным т. Сталиным в ответе о правительстве.

В споре выявились три точки зрения:

1) Тов. Сталин неправ. Лозунг: «рабоче-крестьянское правительство» есть только агитационный лозунг. На деле и наше правительство и наше государство являются только пролетарскими, и никаких «вместе с тем» прибавлять сюда нельзя, так как это «оссовщина».

2) Тов. Сталин прав, отрицая, что лозунг «рабоче-крестьянское правительство» есть только агитационный, при чем эти товарищи все же прибавляют к определению характера нашего правительства как «рабоче-крестьянское» (вторая часть формулы т. Сталина, с которой они согласны) кавычки и слова «так называемое» и пр.

В конечном счете их точка зрения такова: наше государство пролетарское (и только), а правительство пролетарское, но, вместе с тем, так называемое «рабоче-крестьянское» по при-

чинам, указанным тов. Сталиным. Эти товарищи считают, что государство по социальной природе может быть одно, а правительство совсем другое. Например, в Англии государство оставалось капиталистическим, а правительства менялись: было Макдональдовское рабочее (ведь выбирали же его рабочие, что является историческим фактом), потом Болдуина и проч.

Другой их пример: в случае победы пролетарской революции только на острове Великобритании (без колоний), там правительство будет рабочее, а у нас оно и рабоче-крестьянское, а государство в том и другом случае будет пролетарское.

3) Все то, что сказано т. Сталиным о характере нашего правительства, применимо и к определению социальной сущности нашего государства (см. подробнее выше). Эти товарищи считают несостоятельным первое мнение, так как оно может принести партии вред легкомысленным подходом к проблеме союза пролетариата с крестьянством. Вторая точка зрения грешит формализмом (пример с макдональдовщиной) и эклектизмом, так как между правительством и государством должно быть социальное соответствие и разрывать одно от другого нельзя.

Прошу редакцию Вашего журнала, постоянными читателями которого мы состоим, ответить, какая из этих точек зрения вернее. Мы убеждены, что путаница в этом вопросе все еще царит в партийных умах. Грех всех товарищей, освещающих этот вопрос, в том, что они говорят или только о правительстве или же только о государстве, а потому не дают окончательного ответа, совсем упуская из виду, какое отношение должно быть между этими понятиями.

Ждем ответа.

С коммунистическим приветом *А. К. Дмитриев.*

Тов. Дмитриев!

Ваше письмо от 14. 1. с. г. в «Большевик» по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве переслали мне в ЦК для ответа. В виду перегруженности отвечаю с опозданием, за что прошу извинения.

1) Нельзя ставить вопрос так, как ставят его некоторые товарищи: «рабоче-крестьянское правительство—фактически, или как агитационный лозунг». Нельзя говорить, что, хотя на деле и нет у нас рабоче-крестьянского правительства, но, тем не менее, мы можем говорить о рабоче-крестьянском правительстве, как агитационном лозунге. При такой постановке вопроса выходит, что наша партия может давать внутренне фальшивые лозунги, которые на деле являются несостоятельными, в которые не верит сама партия, но которые все же пускаются в ход партией для того, чтобы обмануть массы. Так могут поступать эсеры, меньшевики, буржуазные демократы, так как расхождение между словом и делом и обман масс является одним из основных орудий этих умирающих партий. Но так не может ставить вопрос наша партия никогда и ни при каких условиях, ибо она есть партия марксистская, партия ленинская, партия восходящая, черпающая свою силу в том, что у нее не расходится слово с делом, она не обманывает массы, она говорит массам лишь

правду и строит свою политику не на демагогии, а на научном анализе классовых сил. Вопрос надо поставить так: *либо* у нас нет рабоче-крестьянского правительства,—и тогда лозунг о рабоче-крестьянском правительстве нужно отбросить, как ненужный и фальшивый лозунг, *либо*, у нас есть на деле рабоче-крестьянское правительство, существование такого правительства соответствует состоянию классовых сил,—и тогда лозунг о рабоче-крестьянском правительстве является лозунгом правильным и революционным. Одно или другое. Тут надо выбирать, т. Дмитриев.

2) Вы называете лозунг о рабоче-крестьянском правительстве «формулой т. Сталина». Это совершенно неверно. На самом деле этот лозунг или, если хотите, эта «формула», является лозунгом Ленина, а не кого-либо другого. Я только повторил его в «Вопросах и ответах». Возьмите XV том сочинений Ленина—стр. 12, 14, 16, 38, 52, 79, 348; XVI том—стр. 28, 29, 315; XVIII т.; ч. 1—стр. 96, где Ленин называет советскую власть *«рабоче-крестьянским правительством»*, возьмите XV том—стр. 228, 322, 340, 341. 345; XVI том—стр. 95, 164, 301, 303 307, 378, 379; XVII том—стр. 56, 105, 320, 340, 403, 419, 420; XVIII том, ч. 1—стр. 94, 111, 223, где Ленин называет советскую власть *«рабоче-крестьянской властью»*,—возьмите все эти, а также и некоторые другие произведения Ленина, и вы поймете, что лозунг или «формула» рабоче-крестьянского правительства является лозунгом или «формулой» Ленина, а не кого-либо другого.

3) Ваша основная ошибка состоит в том, что вы смешиваете: а) вопрос о нашем правительстве с вопросом о нашем государстве; б) вопрос о классовой природе нашего государства и нашего правительства с вопросом о повседневной политике нашего правительства.

Нельзя смешивать, а, значит, и отождествлять наше государство с нашим правительством. Наше государство есть организация *класса* пролетариев в государственную власть, призванную подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, ликвидировать классы и т. д. Наше же правительство есть *верхушка* этой государственной организации, ее руководящая верхушка. Правительство может ошибаться, оно может допустить ошибки, угрожающие временным провалом диктатуре пролетариата, но это еще не будет означать, что пролетарская диктатура является неправильной или ошибочной, как принцип построения государства в переходный период,—это будет означать лишь то, что руководящая верхушка плоха, что политика руководящей верхушки, политика правительства не соответствует диктатуре пролетариата, что эта политика должна быть изменена *в соответствии* с требованиями диктатуры пролетариата. Государство и правительство однородны по своей классовой природе, но правительство уже по об'ему, и оно не покрывает государства. Они связаны между собою органически и зависят друг от друга, но это еще не значит, что их можно валить в одну кучу.

Вы видите, что нельзя смешивать вопрос о нашем государстве с вопросом о нашем правительстве так же, как нельзя смешивать вопрос о классе пролетариев с вопросом о руководящей верхушке класса пролетариев.

Но еще больше недопустимо смешение вопроса о классовой природе нашего государства и нашего правительства с вопросом о повседневной политике нашего правительства. Классовая природа нашего государства и нашего правительства ясна сама собой,—она пролетарская. Цели нашего государства и нашего правительства тоже ясны,—они сводятся к подавлению сопротивления эксплуататоров, к организации социалистического хозяйства, к уничтожению классов и т. д. Все это ясно. К чему сводится, в таком случае вопрос о повседневной политике нашего правительства? Он сводится к вопросу о тех *путях* и *средствах*, при помощи которых могут быть осуществлены классовые цели пролетарской диктатуры в нашей крестьянской стране. Пролетарское государство необходимо для того, чтобы подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, уничтожить классы и т. д. Наше же правительство необходимо, кроме всего этого, еще для того, чтобы наметить те *пути* и *средства* (повседневная политика), без которых немыслимо осуществление этих задач в нашей стране, где пролетариат составляет меньшинство, где крестьянство является огромным большинством. Что это за пути и средства, к чему они сводятся? Они сводятся в основном к мероприятиям, направленным к сохранению и укреплению *союза* рабочих и основной массы крестьян, к сохранению и укреплению *руководящей роли* стоящего у власти пролетариата в этом союзе. Едва ли нужно доказывать, что вне *такого* союза и помимо *такого* союза наше правительство было бы бессильно, и мы не имели бы возможности притти к осуществлению тех задач диктатуры пролетариата, о которых я только-что говорил. Как долго будет существовать этот союз, эта смычка, и до какого времени будет продолжаться политика советского правительства по укреплению такого союза, по укреплению такой смычки? Ясно, что до того времени, пока есть классы и пока будет существовать правительство, как выражение классового общества, как выражение диктатуры пролетариата. При этом надо иметь в виду, что: а) союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянства, как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства; б) политика советского правительства по укреплению этого союза рассчитана не на закрепление, а на уничтожение классов, на ускорение темпа уничтожения классов. Ленин был, поэтому, совершенно прав, когда он писал: «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (том XVIII, ч. 1, стр. 331). Нет нужды доказывать, что именно это положение Ленина, а не что-либо другое, является руководящей линией советского правительства в его повседневной политике, что политика советского правительства на данной стадии развития есть, по сути дела, политика сохранения и укрепления *такого* именно союза рабочих и основной массы крестьян. *В этом смысле*,—но только в этом смысле, а не в смысле своей классовой природы,—советское правительство является правительством *рабоче-крестьянским*. Не признавать этого значит сойти с пути ленинизма, стать на путь отрицания идеи смычки, идеи союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства. Не признавать этого, значит считать, что смычка есть махинация, а не реальное революционное дело, что мы ввели нэп для «агитации», а не для социали-

стического строительства совместно с основными массами крестьянства. Не признавать этого, значит считать, что *коренные* интересы основных масс крестьянства не могут быть удовлетворены нашей революцией, что эти интересы находятся в непримиримом противоречии с интересами пролетариата, что мы не можем и не должны строить социализм совместно с основными массами крестьянства, что кооперативный план Ленина несостоятелен, что меньшевики и их подголоски правы и т. д. Стоит только поставить эти вопросы, чтобы понять всю гнилость и никчемность «агитационного» подхода к кардинальному вопросу о смычке. Вот почему я говорил в своих «Вопросах и ответах», что лозунг рабоче-крестьянского правительства является не «демагогией», не «агитационным» маневром, а безусловно правильным и революционным лозунгом.

Короче: одно дело—вопрос о классовой природе государства и правительства, определяющей основные цели развития нашей революции, и другое дело—вопрос о повседневной политике правительства, о *путях* и *средствах* этой политики, необходимых для осуществления этих целей. Оба эти вопроса безусловно связаны между собой. Но это еще не значит, что они тождественны, что их можно валить в одну кучу.

Вы видите, что нельзя смешивать вопрос о классовой природе государства и правительства с вопросом и повседневной политике правительства.

Могут сказать, что тут есть противоречие: как можно называть пролетарское по своей классовой природе правительство правительством рабоче-крестьянским? Но противоречие тут мнимое. Собственно говоря, тут такое же «противоречие», какое стараются усмотреть некоторые наши любомудры между двумя формулами Ленина о диктатуре пролетариата, из которых первая формула говорит, что «диктатура пролетариата есть власть *одного* класса» (том XVI, стр. 282), а вторая формула говорит, что «диктатура пролетариата есть *особая форма классового союза* между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.)» (том XVI, стр. 241). Есть ли противоречие между этими двумя формулами? Конечно, нет. Как же достигается, в таком случае, власть *одного* класса (пролетариата) при классовом союзе, скажем, с основной массой крестьянства? Путем осуществления руководящей роли стоящего у власти пролетариата («авангард трудящихся») в этом союзе. Власть одного класса, класса пролетариев, осуществляемая при помощи союза этого класса с основной массой крестьянства в порядке *государственного* руководства этим последним,—вот основная мысль этих двух формул. Где же тут противоречие? А что значит *государственное* руководство пролетариата в отношении основной массы крестьянства? Есть ли это такое же руководство, какое имело место, например, в период буржуазно-демократической революции, когда мы добивались диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, это не такое руководство. *Государственное* руководство пролетариата в отношении крестьянства есть руководство при диктатуре пролетариата. *Государственное* руководство пролетариата означает, что: а) буржуазия уже свергнута, б) у власти стоит пролетариат, в) пролетариат не делит власти с другими классами, г) пролетариат строит социализм, ведя за собой основные массы крестьянства. Руководство же пролетариата при буржуазно-демократической революции и диктатуре пролетариата и крестьянства означает, что: а) капитализм остается, как основа, б) у власти стоит революционно-демократическая буржуазия, представляющая преобладающую силу в составе власти, в) демократическая буржуазия делит власть с пролетариатом, г) пролетариат высвобождает крестьянство из-под влияния буржуазных партий, руководит им идейно-политически и подготовляет борьбу для свержения капитализма. Разница тут, как видите, коренная.

То же самое нужно сказать по вопросу о рабоче-крестьянском правительстве. Какое может быть противоречие в том, что пролетарская природа нашего правительства и вытекающие отсюда социалистические задачи не только не мешают ему, но, наоборот, толкают его, необходимо толкают на проведение политики сохранения и укрепления рабоче-крестьянского союза, как важнейшего средства достижения социалистических классовых задач пролетарской диктатуры в нашей крестьянской стране, что это правительство называется в виду этого рабоче-крестьянским правительством? Не ясно ли, что Ленин был прав, проводя лозунг рабоче-крестьянского правительства и квалифицируя наше правительство, как правительство рабоче-крестьянское?

Вообще нужно сказать, что «система диктатуры пролетариата», при помощи которой проводится в нашей стране власть одного класса, власть пролетариата,—вещь довольно сложная. Я знаю, что некоторым товарищам не нравится, не по вкусу эта сложность. Я знаю, что многие из них предпочли бы, с точки зрения «принципа наименьшей траты сил», иметь дело с более простой и более легкой системой. Но что поделаешь: во-первых, ленинизм надо брать таким, каков он есть на самом деле (нельзя упрощать и вульгаризировать ленинизм), во-вторых, история говорит, что самые простые и самые легкие «теории» далеко не всегда являются самыми правильными.

4) Вы жалуетесь в своем письме: «Грех всех товарищей, освещающих этот вопрос, в том, что они говорят или только о правительстве или же только о государстве, а потому не дают окончательного ответа, совсем упуская из виду, какое отношение должно быть между этими понятиями». Я признаю, что такой «грех», действительно, имеется за нашими руководящими товарищами, особенно если иметь в виду то обстоятельство, что некоторые не очень прилежные «читатели» не хотят сами вчитаться хорошенько в сочинения Ленина и требуют, чтобы им разжевали основательно каждую фразу. Но что поделаешь: во-первых, наши руководящие товарищи слишком заняты и обременены текущей работой, что не дает им возможности заняться раз'яснением ленинизма, как говорится, по пунктам; во-вторых, надо же кое-что оставить и для «читателей», которые должны же, наконец, перейти от легкого *чтения* сочинений Ленина к серьезному *изучению* ленинизма. А нужно сказать, что без серьезного изучения ленинизма со стороны «читателей» жалобы, в роде вашей, и «недоразумения» всегда будут иметь место.

Взять, например, вопрос о нашем государстве. Ясно, что государство наше является, как по своей классовой природе, так и по своей программе, по своим основным задачам, по своим действиям, по своим делам,—пролетарским государством, рабо-

чим государством, правда, с известным «бюрократическим извращением». Вспомните определение Ленина: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (том XVIII, ч. 1, стр. 33). Сомневаться в этом могут разве только меньшевики, эсэры, да кое-кто из наших оппозиционеров. Ленин неоднократно раз'яснял, что наше государство есть государство пролетарской диктатуры, а пролетарская диктатура есть власть одного класса, власть пролетариата. Все это известно давным-давно. А меж тем существует не мало «читателей», которые были и все еще остаются в претензии на Ленина по поводу того, что Ленин иногда называл наше государство государством «рабоче-крестьянским», хотя не трудно понять, что Ленин имеет в виду при этом не определение классовой природы нашего государства и, тем более, не отрицание пролетарской природы этого государства, а то, что пролетарская природа советского государства ведет к необходимости смычки пролетариата и основных масс крестьянства, в виду чего политика советского правительства должна быть направлена на укрепление этой смычки. Возьмите, например, XV том—стр. 55, XVII том—стр. 26, 54, 420, XVIII том, ч. 1—стр. 12, 111, 119, 380. Во всех этих трудах, а также и в некоторых других произведениях Ленин квалифицирует наше государство, как государство *«рабоче-крестьянское»*. Но было бы странно не понимать, что Ленин имеет в виду во всех этих случаях не характеристику классовой природы нашего государства, а определение той политики укрепления смычки, которая вытекает из пролетарской природы и социалистических задач нашего государства и нашего правительства в условиях нашей крестьянской страны. В этом условном и ограниченном смысле, *но только в этом смысле*, можно говорить о «рабоче-крестьянском» государстве, что и делает в указанных местах своих трудов Ленин. Что касается классовой природы нашего государства, то я уже говорил выше, что Ленин дал на этот счет точнейшую формулировку, не допускающую никаких кривотолков: рабочее государство с бюрократическим извращением в стране с преобладанием крестьянского населения. Кажется, ясно. Тем не менее, некоторые «читатели», умеющие «читать» буквы, но не желающие понять прочитанное, все еще продолжают жаловаться, что Ленин их «запутал» в вопросе о природе нашего государства, а «ученики» не хотят «распутать» «запутанное». Смешновато немного, т. Дмитриев...

Вы спросите: где же выход из «недоразумений»? Выход, помоему, один: изучать Ленина не по отдельным цитатам, а по существу, изучать серьезно и вдумчиво, не покладая рук. Другого выхода я не вижу.

И. Сталин.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе, исправленное и дополненное. Под редакцией Л. Б. Каменева. Госуд. Издат-ство. Ленинград, 1926 г., т. I, 1893—1896 гг., стр. XXII+535. Т. II, 1897—1899 гг., XLVIII+667. Т. III. Развитие капитализма в России. VIII+614. Т.т. I и II подготовлены к печати И. П. Товстухой, т. III—Н. Г. Петровым.

«Собрать воедино всё литературно-политическое наследие Владимира Ильича, поскольку оно в той или иной форме, но достоверно записано»,—такова цель настоящего издания. Таким образом, в собрание сочинений должно войти всё, что написано и опубликовано самим Владимиром Ильичем (или с его ведома и по его указанию), а также стенограммы его устных выступлений. Несмотря на то, что редакция, подготовляя к печати это второе издание сочинений, располагала огромным количеством подлинных рукописей и обладает полным комплектом всех тех изданий, в которых Владимир Ильич сотрудничал, тем не менее она не может и в данное время претендовать на то, что удастся собрать все им написанное, так как главная масса произведений написана В. И. в качестве нелегального публициста. Многое из того, что было написано нелегально—утеряно. Не установлено авторство многих анонимных произведений. До сих пор не найдены второй выпуск замечательной работы Владимира Ильича «Что такое друзья народа?», рукописный разбор «Эмпириомонизма» А. Богданова и критика книги В. В. Такой ценнейший документ, как первоначальный проект программы партии (1896 г.), оказалось возможным восстановить лишь с большими из'янами.

Текст настоящего издания во всех тех случаях, когда это представлялось возможным,—сверен с рукописями и лишь при отсутствии таковых принимались во внимание наиболее близкие к рукописи по времени печатные издания. Говорить о важности сверки печатных текстов с подлинниками не приходится. Достаточно отметить хотя бы такой факт, что, если бы случайно в распоряжении Института Ленина не оказалась рукопись статьи Ленина об аграрной программе партии (1902 г.), мы так и не знали бы, что уже в 1902 г. Ленин защищал идею национализации земли против большинства редакции «Искры» (см. «Ленинский Сборник», т. III).

По сравнению с первым изданием значительно расширен так называемый научный аппарат: примечания, материалы, документы. Редакция совершенно правильно замечает, что новое собрание сочинений Ленина «должно стать своего рода энциклопедией по истории партии». В расположении материала во втором издании проведен, еще более строго, чем в первом, единственно правильный принцип хронологической последовательности.

Это не значит, конечно, что такая, например, замечательная работа, как «Развитие капитализма в России» (соч. т. III настоящего издания), не может быть изучаема сама по себе, как самостоятельное произведение научной экономической мысли, однако, огромное общественное значение этой работы может быть понято только в связи с историей развития марксистских идей в России. Ленин никогда не ставил перед собой исследовательских задач, оторванных от живой жизни и революционной борьбы пролетариата. Ленин сочетал в себе холодный анализ

ученого-марксиста с пламенным сердцем революционера. Именно поэтому научные работы Ленина всегда были созвучны современности, их никак нельзя было оторвать от живого революционного дела.

Для тех, кто переживал 90 годы, будет особенно понятно то огромное значение, которое имело в то время эта замечательная книга Ленина. Она дала в руки марксистов совершенно исключительное и незаменимое оружие в борьбе за революционно-марксистскую идеологию против реставрированного народничества. Таких примеров, когда Ленин «уходил» в науку для того, чтобы с точки зрения научной марксистской мысли осветить тот или иной волнующий партию вопрос, можно было бы привести немало: достаточно упомянуть хотя бы такие работы как «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция» и др. И опять-таки, как бы ни были ценны эти работы сами по себе, они приобретают еще большую ценность в связи с определенным периодом в истории нашей партии.

Таким образом расположение материала в строго хронологической последовательности вполне обосновано, и редакция совершенно правильно замечает, что «по сочинениям Ленина подлинный ученый мог бы воссоздать историю и условия освободительной борьбы рабочего класса конца XIX и первой четверти XX вв., если бы даже кроме этих сочинений не сохранилось никаких других памятников этой эпохи». Новое издание и по расположению материала, и по обилию приложений, примечаний, наконец, иллюстраций не может даже сравниваться с первым изданием, в котором расположение материала было не всегда хронологически выдержано. Из новых статей, разысканных уже после выхода в свет 1-го издания, отметим напечатанную в 1895 г. в «Самар. Вестнике» статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимиазии» (по поводу статей Южакова в «Русск. Богатстве») и статью о «Фридрихе Энгельсе», напечатанную в «Женевском Работнике» в 1896 г. Статья о «Гимназических хозяйствах» не была закончена в «Самарск. Вестнике» вследствие ареста В. И. в декабре 1895 г., впоследствии эта тема была подробно разработана в большой статье «Перлы народнического прожектёрства», впервые напечатанной в сборнике «Экономич. этюды и статьи». Обе статьи были уже опубликованы в XX (дополнительном) томе соч. Ленина. Если принадлежность статьи о «гимназических хозяйствах» Ленину не возбуждала *никаких* сомнений, то над установлением авторства статьи по поводу смерти Энгельса была совершена большая работа и приведен ряд доказательств. Рассмотрим эти доказательства. Прежде всего, это примечание Б. Николаевского к письму Аксельрода к Плеханову (Переписка, т. I, стр. 118), в котором он высказывает два предположения: 1) что статья была прислана из России и 2) что «не исключена возможность» принадлежности этой статьи Ленину. Б. Николаевский говорит, что статья потому не могла быть написана за границей, что «такую тему случайному сотруднику редакция не поручила бы» и «ее писал бы кто-либо из членов «Группы Осв. Труда» (что в данном случае, по мнению Н., исключается). Но допуская принадлежность статьи Ленину, почему не предположить, что Ленин писал ее *именно* за границей (в Берлине), в августе 1895 года под свежим впечатлением смерти Энгельса? Это тем более вероятно, что фактический материал о жизни и литературных работах Маркса и Энгельса, использованный в статье, гораздо легче было достать в Германии. Наиболее сильным доводом за принадлежность статьи Ленину является соображение редакции о самом стиле статьи, и мы бы добавили—сопоставление некоторых мест (особенно о применении гегелевского метода к анализу общественных явлений), с той частью «Друзей

народа», где трактуется та же самая тема в полемике с Михайловским (стр. 88—94 настоящ. издания). Мы также *думаем*, что статья «Фридрих Энгельс» принадлежит Ленину (смущает только эпиграф: Владимир Ильич, насколько нам известно, в отличие от Плеханова не любил снабжать свои статьи эпиграфами). По всем этим соображениям редакции лучше было бы воздержаться от утверждения, что статья «*безусловно*» принадлежит Ленину, и уж во всяком случае в «Основных вехах» жизни Ленина за 1895 г. на ряду *с точными данными* не следовало бы говорить о том, что *в ноябре* В. И. «посылает за границу свою статью «Ф. Энгельс».

Из больших работ первой половины 90-х годов в 1 томе помещены: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893 г.), «Что такое друзья народа?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве»; эта последняя работа во многих отношениях представляет собой как бы конспект позднейших экономических работ Владимира Ильича, в особенности «Развития капитализма».

В списке не разысканных произведений Ленина, относящихся к началу 90-х годов, редакция упоминает о статье, посвященной критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России». Нам кажется, что здесь имеется некоторая неясность. Тов. С. Мицкевич в статье «Как появились «Друзья народа» действительно говорит, что в самарский период жизни Владимира Ильича до осени 1893 г. В. И. написал статью, посвященную критике книги В. В. «Судьбы капитализма в России», но уже совсем ни на чем не основано предположение редакции, что и А. Ганшин имеет в виду *именно* эту статью Ленина. «...Когда В. И. приехал в Петербург из Самары,—пишет А. Ганшин (см. его «Воспоминания»),—то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В.». Но ведь это же—*точное* заглавие известной книги Волгина (Плеханова), изданной впервые в 1896 г.; таким образом ссылаться на А. Ганшина возможно лишь для подтверждения того, что В. И. читал в 1893 г. реферат о книге В. В., но о *какой именно* книге—свидетельство А. Ганшина не достоверно. Точно так же ничего о критике известной книги В. В. не говорит и М. И. Семенов (Бланк), на которого ссылается редакция. М. Семенов говорит, что на собраниях в квартире Скляренко В. И. читал свои статейки о работах Н-она, Постникова, В. В. Карышева и др. Таким образом, только т. С. И. Мицкевич упоминает о критике книги В. В. «Судьбы капитализма». Возникает невольное сомнение в точности воспоминаний т. Мицкевича касательно *названия* книги В. В., о которой читал в 1893 г. свой реферат В. И. В те годы с именем В. В. и его теорией обычно связывалась его книга «Судьбы капитализма в России», и в своих воспоминаниях т. С. И. Мицкевич легко мог допустить неточность. Зачем в 1893 г. понадобилось В. И-чу читать реферат о книге В. В., вышедшей в 1880 году? В. И. уже тогда живо отзывался на современные, новые работы «столпов» народничества. Книга Постникова вышла зимой 1891 г., и В. И. *до осени* 1893 г. уже читал о ней реферат в Самаре. М. И. Семенов говорит, что в этот же период В. И. читал в квартире Скляренко «свои статейки», в которых критиковались «труды В. В., Карышева и др.».

Надо заметить, что как раз в 1892—1893 гг. и вышли в свет «труды» В. В. и Карышева—под общим заглавием: «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: т. I. В. В. «Община», т. II «Крестьянские вненадельные аренды». Вот эти именно «работы», повидимому, и критиковал в 1893 г. В. И.; он их не мог обойти потому, что это были действительно большие обобщающие статистические исследования. О них между прочим упоминает В. И. в статье о книге Постни-

кова. Надо еще заметить, что «Судьбы капитализма» В. В. были своевременно разобраны Плехановым в «Наших разногласиях», и потому вряд ли представлялась надобность подвергать эту книгу специальной критике в 1893 г.

Нам неоднократно уже приходилось указывать (статьи в «Большевике», «Известиях» и отчасти в книге «Легальный марксизм») на то огромное значение, которое имеют первые работы Ленина при изучении истории нашей партии. Обычно историю партии большевиков начинают со II с'езда РСДРП, когда «неожиданно» наметились разногласия с меньшевиками по целому ряду вопросов. Не пора ли внести кое-какие корррективы в учебники политграмоты и формальному изложению разногласий противопоставить действительную историю двух течений среди росс. с-дии, двух комплексов идей?

В предисловии к сборнику «За 12 лет» (СПБ, 1908 г.) Ленин, вспоминая о своей статье против Струве в «Маркс. Сборнике» за 1895 г., писал: «...Следует обратить внимание на последние страницы этой книги, где подчеркиваются *положительные* в глазах марксиста черты и формы народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это—теоретическая формулировка тех самым положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в левом блоке на выборах во 2 Думу и в «лево-блокистской тактике». Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционной социал-демократии».

Это заявление Ленина *обязывает* всякого, кто хотел бы уяснить себе «две тактики» русской с-дии в буржуазной революции 1905 г.— изучить прежде всего работы Ленина 90-х годов. Изучая «Друзей народа» и критику известной книги Струве, не трудно заметить, что уже в этих статьях наметились два течения русской марксистской мысли, «две тактики». Всякий, кто хотел бы проследить развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу, должен будет начать с самых ранних его сочинений 90-х годов. В них—в этих сочинениях—Ленин уже выдвигал идею национализации земли и защищал целый ряд крестьянских требований в «интересах свободного развития классовой борьбы в деревне». Эти свои взгляды, но уже более точно и обстоятельно Ленин защищал в 1902 г. против большинства редакции «Искры». В тех же основных работах 90-х годов впервые было формулировано отношение пролетариата к либеральной и мелкой буржуазии, то-есть борьба «на два фронта»: и против буржуазной идеологии Струве и К^{0}, и против реакционно-утопических требований народничества.

Таким образом, первый том нового собрания сочинений Ленина, как это правильно замечает редакция, «дает связную картину развития политической мысли вождя рабочего класса в момент формирования коммунистического движения пролетариата и выработки основных линий идеологии, политики и тактики нашей партии».

Второй и третий томы охватывают работы Ленина с 1897 по 1899 гг. включительно. Это было время, наиболее широкого использования Лениным легальной литературы. Так в «Новом Слове»—органе «легальных» марксистов была напечатана большая работа В. И. «К характеристике экономического романтизма», вошедшая затем в сборник «Экономические этюды и статьи», составленный отчасти из статей, напечатанных в легальных марксистских журналах, отчасти из статей, написанных для тех же легальных журналов, но—за их закрытием—не опубликованных.

К этому же периоду (1899) относится и выход в свет исключительной по своему научному и общественному значению работы Ленина «Развитие капитализма в России». Это сочинение занимает весь третий том настоящего издания.

В статье «К характеристике экономического романтизма», сопоставляя общие всему народничеству политико-экономические взгляды со взглядами утописта и реакционера Сисмонди, Ленин как бы завершает критику народничества. «Экономическое учение народников,—говорит Ленин,—есть лишь русская разновидность общеевропейского романтизма, т. е. критика капитализма с точки зрения мелкого собственника».

Однако Ленин считал далеко не достаточным ограничиться *только* критикой народничества; надо было разрушить прочно сложившееся убеждение в том, что народническая теория опирается, якобы, на серьезные научно-статистические исследования, нужно было подвергнуть критике огромный материал, собранный земской статистикой и пересмотреть этот материал с точки зрения марксистской методологии. Перегруппировка материалов земской статистики показала совсем иное лицо деревни, обнаружила значительную степень расслоения крестьянства, образования деревенской бедноты на ряду с ростом сельской буржуазии. Замечательная работа Ленина вконец развенчала исконную народническую теорию о невозможности развития капитализма в России из-за отсутствия внутреннего рынка, который якобы разрушается самым фактом проникновения капитализма в земледелие. Огромным цифровым материалом Ленин доказал, что самый факт отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой неизбежно приводит, с одной стороны, к образованию новых, самостоятельных отраслей промышленности, с другой—к обращению натурального крестьянского хозяйства в товарное.

Анализом огромного статистического материала Ленин блестяще доказал то положение Маркса, что развивающийся капитализм сам создает внутренний рынок путем разложения непосредственных производителей на капиталистов и рабочих.

Экономисты-народники совершенно не исследовали конкретных форм капиталистического перенаселения в России. Они, как, напр., Н-он и В. В., пытались жалкими расчетами об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих доказать нежизненность капитализма на русской почве, в стране мелкого крестьянского хозяйства. Они не поняли того факта, что капитализм у нас, как и всюду, строил свое благополучие на экспроприации непосредственных производителей и на создании многомиллионной массы наемных рабочих. «Развитие капитализма в России» явилось не только в руках марксистов незаменимым оружием в борьбе с народничеством, но и послужило основанием программы и тактики русской социал-демократии.

Надо иметь в виду, что эта замечательная книга Ленина вышла в свет в период начавшегося идейного шатания и разброда в среде самих марксистов с одной стороны («бернштейнианство», «экономизм») и накануне возрождения народничества в виде партии «социалистов-революционеров»—с другой. Законченная, казалось, идеологическая борьба с народничеством вновь закипает и окрашивается в ярко политический цвет. Из области теоретических споров пришлось перейти к вопросам и фактам текущей политической жизни. Реставрируется старое народничество и народовольчество. Создается новая теория «социализации» земли; крестьянство, как таковое, выдвигается в качестве основной силы в борьбе с самодержавием. Террор противопоставляется массовой борьбе пролетариата. Появляются книги, брошюры, газеты, доказывающие преимущества и жизненность мелкого производства в земледелии перед

крупным; коротко говоря—борьба народничества с марксизмом из легальной литературы переходит в подполье и затягивается на многие годы. В этих новых схватках с народничеством «Развитие капитализма в России» явилось могущественным теоретическим оружием в руках соц.-демократов.

И в период открытых выступлений и борьбы различных политических партий за влияние на широкие народные массы, в 1906 г., «Развитие капитализма» попрежнему являлось в руках соц.-демократии той тяжелой артиллерией, от обстрела которой неизменно рушились эсэровские эклектические построения. И в период реакции и столыпинской попытки разрешения аграрного вопроса книга Ленина вновь приковывала к себе внимание партийной мысли. В письме к т. И. Скворцову от 16/XII—1909 г. В. И. писал: «Что доказывал и доказал Ильин?» спрашивал Ленин, имея в виду именно «Развитие капитализма»?—«Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два. Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным... *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885 гг. и в 1895—1899 гг., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос... И, по моему крайнему разумению, Ильин был прав, когда в предисловии ко 2 изданию книги указал, что из нее *вытекает* возможность *двух* видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба *этих видов* еще не закончена... Национализация земли—крестьянская ломка землевладения, есть экономическая основа американского пути. Закон 9/XI—1906 г.—помещичья ломка старого землевладения—есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, *1905—1922* годы, есть эпоха революционной и контрреволюционной борьбы этих путей...» (Л. Каменев «Вместо предисловия» к III тому соч. Ленина) [1]).

И уже много лет спустя, после Февральской революции 1917 г. нам опять приходилось в борьбе с уже правительственной партией эсэров пользоваться все тем же незаменимым оружием, которым еще в 90-х годах нас вооружил Ленин.

Вот почему изучение сочинений Ленина, посвященных борьбе с народничеством является совершенно необходимым для всех тех, кто хочет знать историю партии, понять ее программу и тактику.

Второй том начинается письмом в редакцию «Самар. Вестника» (напечатанным 13 марта 1897 г. за подписью С. Т. А.). Письмо это представляет большой интерес само по себе, поскольку в нем затронут был вопрос, какие цены на хлеб (высокие или низкие) наиболее выгодны для рабочего и крестьянина, т.-е. для продавца рабочей силы, и производителя хлеба, как товара. Письмо это явилось отзвуком на дебаты «о влиянии урожаев и хлебных цен на все стороны народного хозяйства», происходившие в Петербурге 1 и 2 марта 1897 г. в «Вольно-Экономическом О-ве». Отчет об этом диспуте был напечатан в «Сам. Вестнике» 8 марта с предисловием редакции, в котором заявлено было решительное несогласие с теми взглядами, которые петербургские «легальные» марксисты П. Струве и Туган защищали на диспуте в «В.-Эк. О-ве». Вопрос о ценах на хлеб непосредственно затрагивал интересы аграриев,

[1]) Письмо было адресовано т. Скворцову-Степанову. Если еще допустимо для удобства изложения цитировать отдельные места из сочинений без указания источника, то *в данном* случае опущение имени адресата ровно ничем не вызывается. *Н. А.*

которые кричали о разорении сельского хозяйства благодаря низким ценам на хлеб на мировом рынке. Аграрии требовали высоких цен. Народники вообще и московские профессора,—авторы книги «Влияние урожаев и хлебных цен»—наоборот защищали низкие цены, которые по их мнению, выгоднее как для крестьян, сплошь и рядом вынужденных покупать хлеб, так и для городского населения. Выступившие на диспуте Струве и Туган-Барановский вопрос о ценах связали с вопросом о прогрессивности и неизбежности развития капитализма в сельском хозяйстве. Низкие цены на хлеб, по их мнению, способствуют лишь сохранению пережитков крепостнических, кабальных отношений в деревне, тогда как высокие цены являются условием развития производительных сил.

Самарских марксистов такая постановка вопроса, говорит Ю. Мартов в своих «Воспоминаниях» очень взволновала, в ней они усмотрели продолжение той апологии капитализма, в которой упрекал Струве еще 1½ года назад Тулин (Ленин) в статье «Экономич. содержание народничества». В предисловии к отчету марксистская редакция «Самар. Вестника» заявляла, что «с классовой точки зрения интересы наемника противоположны интересам хозяина и в таком вопросе, как хлебные цены..., что продавцу труда, крестьянину, которого главный доход получается от продажи его рабочей силы, выгоднее дешевый продукт, чем дорогой, нанимающему же работника хозяину выгоднее, чтобы продукт, произведенный им, продавался дороже».

Против такого толкования значения низких цен на хлеб решительно выступил Ленин в письме в редакцию «Самар. Вестн.» за подписью С. Т. А. Для крестьянина, писал Ленин,—поскольку он является мелким собственником, производящим хлеб для рынка, конечно, высокие цены выгоднее. Это бесспорно; что же касается рабочих, то и в этом отношении точка зрения «самарцев», по мнению Ленина, оказывается несостоятельной, ибо рабочий прежде чем явиться потребителем, покупателем хлеба на рынке должен на том же самом рынке заняться отчуждением чего-либо, в данном случае отчуждением своей рабочей силы, стоимость которой определяется стоимостью предметов первой необходимости. Замечено даже,—говорит Ленин,—что цены на рабочие руки понижаются в большей степени, чем цены на хлеб, более того, ссылаясь на Маркса («Речь о свободной торговле») Ленин добавляет, что низкие цены на хлеб прямо невыгодны рабочим.

Это первое столкновение взглядов «самарских» марксистов со взглядами Ленина вскоре привело к еще более резкому расхождению по вопросу о политической линии марксистского «Нового Слова» и его отношении к буржуазии. Поводом к полемической переписке послужило письмо «самарцев» в редакцию «Нового Слова», написанное П. Масловым и А. Саниным; в письме указывалось, что Туган-Барановский, на статью которого в «Нов. Слове» ссылались «самарцы», затушевывает классовую борьбу в капиталистическом обществе и выставляет капитал гегемоном общественного движения» (П. Маслов—«Первая марксистская газета», из подготов. Истпартом к печати сборника о «Сам. Вестн.»).

Редакция нового собрания сочинений Ленина, комментируя вышеупомянутое письмо С. Т. А. в редакцию «Самар. Вестника», приводит в «приложениях» цитату *только* из «Записок соц.-демократа» Ю. Мартова, совершенно не используя «воспоминания» П. Маслова и А. Санина, свидетельства коих в данном случае имеют решающее значение. Мартов, *несомненно*, смешивает два факта: полемику С. Т. А. (Ленина) с Масловым на страницах «Самарского Вестника» с полемической перепиской по поводу письма «самарцев» в редакцию «Нового Слова». Смешать это было легко постольку, поскольку и в переписке был затронут вопрос о

хлебных ценах, но только *между прочим*, так как предметом спора являлось «письмо» «самарцев» в редакцию «Нов. Слова». Об этом коллективном «письме-протесте» «ходившем в то время по рукам» упоминает и А. Потресов в статье «Эволюция общественно-политической мысли» [1].

Мы думаем, что редакции собрания сочинений Ленина не только следовало дать в «приложениях» выдержки из «воспоминаний» Маслова и Санина, но и поместить в числе неразысканных произведений Ленина переписку с П. Масловым, которая продолжалась до зимы 1897 г. [2].

Что касается самого письма в редакцию «Самар. Вестника» за подписью С. Т. А., то в последнее время в Институте Ленина возникло сомнение в принадлежности авторства этого письма Ленину.

В своей книге «Легальный марксизм» я высказал лишь *предположение* о принадлежности Ленину «письма в редакцию «С. В.» о «Хлебных ценах»; по моим, в то время еще не проверенным сведениям, Ленин должен был в марте 1897 г. проезжать в Сибирь через Самару; наконец, самая подпись: «С. Т. А.» невольно ассоциировалась с кличкой «старик», как тогда звали Ленина и других «стариков» («декабристов») в отличие от «молодых».

В то время все эти соображения разделялись и редакцией собрания сочинений Ленина. Но в то время Институт Ленина не имел еще в своем распоряжении прошения Владимира Ильича от *шестого* марта из Красноярска на имя Иркутского генерал-губернатора о назначении ему местом ссылки Минусинского уезда. Эта дата дает основание Институту изменить свое первоначальное мнение о принадлежности Ленину заметки о хлебных ценах.

Соображения Института сводятся к следующему: отчет о заседании В.-Э. О-ва напечатан в «Самарском Вестнике» в № 54, т.-е. 20(8) или 21(9) марта 1897 г. «Письмо в редакцию» С. Т. А. появилось уже в № 58, т.-е. 25(13) марта 1897 г., т.-е.: отчет был напечатан, когда Ленин был *уже* в Красноярске; через 4 дня появился ответ С. Т. А.— явно же, что за такой промежуток времени получить соответствующий номер «С. В.» и напечатать в нем ответ Ленин никак не мог. *Следовательно*: *«Письмо в редакцию»—«К вопросу о хлебных ценах»* за *подписью С. Т. А. принадлежит перу не Ленина.*

С первого взгляда соображения института кажутся убедительными. В самом деле: как мог Ленин поместить 13 марта «письмо в редакцию» по поводу отчета о заседании В.-Э. О-ва, если 6 марта он был уже в Красноярске, а отчет был помещен 8-го марта в Самаре? Как будто явная несообразность. Однако, нельзя основываясь *только* на внешних данных, отводить статью, которая и по существу трактуемого вопроса, и по форме убеждает нас в том, что в данном случае мы имеем дело с произведением Ленина. Разберемся в датах. В своих воспоминаниях о «Сам. Вестнике» [3], П. Маслов пишет: «В начале марта 1897 г. неожиданно появился в Самаре В. И. Ульянов (тогда Тулин). Ему разрешено было отправиться в ссылку в Сибирь на свой счет, и вот он по пути заехал в Самару... Около этого времени, а—может быть, и в это самое время,—пришли петербургские газеты с отчетом о дебатах в В.-Эк. О-ве по вопросу о хлебных ценах. Перепечатывая этот отчет в № 54 «Сам. Вестника» от 8 марта, редакция предпослала ему коротенькое вступление, в котором заявила о своем несогласии с теми взглядами по этому вопросу, которые развивались в речах петербургских легальных марксистов—Туган-Барановского и Струве. Несколько дней спустя в редакции было получено от В. И. Ульянова письмо под заглавием: «К вопросу о хлебных ценах», в котором подвергалась критике вышеупомянутая редакционная заметка... и защищалась точка зрения Туган-Барановского и Струве. Письмо это было не передано самим В. И. Ульяновым, а именно *прислано*; но откуда—из самой Самары до выезда в Сибирь, или уже с дороги, решительно не помню. Оно было напечатано вместе с ответом редакции на него».

Казалось бы после *такого* свидетельства П. Маслова, который *утверждает*, что в «Сам. Вестнике» было им, Масловым, редактором газеты, напечатано письмо Ленина, да еще и с ответом редакции—всякие сомнения о принадлежности Ленину заметки о «хлебных ценах»— должны исчезнуть и нам следовало лишь заняться частным вопросом: выяснением недоразумения с датами.

Приведем еще свидетельство А. Санина, ближайшего сотрудника «Сам. Вестника» [1].

«Я возвратился в Самару 17 марта 1897 г. утром и направился прямо к Маслову... Он сообщил мне, что с *неделю назад* был в Самаре, проездом в ссылку, В. И. Ульянов и виделся с ним...» Итак, по свидетельству А. Санина, Ленин был в Самаре около 10 марта, Маслов же полагает, что приезд Ленина в Самару по времени *совпадает со временем получения в Самаре петербургских газет* с отчетом о дебатах в В.-Эк. О-ве, т.-е., примерно, 4—6 марта. Отчет о дебатах был напечатан в «С. В.» 8-го марта. В это время Ленин или был в Самаре, или где-либо в пути по направлению в Сибирь. Во всяком случае он, если не ознакомился с отчетом *до* его напечатания, т.-е. 4—6 марта, то уж во всяком случае 8—10 марта отчет этот был Лениным прочитан и *послано* возражение в виде «письма в редакцию». В Самаре у Владимира Ильича было не мало связей и личных, и общественных. Совершенно естественно, что он задержался в Самаре, но так как В. И. ехал по проходному свидетельству, то вполне вероятно, что отметившись в полиции о выезде— фактически на несколько дней задержался в Самаре, и по непроверенным сведениям в Уфе, что практиковалось не редко. Обычной мотивировкой задержки являлась «болезнь». Вероятно, поэтому Ленин *прислал* письмо в редакцию, а не сам доставил; да и по конспиративным соображениям он, повидимому, не считал возможным посещать редакцию «С. В.», который 2 недели спустя был закрыт.

Но что же значит пометка *6 марта* на прошении, которое В. И. посылает из Красноярска Иркутскому ген.-губернатору? Значит ли это, что прошение было написано *именно* в Красноярске? Ничуть нет. Прошение могло быть написано в Самаре или где-либо в пути, наконец, даже в самом Красноярске, но датировано задним числом, чтобы не возбуждать подозрения на незаконную задержку в пути. А что В. И. систематически «задерживался», видно не только из того, что он в Москве прожил лишних два дня, но и из «записок» Мартова, который говорит: «из полученного нами письма от Ульянова, которому удавалось оттягивать под предлогом болезни свой от'езд в Сибирь, мы узнали» и т. д. Отсюда следует, что Мартов и другие питерцы получили от Ленина письмо в Московской перес. тюрьме в марте 1897 г., и письмо касалось вопроса о хлебных ценах.

Однако, помимо сопоставления дат, необходимо проанализировать спорный документ по существу.

---

[1]) „Общественное движение в России", т. I, стр. 575.

[2]) В списке неразысканных произведений II тома упоминаются только письма к Мартову и Маслову за март 1897 г.

[3]) Воспоминания П. Маслова входят в подготовленный к печати Истпартом сборник „Первая легальная марксистская газета «Сам. Вестник»".

[1]) Цитируем по тому же сборнику Истпарта.

В «письме в редакцию» «Сам. Вестн.», Ленин оспаривает точку зрения П. Маслова о том, что продавцу рабочей силы выгоднее дешевые цены на хлеб. «Прежде чем явиться потребителем, покупателем хлеба на рынке, я,—говорит Ленин,—должен на том же самом рынке заняться отчуждением чего-либо; в данном случае я, как рабочий отчуждаю свою рабочую силу...» «Замечено даже,—говорит далее Ленин,—что понижение цен на хлеб не эквивалентно понижению цен на рабочие руки; последние всегда падают при этом в цене больше, нежели хлеб... Но *один* известный *немецкий экономист* (курсив наш), на авторитет которого я позволю себе здесь сослаться, утверждает, даже, что падение хлебных цен прямо невыгодно для рабочих. Доказывает он это положение следующим образом. «Пока цена на хлеб, а с ней и заработная плата, еще высока, довольно незначительного сбережения на потреблении хлеба, чтобы удовлетворить другим потребностям. Но как скоро цена на хлеб, а с ней и заработная плата стоит низко, рабочий почти ничего не может сберечь на хлебе для покупки других предметов потребления».

Эти строки были написаны в начале марта 1897 г., а в апреле начали уже печататься в «Нов. Слове» статьи Вл. Ильича (Ленина) «К характеристике экономического романтизма», написанные им или в тюрьме, или же в марте 1897 г. в Красноярске. В главе VI этого сочинения трактуется вопрос о пошлинах на хлеб в Англии в оценке романтиков и научной (марксистской) теории. Вопрос этот в то время, в условиях русской действительности и споров о влиянии хлебных цен на развитие народного хозяйства, имел не только теоретическое, но и большое общественное значение. Трактуя такой, казалось бы, отвлеченный вопрос, Ленин ни на минуту не упускал сопоставления таких «теоретиков», как Сисмонди, с воплями наших отечественных «сисмондистов» об «апологии власти денег» и «гибели» мелкого производства.

«9-го января 1847 г. в Брюсселе, говорит Ленин, *один немецкий экономист* (курсив наш) говорил в публичном собрании «речь о свободной торговле». В противоположность романтизму... он поставил исходным пунктом своего изложения... простой трезвый *подсчет интересов*... Он раз'яснил, что понижение цены хлеба, столь прославляемое фритредерами, означает неминуемое сокращение заработной платы, удешевление товара «труд» (точнее: рабочей силы); что удешевление хлеба никогда не в состоянии будет уравновесить для рабочего это понижение платы, во-первых, потому, что при понижении цены хлеба работнику труднее будет сделать сбережение на употреблении хлеба с целью доставить себе возможность купить другие предметы...» (Сочинения т. II, стр. 109, 112). Сопоставление этой цитаты из статьи Ленина с вышеприведенной выдержкой из заметки «к вопросу о хлебных ценах» не оставляет сомнений в том, что «письмо в редакцию» «С. В.» принадлежит автору статьи о Сисмонди, т.-е. Ленину. В обоих случаях трактуется не только одна и та же тема, но даже в одних и тех же выражениях, и наконец,—это в обоих случаях цензурное умолчание о Марксе и ссылка на него, как на «*одного немецкого экономиста*»... Простого сличения цитат достаточно для того, чтобы установить, что в «письме в редакцию» «С. В.» Ленин приводит то самое место из немецкого издания Маркса «Rede uber die Frage des Freihandels», которое он пересказывает своими словами в статье о Сисмонди.

Но не находятся ли в противоречии с вышеизложенным мысли, высказанные Лениным по этому же вопросу, примерно, год спустя?

В главе V «Развития капитализма» (Соч., т. III, стр. 156) Ленин в примечании говорит: «...Большую заслугу гг. Туган-Барановского и Струве составляет правильная постановка вопроса о значении низких

хлебных цен: критерий для оценки их должен быть тот, содействуют ли такие цены вытеснению отработков капитализмом или нет. Такой вопрос есть, очевидно, вопрос факта, и в ответ на него мы несколько расходимся с названными писателями. На основании данных излагаемых в тексте (см. особенно § VII этой главы и главу IV), мы считаем возможным и даже вероятным, что период низких хлебных цен ознаменуется не менее, если не более быстрым вытеснением отработков капитализмом, чем предшествующий исторический период высоких хлебных цен».

О чем здесь, главным образом, идет речь? О том, что низкие цены на хлеб, разоряя мелких арендаторов, могут явиться, и нередко являются, побудительным стимулом к рационализации сельского хозяйства, отказу от испольщины и к использованию вольного найма, т.-е. к развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Противоречат ли эти соображения Ленина его взгляду о том, что низкие цены на хлеб невыгодны и крестьянам, и рабочим? Отнюдь нет. Это две стороны одного и того же вопроса. И рабочему, как продавцу своей рабочей силы, и крестьянину, как мелкому товаропроизводителю, высокие цены на хлеб выгоднее низких. Это остается бесспорным. Но с точки зрения развития производительных сил в сельском хозяйстве (независимо от непосредственных интересов крестьян, как мелких собственников и мелких арендаторов) низкие цены *могут* оказаться выгоднее (в интересах всего хозяйства в целом), чем высокие.

В письме в редакцию «Самарского Вестника» об этом еще не шла речь. Вопрос о влиянии низких или высоких цен на преобразование техники сельского хозяйства встал перед Лениным позже, в процессе работы над «Развитием капитализма».

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы: 1) «Заметка о хлебных ценах», напечатанная в виде письма в редакцию «С. В.» от 13/III 1897 г., принадлежит Ленину, 2) Заметка эта, вошедшая во II т. Собрания сочинений Ленина, недостаточно проработана: не использованы воспоминания П. Маслова и А. Санина. 3) Заметка не сопоставлена со статьей о Сисмонди, тогда как такое сопоставление совершенно необходимо для уяснения отношения Ленина как к народникам типа Сисмонди, так и к марксистам из «Самарского Вестника». 4) В список неразысканных произведений В. И. Ленина за 1897 г. следует включить письма к Маслову *не о ценах на хлеб*, а ответ на «письмо-протест» самарцев и др. письма о политической позиции Струве и Туган-Барановского. 5) В «Основных вехах» жизни В. И. Ленина необходимо отметить его пребывание в Самаре. 6) В тех же «Вехах» за 1896 или в самом начале 1897 г. необходимо упомянуть о том, что в это время была написана работа «К характеристике экономического романтизма».

Статьями 97 и отчасти 98 гг. (над «Развитием капитализма» Ленин работал в 97—98 гг.) как бы завершается *первый* период борьбы с народничеством. Статья «От какого наследства мы отказываемся?» (т. II) подводит итоги полемике. В главе IV («просветители», народники и «ученики») Ленин дает сжатую, но точную формулировку этих трех течений общественной мысли.

«Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому

развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма» (соч., т. II, стр. 330).

Мысли, высказанные в этой статье, и в особенности ссылка на «либерал-консерватора» Скалдина, дали повод меньшевикам обвинять Ленина в «узости» и говорить о лишенном исторического чутья «рационализме» ленинского марксизма» (Потресов, «Искра» №№ 98, 107, 111).

Меньшевики, обвиняя Ленина в отказе от революционных традиций народничества, не могли, или не хотели понять, что речь идет вовсе не об отказе от революционно-демократических требований народничества, а об очищении либерально-демократического движения от утопических пережитков народничества.

Потому и приветствовал Ленин «народоправцев», что они отбросили утопически-реакционную шелуху народничества.

Редактор собрания сочинений Ленина тов. Каменев совершенно правильно полагает, что «подлинный политический комментарий к легальному спору о «наследстве» мы находим в заключительных строках брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов».

Из статей, посвященных борьбе с ревизионизмом, во II том вошли три статьи по вопросу о теории рынков и статья против Булгакова «Капитализм в сельском хозяйстве».

Поскольку статьи Струве и Туган-Барановского были направлены на отрицание того основного положения в учении Маркса, что развитие производительных сил неизбежно вступает в противоречие с теми основами, на коих покоятся отношения потребления, постольку Ленину в борьбе с «ревизионистами» пришлось главнейшее внимание сосредоточить на выяснении значения противоречия между производством и потреблением для всей механики капиталистического общества.

«Если производительные силы рвутся к безграничному росту производства,—писал Ленин,—а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма, но оно означает необходимость превращения в высшую форму; чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как об'ективные условия этого превращения, так и суб'ективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками... Из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей (ответ Нежданову. См. т. II, стр. 424—5, цит. по статье тов. Каменева, стр. XXV).

Две статьи «Капитализм в сельском хозяйстве» написаны по поводу статьи Булгакова в «Начале», посвященной критике книги К. Каутского «Аграрный вопрос». «Эта статья,—писал Ленин Потресову,—привела меня прямо-таки в исступление... Я решительно не могу понять, как мог он написать такую сплошь вздорную и до невозможности неприличную по тону статью... Будь у человека сколько-нибудь чувства партийности, сознания ответственности перед всеми genossen и перед всей их программой и практической деятельностью,—он бы не решился так наездически «наскакивать»... Для журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех «посторонних» вообще».

Борьба с «экономизмом» представлена во II томе «Протестом российских социал-демократов» и статьей «Попятное направление в русской социал-демократии». Протест направлен против так называемого «Credo», произведения первых русских бернштейнианцев. Впервые «Протест» вышел в 1899 г. в виде отдельного оттиска из «Рабочего Дела», затем уже в 1900 году Плеханов напечатал «Протест» в своей брошюре «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела».

Программа авторов «Credo» сводилась к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии марксистов» за «правовые формы».

В примечаниях к «*Протесту*» рассказана не только история его происхождения, но и приведено весьма интересное письмо т. А. И. Елизаровой в редакцию сочинений Ленина, в котором сообщаются условия, при которых было получено это «знаменитое» «Credo». Приведены также соответствующие места из «Воспоминаний» Кусковой, которая, как известно, вместе с С. Прокоповичем являлась автором «Credo».

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» дана исчерпывающая критика программных взглядов «Рабочей Мысли», поскольку они были изложены в передовой статье «Наша действительность» в «Отдельном Приложении» к «Рабочей Мысли».

Русское рабочее движение в представлении авторов этой статьи сводилось только к стачкам и легальным обществам. Политическая борьба рабочего класса низводилась до степени маленьких и мелких реформ, вызываемых «потребностями минуты».

В «Попятном движении» Ленин, насколько нам известно, впервые берется за раз'яснение редакторам «Р. М.» как общего вопроса об отношении социализма к рабочему движению, так и вопроса о русской социал-демократии, представляющей собой слияние рабочего движения с социализмом.

Что касается самого факта возникновения «попятного» движения в русской социал-демократии, то Ленин об'ясняет это особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, «которая породила и *временно должна была* породить узкое понимание рабочего социализма».

Статья «Попятное движение» была написана в конце 1899 г., но впервые увидела свет лишь в 1924 г., т.-е. через 25 лет. К сожалению, статья эта не снабжена примечанием фактического характера, т.-е. при каких условиях она была найдена и почему не была своевременно опубликована. Следовало бы также отметить, что в этой статье еще за три года до появления «Что делать?» были изложены основные мысли против экономизма.

В первом томе сочинений помещен «Проект и об'яснение программы с.-д. партии», написанный В. И. в тюрьме в 1895—96 г., во втором томе напечатан «проект программы нашей партии», написанный в конце 1899 г. Эти оба документа имеют огромный интерес не только для изучения того, как постепенно создавалась программа нашей партии и какова была роль Ленина в ее создании, но и для изучения вопроса о выработке взглядов Ленина по аграрно-крестьянскому вопросу.

В программе 1899 г. отчетливо выражена мысль, что аграрная революция в России является необходимым моментом победы над дворянской монархией. В этом отношении взгляды Ленина значительно отличались от взглядов «Группы Освобождения Труда».

Плехановская формулировка крестьянских требований (1887 г.) — «радикальный пересмотр аграрных отношений», представлялась Ленину недостаточной. Необходимо было, во-первых, дать руководящий материал для агитации и, во-вторых, отгородить себя от защитников мелкого хозяйства. Не согласен Ленин и с оценкой Плеханова роли крестьянства в предстоящей буржуазной революции. «Русское революцион-

ное движение,—говорится в программе «Группы Освобождения Труда»,—торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянству, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Такая характеристика крестьянства казалась Ленину неправильной, она совершенно исключает всякую возможность говорить о *поддержке* социал-демократией революционных требований крестьянства. «Это,—говорит Ленин,—противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство отличается двойственными чертами».

«Поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т.-е.... самодержавие, необходима для рабочей партии». Ленин считал совершенно недостаточным говорить о «соглашении» с людьми, работающими в крестьянстве, как это предлагала «Гр. Осв. Тр.»,—«мы сами должны начать обсуждение основных принципов деятельности в крестьянстве».

Вместо поддержки революционных требований крестьянства,—требований, которые, конечно, не должны мешать свободному развитию классовой борьбы,—программа «Группы Освобождения Труда» говорит об «условиях выкупа земли и наделении ею крестьянства», и этот «выкуп» рассматривается как одна из мер «радикального пересмотра аграрных отношений». Естественно, что такая формулировка программы представлялась Ленину «неотчетливой».

Нам могут заметить, что программа «Группы Освобождения Труда» была формулирована за 15 лет до ленинского «проекта программы нашей партии» и за несколько лет до формулировки «аграрной программы» германской социал-демократии. Это верно. Однако, Ленин еще в «Друзьях народа», т.-е. в 1894 г., высказывал те самые мысли по отношению к поддержке социал-демократией крестьянства, которые вошли в его проекты 1896 и 1899 гг. В ближайшем времени мы будем иметь возможность опубликовать запись реферата Плеханова, читанного им в 1894 г. в Берне,—реферата, в котором опять идет речь о «радикальном пересмотре аграрных отношений», о «выкупе земли» и ничего не говорится о поддержке революционных требований крестьянства, т.-е. о единственно правильной тактике социал-демократии в крестьянстве.

Нет возможности, в сущности говоря, в библиографической заметке, и так непомерно разросшейся, исчерпать все то огромное литературное наследие Ленина, которое представлено в трех вышедших томах.

По расположению материала, обилию примечаний, документов, материалов, биографических и библиографических справок, проработке текста, новое собрание сочинений следует признать исключительным.

С внешней стороны издание — безукоризненно и стоит на уровне лучших заграничных изданий.

Н. Ангарский.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.